

CONTENTS

Some Aspects of Development of Educational Bilingual Ideographic Dictionaries	
Zhunussova Zhanyl Nygisbaevna	11
The Royal and Nobiliary “Paradise” in Russian Poetry of the XVIII and First Third of XIX Centuries: Evolution of the Subject and Meaning	
Ivanitskiy Alexander Ilitch	29
Muslim Sermons in Russian: Communicative and Pragmatic Aspect	
Itskovich Tatiana Viktorovna/Tugolbaigizi Ajamal	47
Originality of the Golden Age of Russian Literature in Reflections of the Silver Age	
Koshemchuk Tatiana Alexandrovna	63
Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX century (“Journey to Persia” by A.D. Saltykov)	
Maltseva Tatiana Vladimirovna	81
Gender Representation of Emotions in A.S. Pushkin’s Cycle “<i>The Tales of The Late Ivan Petrovich Belkin Published By A. P.</i>”	
Abramova Veronika Igorevna	99
Choosing the Syntactic Construction: Type of Situation and Other Factors	
Grigorian Elena Leonidovna	117
Poetic and Pictorial: The Correlation of Categories in the Work of N.V. Gogol	
Kravchenko Oksana Anatolievna	137
Russian Academic Science of the 19th-century about Bulgarian Historiography of the Revival Period	
Krasteva Mila Dimitrova	151
Topos Manor Paradise in the Novel by F.M. Dostoevsky “Village Of Stepanchikovo and Its Inhabitants”	
Safronova Elena Yurievna	169
Comparative Analysis of Derivational Prefixes of Dari Persian and Their Russian Equivalent	
Ahmadi Zahra/Mohammad Beygi Kasvaei Mahdi/Haitova Shirin	187
The Problem of Translation of Persian-Tajik Philosophical Lyric Poetry into Russian Language	
Sultonov Alisher Hisainovich/Rebrova Nataliya Evgenyevna	207
.....	
Persian Abstracts	7

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar

Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour

Executive Secretary: M. Mohammad Beygi

Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.

ISSN 2345-2498

e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran

<http://www.journaliarll.ir>

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book:** surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article:** surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources:** surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief:
myahya@ut.ac.ir, journaliar11@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

Некоторые аспекты разработки учебных двуязычных идеографических словарей	
Жунусова Жаныл Ныгизбаевна	11
Царский и дворянский "парадиз" в русской поэзии XVIII –первой трети XIX вв.: эволюция предмета и смысла	
Иваницкий Александр Ильич	29
Мусульманские проповеди на русском языке: коммуникативно-прагматический аспект	
Ицкович Татьяна Викторовна/Туголбайкызы Айжамал	47
Своеобразие Золотого века русской литературы в отражениях Серебряного века	
Кошемчук Татьяна Александровна	63
Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова)	
Мальцева Татьяна Владимировна	81
Гендерная репрезентация эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.»	
Абрамова Вероника Игоревна	99
Выбор синтаксической конструкции: тип ситуации и другие факторы Григорьян Елена Леонидовна	117
Поэтическое и живописное: соотношение категорий в творчестве Н.В. Гоголя	
Кравченко Оксана Анатольевна	138
Русская академическая наука XIX века о болгарской возрожденческой историографии	
Крыстева Мила Димитрова	151
Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»	
Сафронова Елена Юрьевна	169
Сравнительный анализ словообразовательных префиксов персидского дари и их русские эквиваленты	
Ахмади Захра/ Мухаммадбегии Косвои Махдии/Хаитова Ширин	187
Проблема перевода персидско-таджикской философской лирики на русский язык	
Султонов Алишер Хисайнович/Реброва Наталия Евгеньевна	207
.....	
Краткие содержания	7

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы
Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:

Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:

Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:

М. Мухаммадбегии

Научный редактор:

С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джанолах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбият модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.

ISSN печатной версии 2345-2498

ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран

<http://www.journaliarll.ir>

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследований, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепяхин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фируза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей, Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

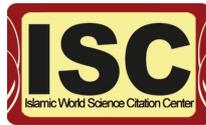
"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:
Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.
Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.
Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Sponsored and Indexed by
CIVILICA
We Respect the Science

پایگاه استنادی علوم جهان اسلام

SID

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение
журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC
LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication
of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Some Aspects of Development of Educational Bilingual Ideographic Dictionaries

Zhunosova Zhanyl Nygisbaevna¹

Professor, Eurasian National University L.N. Gumilev,
Astana, Kazakhstan.

(date of receiving: January, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

In the past two decades there were changes in social life of Kazakhstan: entering into the global community, integration of economy, the politician of trilingualism, which promoted change in learning approaches, modernization of all education system. For successful social adaptation and communication of a special category of the repatriate students who have come back to the historical land, various dictionaries and reference books are widely used in teaching them non-native language (Russian). For this category of students in the Kazakhstan's universities conduct additional classes in all faculties, prepare teaching methodical materials, individual work programs, manuals. Especially for this category of students we have created a special type of dictionary – ideographic, which is intended for active work with vocabulary, expansion and systematization knowledge of the Russian language, and is useful for self-study of the language as an additional guide to the basic course. In the Centers of adaptation and integration of repatriates for carrying out training courses in Russian manuals successfully take root, seminars on the methodology of language teaching are being conducted.

Keywords: Educational Dictionaries, Adaptation, Repatriate Students, Language Policy, Ideographic Dictionary, Bilingual Lexicography.

---

1. E-mail: zhanyl08@mail.ru

Некоторые аспекты разработки учебных двуязычных идеографических словарей

Жунусова Жаныл Ныгизбаевна¹

Профессор, Евразийский национальный университет
им. Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан.

(дата получения: январь 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

В последние два десятилетия произошли изменения в социальной жизни Казахстана: вхождение в мировое глобальное сообщество, интеграция экономики, политика трехязычия, которые способствовали изменению подходов в обучении, модернизации всей системы образования. Для успешной социальной адаптации и коммуникации особой категории студентов-репатриантов, вернувшихся на историческую землю, при обучении их неродному языку (русскому) широко используются всевозможные словари и справочные пособия. Для этой категории студентов в казахстанских вузах проводят дополнительные занятия на всех факультетах, готовят учебно-методические материалы, отдельные рабочие программы, учебные пособия. Специально для этой категории студентов нами создан словарь особого типа – идеографический, который предназначен для активной работы со словарным запасом, расширения и систематизации знаний по лексике русского языка, полезен при самостоятельном изучении языка в качестве дополнительного пособия к основному курсу. В Центрах адаптации и интеграции репатриантов для проведения учебных курсов по русскому языку успешно внедряются учебные пособия, проводятся семинары по методике преподавания языка.

Ключевые слова: учебные словари, адаптация, студенты-репатрианты, языковая политика, идеографический словарь, двуязычная лексикография

---

1. E-mail: zhanyl08@mail.ru

Введение

В современных условиях в странах постсоветского пространства изменилась языковая политика, отношение к обучению языкам, что связано, в первую очередь, с вхождением этих государств в глобальное мировое сообщество, интеграцией во всех сферах общественной жизни. В нашей многонациональной республике стало активно внедряться трехязычие, модернизируются и изменяются траектории преподавания языков в общеобразовательной и высшей школах, как, например, преподавание русского языка для казахов-репатриантов, которые массово возвращаются на историческую землю.

Современная действительность требует интенсификации и повышения качества обучения языкам, где в практику обучения языкам входит преподавание не одному, а нескольким языкам одновременно. Приобщение к иностранным языкам начинается с начальных классов, и в каждом вузе отведено достаточное количество часов для их изучения. В связи с этим роль словарей, справочных пособий в нашем обществе стала меняться, в свет выходит большое количество учебной и справочной литературы различных типов.

Так, происходящие процессы нашли отражение и в сфере образования: возникла необходимость изменения в системе преподавания языковых дисциплин при подготовке специалистов в вузах, совершенствование методики ее преподавания в группах со студентами-репатриантами, что потребовало пересмотра рабочих учебных программ, подготовку новых учебно-методических и справочных пособий в виде глоссариев, учебных словарей.

Репатрианты-казахи, в основном, недостаточно или совсем не владеют русским языком, который широко используется в нашем социуме, при этом возникают немалые трудности для их успешной адаптации в социальную и

культурную жизнь страны, для полноценного общения. Насущной проблемой стало создание учебных словарей и справочных пособий, которые помогли бы им адаптироваться в новой социокультурной среде, повысить коммуникативно-языковую компетенции. В рамках научного проекта, финансируемого Министерством образования и науки Казахстана, группа ученых-практиков нашего университета впервые для этой категории студентов разработала модель двуязычного идеографического словаря.

Создание идеографических словарей имеет давнюю традицию, прежде всего, западноевропейскую, существует большое количество тематических словарей под редакцией Г. Чейна, Дудена, О. Хеккера, К. Бабова и А. Воргулева, П.М. Роже, Ф. Дорнзайфа, Х. Касареса, Э. Блана и др. Из древнейших идеографических словарей известен замечательный санскритский словарь «Амаракоша».

О необходимости создания идеографических словарей русского языка впервые высказался И.А. Гулянов (1821 г.), который составил Сродственный словарь. Современная российская практическая лексикография в своем арсенале имеет идеографические словари О.С. Баранова (1990, 1995, 2006, 2007), Ю.Н. Караулова (1976), Т.В. Козлова (2001), В.В. Морковкина (2000), Л.Г. Бабенко (1992, 1999) и мн. др.

Используя опыт, накопленный в теоретической и практической лексикографии, стали издаваться русско-национальные идеографические словари: «Тематический русско-таджикский словарь» К.И. Садыкова, «Картинный русско-эстонский тематический словарь» З.Н. Дормидонтовой, «Русско-узбекский тематический словарь» под ред. Н.М. Шанского, «Русско-казахский тематический словарь» А. Таранова и др. В теоретической лексикографии идеографические словари – один из развивающихся видов лексикографических изданий.

Основная часть

В современных условиях в развитии словарного дела происходит изменение многих жанров словарей и усиление их учебной ориентации, чему способствовали интеграционные процессы в жизни социума и в самой лингвистике: взаимовлияние общей лексикографии и лингвистики с методикой преподавания языков, которая, по мнению академика Ю.В. Рождественского, считается важнейшей частью прикладного языкознания.

Это повлекло появлению учебной лексикографии как самостоятельной лингводидактической дисциплины, «лексикографии меньших форм и большей обучающей направленности» с учетом следующих факторов методического порядка – этап обучения, вид речевой деятельности, родной язык учащихся, наличие языка-посредника, наличие языковой среды, уровень общей культуры учащихся и т.д. (Бархударов, Новиков 1971).

Теория и практика двуязычной лексикографии находится на этапе постоянного совершенствования уже существующих источников и создания новых лексикографических произведений. По мнению Л.П. Ступина, «это разнообразие объясняется, прежде всего, сложностью и многоаспектностью самого объекта лексикографического описания, т.е. языка. Кроме того, многочисленные потребности общества в получении самой различной информации о языке также усложняют и расширяют репертуар словарей. Поэтому в любой национальной лексикографии мы находим десятки, а то и сотни словарей самых разных типов» (Ступин 1985. 12).

Потребность в словарях обучающего типа стимулировала появление учебной лексикографии, теоретические основы которой изложены в таких крупных изданиях, как «Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии» (Денисов В.П. 1974) и «Основы теории учебной лексикографии» (Морковкин В.В. 1990). Сегодня учебные словари носят смешанный, синтетический характер, они являются универсальными.

В современной науке учебная лексикография определяется рядом отличительных особенностей: методической направленностью; строгой ориентацией на определенный этап обучения; специфическим отбором языкового материала. Использование в процессе обучения языкам различных по характеру и типу учебных словарей, построенные на строго отобранном лексическом материале и учитывающие трудности при изучении языков, общедоступные грамматики и справочные пособия по русскому языку, будут способствовать овладению лексическим богатством изучаемого языка, его грамматическим строем, развитию мыслительных способностей, совершенствованию и повышению культуры речи студентов этой категории. В национальной аудитории учебные двуязычные словари – это не только справочное пособие, но и средство дополнительного обучения языкам.

Разработка учебных словарей тематической направленности представляет собой попытку научно обоснованного описания системы знаний об окружающей действительности, они выполняют не только информативную функцию, являясь источником любой информации, но и включают коммуникативную функцию, так как помогают межъязыковому общению и способствуют обучению языкам.

Учебные двуязычные словари лингводидактической направленности должны иметь следующие параметры: комплексный (толкование и перевод), нормативный, функциональной направленности, систематизированный, использующий семантический принцип описания сочетаемости слов. В макроструктуру словаря входит предисловие, аннотация, словник словаря, оглавление с номерами страниц их расположения. Микроструктура идеографического словаря включает следующие зоны: вариант выходного языка, стилистические особенности, необходимо уделять внимание сочетательному потенциалу описываемых слов входного языка, который будет способствовать активному освоению словарного состава, в некоторых случаях

давать пояснительные комментарии на двух языках, иллюстративные примеры и заромбовая зона.

Следуя положениям теории учебной лексикографии, с одной стороны, и традиционной практике, с другой, составляющим мегаструктуру тематического словаря относим: предисловие, словарные статьи, объединенные по близости их понятийного содержания.

В двуязычных словарях тематической направленности лексико-семантическая информация слова группируется по определенным темам на основе логико-системной общности, которая способствует овладению и пополнению словарного запаса. Построение слов по тематическому принципу также очень важен при сопоставительном изучении лексики разных языков «поскольку он дает в руки исследователя целые группы слов, соотносящихся с определенной идеей» (Морковкин 1990. 9).

Учебный двуязычный тематический словарь – это достаточно небольшой по объему словарь, составленный из современных общеупотребительных лексических единиц, при этом следует придерживаться принципа нормативности, частотной употребительности, системности. Базовыми характерными признаками такого словаря являются тематическое группирование лексики одного языка с одновременным переводом на другой язык, в данном случае, казахский.

По мнению ученых, одним из эффективных способов интеграции личности в жизнь общества, в единое социально-информационное пространство будет организация, рационализация обучения второму языку с постоянным использованием учебных билингвальных словарей в процессе приобретения знаний. Одним из важнейших компонентов изучения любого языка является накопление словарного запаса, только приобретя некоторый словарный запас, можно приступить к изучению взаимосвязей слов – грамматики, стилистики и т.п.

Одна из задач при обучении словарному составу языка – это обучение общей лексике, объем лексического минимума должен быть достаточным для удовлетворения коммуникативных потребностей обучающихся того или иного уровня подготовки. При этом целесообразно представить лексический материал в алфавитном порядке с указанием управления и иллюстрацией сочетаемости.

Учеными нашего университета в рамках научного проекта «Культурно-языковая адаптация молодого поколения репатриантов-казахов в условиях современного Казахстана» при поддержке Министерства образования и науки РК подготовлен и издан комплексный русско-казахский идеографический словарь (2017 г.), который является первым серьезным опытом тематической организации слов русского языка с переводом на казахский язык для особого контингента – студентов-репатриантов.

Создание учебного словаря, в данном случае, двуязычного идеографического (тематического) – процесс чрезвычайно сложный, ответственный, длительный и трудоемкий. При работе над словарем следует тщательно продумывать композицию словаря, выработать единообразный подход для качественной семантизации описываемых лексических единиц, определить основную линию и идею создаваемого словаря, что, безусловно, определит успех лексикографической деятельности и степень эффективности использования лексикографического издания. Базу создания подобного словаря составляют коммуникативно-тематические поля (КТП), представляющие собой наиболее продуктивные и репрезентативные слова, тематически организованные лексические объединения в учебно-коммуникативных целях, в условиях их «реальной жизни».

При создании словарей известный лексикограф, автор серии учебных словарей В.В. Дубичинский выделяет в качестве его основных составляющих следующие семь этапов, которые мы взяли за основу при работе над

двухязычным идеографическим словарем для студентов-репатриантов: *проект словаря; формирование авторского коллектива; создание картотеки; отбор словника; разработка авторской концепции структуры словарной статьи; непосредственная лексикографическая интерпретация отобранных лексических единиц и построение словарных статей; подготовка словаря к изданию* (Дубичинский 2009. 370–373).

В представленной модели учебного идеографического словаря были реализованы общепринятые лексикографические функции: систематизирующая; справочная; учебная; нормативная, позволяющие одновременно сообщать имеющиеся знания, открывает перспективу для получения новых знаний, в нем студент должен получать «ответ на любые лингвистические задачи» (Караулов 1976. 42).

Разрабатывая основные принципы построения двухязычного (русско-казахского) идеографического словаря для студентов-репатриантов, мы исходили из концепции системной организации лексики и структурного построения семантики слова, которые нашли отражение в работах Ю.Д. Апресяна, Л.М. Васильева, В.Г. Гака, А.С. Герда, П.Н. Денисова, Ю.Н. Караулова, В.В. Морковкина, В.В. Дубичинского и др.

В работе над словарем учитывались рекомендации при составлении подобных словарей, предложенные российским ученым Л.А. Новиковым:

- необходимо доступно раскрыть для обучающихся семантику слов с помощью перевода на родной язык;
- расположить изучаемые слова не только в алфавитном порядке, но и по темам;
- показать, как употребляются данные слова с другими на конкретных примерах;
- отбор слов должен происходить с учетом культурно-исторической ситуации, реалий современного русского языка.

В качестве критериев отбора лексических единиц выступают: 1) стилистическая немаркированность, 2) способность слова входить в словосочетания (слова с широкой лексической сочетаемостью), 3) семантическая ценность (слова, обозначающие часто встречающиеся предметы и явления), 4) высокая словообразовательная способность слова, 5) частотность. При этом внимание акцентировалось на семантизации представленной лексики, то есть раскрытие содержательной стороны слова. По лексической наполняемости словарь должен быть достаточным для удовлетворения коммуникативных потребностей обучающихся того или иного уровня подготовки.

В ходе работы над комплексным русско-казахским идеографическим словарем для студентов-репатриантов самыми трудоемкими стали следующие этапы работы: отбор словника и лексикографическая интерпретация отобранных слов. В нем эксплицитно нашли отражение системные семантические отношения между лексическими единицами, а одной из основных его характеристик, определяющей как его структуру, так и объём, является его тематическая направленность.

Работа над созданием словаря велась в несколько этапов: авторский коллектив проанализировал современное состояние теории и практики общей и учебной двуязычной лексикографии, определил основные принципы построения идеографического словаря, представил виды тематических групп по понятийному принципу, установил типы лексико-семантических связей. На основе этого создал проект будущего идеографического словаря, определил основные требования к словарю, постоянно учитывая четкую систему адресации.

Следующим этапом стала разработка макроструктуры и микроструктуры двуязычного (русско-казахского) идеографического словаря. Самым ответственным моментом в работе над словарем оказался отбор лексического минимума и составление словника, затем последовала непосредственная

работа по определению и разделению её на словарные статьи, которые по составу близки к семантическим полям, семантизация входной лексики, подбор эквивалентов, иллюстративного материала и зарумбовой зоны. Последний этап – литературное оформление, редактирование, уточнение, подготовка словаря к печати и издание.

Тенденция создания словарей смешанного типа в лексикографической практике актуально, поэтому при реализации замысла словаря стремились к тому, чтобы он смог обеспечить обучающимся продуктивный уровень владения языком, т.е. создавали толковый, идеографический, учебный словарь активного типа коммуникативной направленности и это вполне закономерно в нашем полиязычном обществе. Идеографическое описание лексики необходимо сегодня не само по себе, а в целях обучения, при создании словарей-учебников.

В предисловии к комплексному русско-казахскому идеографическому словарю говорится о необходимости создания словаря такого типа, который предназначен для репатриантов-казахов, изучающих русский язык в вузах республики. Он также будет полезен студентам казахских отделений вузов и преподавателям при обучении русскому языку как второму, кратко дано описание его объема и поставленных задач, указаны общие принципы, которыми мы, составители, руководствовались. Отмечено, что специфика идеографического (тематического) словаря заключается в его учебной направленности.

Микроструктура словаря имеет четкую традиционную логическую структуру с иерархическими связями между элементами в виде формата словарных статей и характер их заполнения, внутри упорядочена по алфавиту для облегчения поиска.

Словарь организован по тематическому принципу, включает наиболее актуальные темы, которые охватывают основные сферы повседневной

деятельности человека (*искусство, продукты питания, времена года, дом и быт, природа, транспорт, родственные отношения, образование* и др.), насчитывает 18 тем. Заголовочными словами понятийных групп являются, как правило, имена существительные, «которые с логической точки зрения обладают более широкой семантикой, чем другие части речи» (Морковкин 1970. 33), расположенные в алфавитном порядке в корпусе словаря и связанные понятийно-смысловыми узлами.

Словарь предстает как смешанный тип семантического словаря, совмещающий в себе толковый, переводный и словарь словоупотреблений. В нем нашли отражение, с одной стороны, парадигматическая группировка слов, а с другой, дается достаточно полная информация об их синтагматических свойствах, так как «важным условием для адекватного достижения целей коммуникации считается умение правильно употребить то или иное слово, усвоить наиболее типичное окружение и специфику сочетаемости, соотносить словарные описания с речевой деятельностью носителей языка» (Жунусова и др. 2017. 342).

Как и все словари тематической направленности в нем широко представлены сочетаемостные возможности входного слова, семантический объем которых раскрывается через составительские речевые иллюстрации-словосочетания и предложения, при необходимости в словарных статьях даются пояснительные комментарии на входном (русском) и выходном (казахском) языке.

Так, например, в тематической группе «*Искусство – Өнер*» в словарной статье лексемы *живопись* приведен перечень эквивалентов на казахском языке – *көркем сурет; сурет өнері; бейнелеу өнері; кескіндеме*, тут же дано небольшое толкование этой лексемы на казахском языке – *түстермен бояу, өнердің бір саласы*.

Далее приводятся модели управления, по возможности со всеми падежными формами, позволяющие последовательно описать сочетаемостные свойства вокабулы, каждая группа сочетаний слов переводится на казахский язык: **знать (любить, преподавать) что? живопись** – сурет өнерін білу (сүю, оқыту); **брать уроки чего? живописи** – кескіндеме сабақтарын алу; **учить чему? живописи** – сурет өнеріне үйрету; **заниматься (интересоваться, увлекаться) чем? живописью** – сурет өнерімен шұғылдану (қызығу, әуестену); **думать о чем? о живописи** – бейнелеу өнері туралы ойлау.

В каждой словарной статье тематического словаря обязательно приводятся сочетания на согласование заголовочных слов с прилагательными: **настенная (портретная, пейзажная, акварельная) живопись** – қабырғаға салынған (портретті, пейзажды, акварельді) кескіндеме, далее мы образуем по возможности от заголовочных слов имена прилагательные – **живописный** – көркем, и составляем словочетания с ними, как например: **живописный ландшафт (портрет, уголок природы)** – көркем ландшафт (портрет, табиғат бұрышы; **живописная картина** – көркем сурет и т.д.

В качестве примеров используются наиболее употребительные сочетания слов и образные речения, в состав которых входит данное слово. При необходимости такие речения кратко объясняются. В иллюстрациях словарных статей, в основном, представлены предикативные конструкции с заголовочным словом: ***Живопись акварелью впервые появилась в Китае в XII веке. Важные инструменты художника при акварельной живописи – мольберт и палитра. – Акварельмен бейнелеу XII ғасырда Қытайда пайда болды. Суретшінің акварельді кескіндеме жасаудағы маңызды құралдары – мольберт пен палитра.***

В конце словарной статьи при возможности необходимо приводить фразеосочетания и пословицы с переводным вариантом на казахский язык, например, в словарной статье **искусство – өнер**: *◇ Искусство – живой ручей,*

наука – яркий светильник (Пословица). – Өнер – ағып жатқан бұлақ, білім – жанып тұрған шырақ (Мақал). *Ум принесет добро, а искусство возвысит до небес (Пословица).* – Ақыл көпке жеткізер, өнер көкке жеткізер (Мақал). *Искусство бессмертно, бездарность не выживет (Пословица).* – Өнерлі өлмес, өнерсіз күн көрмес (Мақал).

В заромбовой зоне нашлось место не только для пословиц и поговорок, но и для крылатых слов, афоризмов, для связанных сочетаний слов, например: *на досуге* – қол бос кезде, *в часы досуга* – бос уақытта; *дом отдыха* – демалыс үйі; *зона отдыха* – **демалыс аймағы**, *право на отдых* – демалыс құқығы; *сечь корабли* – ескіден қол үзіп жаңа жолға түсу; *с корабля на бал* – жағдайдың кенеттен өзгеруі; *мы все в одной лодке* – **кемедегінің жаны бір** *Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага (Лао-цзы).* – Мың шақырым жол бір қадамнан басталады (Лао-цзы) и т.д.

Иллюстративный материал в словарных статьях заголовочных слов дает возможность пользователям словаря вводить в свою речевую практику словосочетания-заготовки, самостоятельно, по готовому образцу, составлять сочетания слов и строить предложения, расширяя свой активный запас слов, необходимый в акте коммуникации. Также они могут избежать определенных ошибок при употреблении слов, лучше усвоить систему логико-понятийных связей, соединяющих слова в составе лексико-семантических групп слов, что «повышает методический эффект при обучении и подчеркивает учебный характер идеографических словарей» (Дубичинский 1994. 29).

Предлагаемый словарь является учебным, поэтому авторы старались представить в нем, в первую очередь, общеупотребительные слова, а стилистически маркированная лексика представлена минимально: оставлены только те, которые, на наш взгляд, активно употребляются в живой речи и не имеют грубо-просторечной окраски, при них дается помета, например, «разг».

В процессе обучения студентов-репатриантов в рамках учебной программы, предоставляемой им вузом, смысловое описание лексических единиц языка в структуре двуязычного словаря, безусловно, способствует быстрому освоению лексики.

Для успешной адаптации и интеграции репатриантов стали необходимы справочные пособия, всевозможные словари учебной направленности, в первую очередь идеографические словари, в которых можно найти достаточно объективную информацию об особенностях употребления каждого слова, некоторое представление и описание системы знаний о действительности, смысловую картину окружения конкретного слова.

Заключение

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что в настоящее время учебная лексикография расширяет свои границы, решая не только прикладные задачи. Современные словари являются самыми популярными справочными книгами в нашем полилингвальном мире и прочно входят в повседневную жизнь, широко внедряются в учебный процесс при преподавании неродных языков. В лингводидактике и теоретической лексикографии разработка и издание новых учебных словарей коммуникативной направленности, активное применение их в обучении и развитии навыков устной речи становятся актуальными.

При составлении переводных словарей в учебных целях следует учитывать, прежде всего, коммуникативную значимость слов, нормативность и частотность. Необходимость идеографической классификации слов и их лексикографической интерпретации считаем важным для школьной и вузовской практики преподавания языков, особенно для репатриантов-казахов. Они способствуют лучшему усвоению русской лексики, развивают навыки связной речи, формируют языковые и речевые навыки, позволяют быстро

адаптироваться в новом социуме. Как справочное пособие они очень полезны при формировании языковой и речевой компетенции обучающихся, являются необходимым вспомогательным средством в практике преподавания языков как неродного.

Предложенная методика и принципы лексикографического описания тематических групп слов могут быть применены при создании лексикографических произведений с использованием компьютерных технологий, для создания подобных словарей с другими языками, учебных пособий и учебно-методических разработок на материале других языков.

Двуязычный учебный идеографический словарь основан на теоретических достижениях современной двуязычной лексикографии и смежных с ней лингвистических дисциплин, в нем нашли отражение, с одной стороны, парадигматическая группировка слов, а с другой – достаточно полная информация об их сочетаемостных свойствах, совмещен тип идеографического словаря с толковым, что, безусловно, оправдано с практической точки зрения.

Данная работа является первым опытом интеграции и систематизации тематически сгруппированных общеупотребительных и частотных слов основного словарного состава русского языка с переводом на родной (казахский) язык для студентов-репатриантов, позволяющая правильно понимать смысл слов и в дальнейшем употреблять в своей повседневной речевой практике.

Предлагаемый тематический русско-казахский словарь призван помочь студентам-репатриантам классифицировать и моделировать, в первую очередь, понятия и связи, относящиеся к той или иной лексико-семантической группе слов, понять системные связи в лексике русского языка. В нем студенты получают представление о тесной связи разных уровней языковой системы, как, например, лексики с грамматикой и другими сторонами языковой системы.

В методике преподавания языков важная роль принадлежит лексике, овладение им должно быть постепенным: от небольших по объему словарей-минимумов к словарям основной лексики, с учетом системного подхода. В связи с таким подходом в обучении встает проблема создания такого типа словаря, который отражал бы системную организацию лексики и был бы словарем коммуникативной направленности. К подобного типа словарям можно отнести идеографические (тематические, семантические) словари. Особенность этих словарей в том, что слова в них располагаются по смыслам, по темам, описывают лексику от значения к форме, что соответствует построению речи (текста). Также, потребность в идеографическом словаре ощущается, прежде всего, при сопоставительном изучении лексики разных языков.

Литература

- 1- Бархударов С.Г., Новиков Л.А. (1971). *Каким должен быть учебный словарь*, М., РЯЗР, № 3.
- 2- Денисов В.П. (1974). *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*, М.: Изд-во «МГУ».
- 3- Дубичинский В.В. (1994). *Искусство создания словарей. Конспекты по лексикографии*, Харьков.
- 4- Дубичинский В.В. (2009). *Лексикография русского языка*, М.: Изд-во «Флинта».
- 5- Жунусова Ж.Н., Агманова А.Е., Асмагамбетова Б.М. (2017). *Межкультурный аспект современной переводной учебной лексикографии // Материалы международного научного симпозиума «Актуальные проблемы перевода в контексте межкультурной коммуникации»*, Алматы: Изд-во «КазГУМОиМЯ».
- 6- Караулов Ю.Н. (1976). *Общая и русская идеография*, М.: Изд-во «Наука».
- 7- Морковкин В.В. (1970). *Идеографические словари*, М.: Изд-во «Высшая школа».
- 8- Морковкин В.В. (1970). *Идеографические словари*, М.: Изд-во «Высшая школа».

- 9- Морковкин В.В. (1990). *Основы теории учебной лексикографии*. / Дисс. ... докт. филол. наук в форме научного доклада, М.
- 10- Ступин Л.П. (1985) *Лексикография английского языка*, М.: Изд-во «Высшая школа».

Bibliography

- 1- Barhudarov S.G., Novikov J.A. (1971). *Kakim dolzhen byt' uchebnyj slovar'*, М., RJaZR, № 3.
- 2- Denisov V.P. (1974). *Oчерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*, М.: Изд-во «MGU».
- 3- Dubichinskij V.V. (1994). *Iskusstvo sozdaniya slovaroj. Konspekty po leksikografii*, Har'kov.
- 4- Dubichinskij V.V. (2009). *Leksikografija russkogo jazyka*, М.: Изд-во «Flinta».
- 5- Zhunusova Zh.N., Agmanova A.E., Asmagambetova B.M. (2017). *Mezhkul'turnyj aspekt sovremennoj perevodnoj uchebnoj leksikografii // Materialy mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma «Aktual'nye problemy perevoda v kontekste mezhkul'turnoj kommunikacii»*, Almaty: Изд-во «KazGUMOiMJa».
- 6- Karaulov Ju.N. (1976). *Obshhaja i russkaja ideografija*, М.: Изд-во «Nauka».
- 7- Morkovkin V.V. (1970). *Ideograficheskie slovari*, М.: Изд-во «Vysshaja shkola».
- 8- Morkovkin V.V. (1970). *Ideograficheskie slovari*, М.: Изд-во «Vysshaja shkola».
- 9- Morkovkin V.V. (1990). *Osnovy teorii uchebnoj leksikografii*. / Diss. ... dokt. filol. nauk v forme nauchnogo doklada, М.
- 10- Stupin L.P. (1985) *Leksikografija anglijskogo jazyka*, М.: Изд-во «Vysshaja shkola».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Жунусова, Ж. (2019). Some Aspects of Development of Educational Bilingual Ideographic Dictionaries. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 11-28.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.11

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/77>

The Royal and Nobiliary “Paradise” in Russian Poetry of the XVIII and First Third of XIX Centuries: Evolution of the Subject and Meaning

Ivanitskiy Alexander Ilitch¹

Professor, The Institute for the highest humanitarian studies of the
Russia States University for Humanities,
Moscow, Russia.

(date of receiving: April, 2019; date of acceptance: July, 2019)

Abstract

In Russian poetry of the era of enlightened absolutism of the second half of the XVIII century. The royal and noble suburban "paradise" acted as the locus of the "new" nature, transformed by the god-like monarch or nobleman into the earthly "paradise" of eternal spring. But at the boundary of XVIII and XIX centuries its main components were cardinally reinterpreted. Now the Nature, returned in its original and indivisible condition, drives the irreversible history. The poet sees in destroyed suburban palace the point for the rethinking of his existence as the part of the irreversible life's movement. Meanwhile the godly world, initially embodied in the suburban “paradise”, appears for the poets of the new century at first as the antipode of the frail Nature and then as its spiritually synthesis.

Keywords: Suburban Residence, Glory, Eternal Spring, Elegy, History, Remembrance.

---

1. E-mail: meisster@mail.ru

Царский и дворянский "парадиз" в русской поэзии XVIII – первой трети XIX вв.: эволюция предмета и смысла

Иваницкий Александр Ильич¹

Профессор, Институт высших гуманитарных исследований
Российского государственного гуманитарного университета,
Москва, Россия.

(дата получения: апрель 2019 г.; дата принятия: июль 2019 г.)

Аннотация

В русской поэзии эпохи просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в. царский и дворянский загородный «парадиз» выступал локусом «новой» природы, преображенной богоподобный монархом в земной «рай» вечной весны. После заката Екатерининской эпохи основные составляющие этого топоса получили в поэзии рубежа XVIII – XIX вв. новые значения. Природа вернулась в естественное состояние разомкнутого целого, управляющего необратимой историей. Для поэта разрушенный загородный «земной рай» стал полем осмысления собственной жизни как части необратимой жизни в целом. А божественный мир, исходно воплощенный в рукотворном «парадизе», становится сначала антитезой бренной природы, а затем ее духовным синтезом.

Ключевые слова: Загородная Резиденция, Хвала, Вечная Весна, Элегия, История, Воспоминание.

---

1. E-mail: meisster@mail.ru

Введение

Апология царских загородных императорских резиденций в русской и одической элегии XVIII – начала XIX веков (М.В. Ломоносова, В.Г. Рубана, позднее – П.И. Голенищева-Кутузова и др.) была существенной составляющей в утверждении государственной доктрины просвещенного абсолютизма. Как показали Л.В. Пумпянский (Пумпянский 1983. 316) и В.М. Живов (Живов 1996. 661–662), в нем монарх предстал демиургом, заново творящим природу и государство по чудодейственной рецептуре античных разума и красоты. Созданные по образцу французского Версаля резиденции в Царском Селе, Петергофе, Павловске и др. воплощали эту божественно (гармонически-рационально) преображенную Природу, дворцы – основанное на ней и управляющее ею идеальное государство, садово-парковая скульптура – античных божеств, одушевляющих природу и задающих ее новый гармонический ключ. Поэзия же была призвана манифестировать навеки возрожденную на земле вечную весну – *«Здесь век золотой и расцветает рай»* (Ломоносов 1986, 264). Именно поэтому загородные резиденции получили устойчивый хвалебный эпитет «парадиза».

С учетом этой идейной «нагрузки» интересно проследить, как менялись смыслы составляющих утверждаемой им картины мира русской дворянско-имперской цивилизации (природы, искусства, государства) со сменой ее исторического контекста. Настоящая статья показывает, как эти перемены суммируются эволюцией авторской роли и его самооценки.

Основная часть

I.

Программными текстами такой апологетики в русской поэзии выступают два произведения Ломоносова: ода Елизавете Петровне 1750 г. – *«...благодарение... за... высочайшую милость в Сарском Селе»* и надпись «На

Сарское село...» 1764 года, ставшее любимой резиденцией уже следующей монархини, Екатерины II. Их опорные позиции таковы.

Резиденция – не человеческий, но божественный локус на земле:

*...Как если зданием прекрасным / Умножить должно звезд число,
Созвездием являться ясным / Достоин Сарское Село... (Ломоносов
1986, 130).*

Автор объявляет, что он «...*Небесну нищу ...вкуша[ет], / На верьх Олимпа вознесен!*» (Ломоносов 1986. 127), «...*Поля, где небу подражают...*» (Ломоносов 1986. 129), «...*зиждет...Елисавета / Красу приличну небесам...*» (Ломоносов 1986, 130), и царит «*Эдемской равна красота*» (Ломоносов 1986. 129); «*Луга, кустарники, приятны высоты, / Пример и образец эдемской красоты...*» (Ломоносов 1986. 234). Земной Эдем возможен, поскольку «...*сад богиня насаждает*» (здесь и далее выделено мною – А.И.); «*То само небо созидает / Или Петровой дщери власть...*» (Ломоносов 1986. 128, 129).

С одной стороны, Природа нового «Эдема» вновь одушевлена античными богами: «...*нежно Флоры здесь богатство!..*», и – «...*нежны зефиры роскошествуют в цветах...*» (Ломоносов 1986. 127, 234). С другой стороны, она «божественно», но рукотворно преображена в хронотоп вечной весны «золотого века»:

*...Не токмо нежная весна, / Но осень тамо юность года;
Всегда роскошествует природа, / Искусством рук побуждена... (Там же. 129).*

Ср.: в оде «Петергоф» (1801) П.И. Голенищева-Кутузова: «...*Труд человеческий, превыше став природы, / Ее преодолел и новый дал ей вид...*»¹.

---

1. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века. Москва. - 2005. С. 109. Далее ссылки на это издание – в тексте статьи. А.И.

Важнейшая составляющая этого преобразования – разворот водных потоков с помощью механики, к которой и обращается Ломоносов: «...*Моря соедини реками...*» (Ломоносов 1986: 132); «...*влажна стихия, под разные законы, / Искусству покоря все действия свои... / Направлена к тому, чтоб быть виной отрад...*» («Петергоф», СУ 2005. 109).

Кульминацией этого преобразования водного круговорота в природе является его направление по вертикали: «...*Из самых недр земных, прозрачных вод громады, / Подъяты силою на верх высоких гор, / Рождают быстрые шумящи водопады...*» (Голенищев-Кутузов, «Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005, 109). При этом сами античные божества добровольно починяются механике новой «демиургини» - как это объявляет ломоносовская нимфа:

*...ежель оной (царицы – А.И.) воля / Охоту ободрит мою,
Великой в похвалу богине / Я воды обращу к вершине
Речет: и к небу устремлю...* (Ломоносов 1986. 129-130).

Эту новую роль античных божеств - орудий водной механики – воплощает «...*медь, ожившая художничьей рукою*», - скульптура петергофского каскада.

*...Там лев, раздавленный могуществом Самсона.
Из грозных челюстей вверх клубом воду льет;
Здесь зев... крылатого дракона
Простер с крутой горы ревущих вод хребет,
В другой стране Нептун, наяды и тритоны
Бросают с брызгами кипящие струи...* (Голенищев-Кутузов,
«Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005. 109).

В этой античности – пластически и «механически» преобразенной для природы земного Эдема, – «...*художеств славных сила / Возможность всю свою и хитрость истоцила...*» (Ломоносов 1986. 234).

Такую божественно преображенную Природу, конечно же, были бы «...не в силах неть Вергилии, Гомеры...» (Голенищев-Кутузов, «Петергоф», «Сельская усадьба...» 2005. 109), – но она наполняет своим громоподобным голосом лиру ныне воспеваящего ее поэта: «...что за громы ударяют? / Се глас мой звучно повторяют / Земля, и ветры, и валы!» (Там же. 133).

Екатерининское освобождение дворян от службы и закрепление за ними навечно родовых имений сделали освобожденных фактически равных царице в пределах родовых феодалов и побудил к уподоблению последних царским «парадизам» – как фактическому, так поэтическому. Топика их восхвалений повторяет, в частности, «антиклизированное» одушевление усадебной Природы. В частности – в анонимной оде « НаКрестовский остров графа Кирила Григорьевича Разумовского» (1773):

...Какие красоты Природа мне являет!

...Там длани на меня Дриады простирают.

И тениюсвоей от зноя укрывают...

Зефиры резвятся в щастливых сих местах... («Сельская усадьба...»

2005. 128-129).

Ср почти сорок лет спустя в посвящении А.П. Буниной «На дачу Его Превос. И.И. Кушелева» (1811):

...Не Флоры ль я в душистом царстве?

Не хитра ль чародейства в рабстве? / Калипсы ль вижу чудеса?

...Здесь сад Киприды прело мною! / Пафосская богиня здесь!..

...Не спят Эроты меж тюльпанов!.. («Сельская усадьба...» 2005.

133-134).

У И.Ф. Богдановича в «Стихах на дачу, называемую Красная мыза» (1775) этому, как и в одах царицам, довлеет ее обновляющее преображение:

«...Болота превратить в прекрасные луга, / Извлечь из недр земли ключи потоков чистых...», – управляемое «божественной» рукой уже не царя, а магната:

*...Таких блаженных мест чудесное начало
В старинны времена богам принадлежало,
Но ныне строится Нарышкиных рукой* (Богданович 1957. 166).

Отсюда в анонимной оде «На дачу Александра Андреевича Нарышкина, которая состоит из многих островков», (1773) дворянское имение, вслед за царской резиденцией, объявляется безусловным парадизом: «*Нарышкин, ты сумел природу одолеть, / Умел болотному ты месту повелеть / Преобразиться в рай...*» («Сельская усадьба...» 2005. 128-129). А в упомянутых стихах Буниной – раем библейским:

*...Малюток птишек вереницы / Поют, не зная, есть ли страх.
Готовы гнезды вить в руках... / В такой жил с тварью дружбе
прочной*
...Адам лишь только непорочной... (Бунина, «На дачу ...И.И. Кушелева», «Сельская усадьба...» 2005. 133-134)

Подобно царскому, дворянский «парадиз», чьи места «...собой Едем изображают...», - предстает героическим мемориалом: «...*Я зрю Архипелаг внутри сего предела, / Где слава Росския победы возремела...*» («На дачу Александра Андреевича Нарышкина...», «Сельская усадьба...» 2005. 128-129).

В итоге «владельческое» равенство барина царю фактически переводится в том же посвящении Буниной из подтекста в текст: «...*Здесь барин Русской должен жить! / ...кому ж иному можно быть!*» («Сельская усадьба...» 2005. 133-134).

Можно предположить, что именно одическое (этикетное) одушевление природы в античных божествах и его наглядное пластическое воплощение в садово-парковой скульптуре выступает объективным источником рефлекслируемого в дружеском послании и элегии рубежа XVIII – XIX веков поэтического вдохновения вольного помещика, который –

*...в замерзлом ручейке / Видался каждый день с Наядой;
Где куст, береза вдалеке / Казались мне гамадриадой;
А дьяк или и сам судья / Какой-нибудь Цирцеи жертвой...*

(Дмитриев 1967. 252-254).

Такого рода фантазию лирического героя М.Н.Муравьева пробуждают наблюдения вечерних игр поселян:

*...Смиренна Тьма... / Меж берегов крутых струишься плавно.
Маня к себе нимф сельских для игры... / ...Конечно, то живущи
здесь дриады
Иль феи здесь свой держат хоровод. / Летайте вокруг, мечтания,
отрады... (Муравьев 1967. 201-202).*

Почти полвека спустя этот поэтический дискурс обобщает П.А. Межаков в послании «К другу» (1828). Его поэт –

*...приветствует Наяду, / С резвой встретившись волной;
Под древесную корой / Слышит скрытую Дрияду;
В равернушемся цветке / Узнает любимца Флоры;
Слезы нежныя Авроры / Видит в каплях на листке;
Гибкия ль качнулись лозы – То Зефир махнул крылом;
Сам Амур вокруг юной розы / Здесь кружится мотыльком...*
(«Сельская усадьба...» 2005. 318-319).

Слово рождается пластикой.

II.

Апология царского парадиза переходит в новую модальность со смертью Екатерины II в 1796 г., ознаменовавшей фактический конец эпохи «просвещенного» абсолютизма, - прежде всего, в элегии Г.Р. Державина «Развалины» (1797) и в во многом ориентирующихся на нее первых «Воспоминаниях в Царском Селе» юного А.С. Пушкина (1814). В них впервые утверждается концепт *истории*, которая, однако, проявляет себя в двух значениях. С одной стороны, екатерининское Царское Село предстает мемориалом героических (военных) свершений «золотого века». У Державина «Эдем... прелестный» на «острове Киприды» – это место, где покойная царица смотрела –

*...На памятник своих побед / [...] Как... ее герои / По манию ее очес
В ужасные вступали бои / И тьмы поделали чудес;
Приступом грады тверды брали, / Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли / И в плен водили к ней царей...*

Для смотревшей на них царицы воинские обелиски – памятники истории как утверждения *вечно длящейся современности* золотого века. Но для поэта Царское Село в целом – знак *необратимой* истории, «развалины» великой эпохи, навсегда ушедшей в прошлое:

*...Но здесь ее уж ныне нет, / Померк красот волшебных свет...
...Все в прах упало, помертвело... / ... Лишь плачет сирая любовь*
(Державин 2002. 412).

У Пушкина «Воспоминание...» об ушедшей эпохе в жанре предромантической, т. н. «ночной» элегии соответствующим образом переосмысляет природу царкосельского «Элизиума полночного» и «Минервы русской храма». Уже не преображенная, а естественная и ночная:

*...тихая луна, как лебедь величавый, / Плышет в серебристых
облаках.*

...и бледными лучами / Предметы осветила вдруг.

*Аллеи древних лип открылись пред очами, / Проглянули и холм и
луг...*

- она выступает хронотопом воспоминания – воображения **невозвратимого** прошлого, рубежами которого выступают для путника героические обелиски и стелы, когда он -

...в думу углублен, над злачными брегами

Сидит в безмолвии, склоняя ветрам слух.

Протекишие лета мелькают пред очами...

...Он видит: окружен волнами, / Над твердой мишистою скалой

*Вознесся памятник. Ширяся крылами, / Над ним сидит орел
младой...*

*О, сколь он для тебя, Кагульский берег, поносен! / И славен родине
драгой!..*

Перевод героического мемориала в источник ночного воображения подтверждается Пушкина «державинским» резюме:

...Промчались навсегда те времена златые,

Когда под скипетром великия жены

Венчалась славою счастливая Россия...

Возрев вокруг себя, со вздохом росс вещает:

“Исчезло все, великой нет!” (Пушкин 1949. I, 76).

Будучи преемствен и подобен царскому «парадизу» в жизни и поэзии «золотого века», дворянский разделяет его судьбу с закатом последнего. В

поэзии это сопровождается практически теми же коннотациями и той же топикой. Наиболее наглядно - в двух элегиях И.М. Долгорукого, посвященных, соответственно, подмосковным Кускову и Троицкому: «Прогулка в Кускове» и «Прогулка на трех горах». Кусково, «*Эдема сколок сокращенный*», где «*Свобода, мать увеселенья, / И роскошь с нею заодно / Изобретали наслажденья...*», – теперь руина: «*Валяются стены зал огромных, / И в них не слышно звуков стройных...*» («Сельская усадьба...» 2005. 215-216). И в Троицком -

*...В саду, где ... / ...воздух день и ночь курился
Благоуханьем нежных роз... / Сегодня слышу враньи клики,
И зыблются ограды стен...* («Сельская усадьба...» 2005. 220).

А главным знаменем заката «золотого века» выступает остановка все той же «божественно-скульптурной» механики:

*...Иссякли мраморны фонтаны, / Нептунов сух водопровод,
И брызгов челюсти медяны / Не шлют столпом в небесный свод...*
(«Сельская усадьба...» 2005. 216).

На поместном уровне, однако закат «золотого века» получает новую причинно-следственную синтагматику. Так, крушение кусковского «эдема» предопределяет кончина его фактического создателя, П.Б. Шереметева: «*...Граф Петр Борисович... / ...в землянке тесной уложился...*». Отменяется естественный и жизнотворный механизм смены поколений, поскольку **противоестественна** смерть владетельного «демиурга» кусковского «парадиза», который «*...казался / Бессмертным быть на тверди сей*». Именно эта кончина обнуляет главные социальные и духовные сущности дворянско-имперского «золотого века»: «*Так в свете слава, честь, порода – / Все гибнет волею Творца!*» («Сельская усадьба...» 2005. 217-218).

«Прогулка на трех горах» переводит из подтекста в текст культурное, а отсюда и историческое преемство царского и вельможного парадизов. Троицкое, некогда, принимавшее «Фелицу» – Екатерину, теперь ушло вслед за нею:

*...Давно ль Бояра из столицы / Съезжались туда смотреть,
Как в честь премудрыя Фелицы / Прозрачной будет щит гореть?
...Столпы балкона провалились, / Цветы поблекли, птички
скрылись;
Фелица! И Тебя уж нет... («Сельская усадьба...» 2005. 220-221).*

При этом если в «...трех горах» Природа, неподвластная никаким рукотворным преобразованиям, выступает фундаментальным источником жизни и смерти всего сущего, включая царства и царей: «...Земля мильон существ питает... / И после все предастся ей», то в «...Кускове» и она идет к необратимому концу: ««Ветха становится природа... / И само время, враг всего, / С руля свернется своего» («Сельская усадьба...» 2005. 218).

Уже само обращение к элегии говорит о рефлексии автора, осознающего себя в объемлемом / управляемом природой необратимом жизненно-историческом процессе (узлом и объектом которого и выступает царский / вельможный «парадиз»). Его виденные нами составляющие по-новому «конфигурируются» в элегии В.А. Жуковского «Славянка» (1815), посвященной Павловскому дворцовому парку.

Как и в пушкинских царскосельских «Воспоминаниях...» 1814 г., вечерняя (и при этом, осенняя, «*полуотцветшая*») природа Павловского парка в пойме реки Славянки рождает в лирическом герое «воображательные» размышления об ушедшем прошлом: «...Все к размышлению влечет невольно нас... / Как будто здесь (душа) из гроба важный глас / Давно минувшего внимает». Но главными топосами царского парадиза на пути скользящего по парку поэтического взгляда выступают не дворец (вообще не упоминаемый), а

«мавзолей» и «урны гробовые» ушедших монархов (Павла и великих княжон), говорящие поэту, «Сколь все величия мгновены». При этом условно замкнутый Павловский парадиз фактически предстает пейзажем разомкнутой природы:

*...окрест сгустился лес... / ...река вдали мелькает средь долины...
...И вдруг открытая равнина предо мной;
Там мыза, блеском дня под рощей озаренна...
...Противный берег горит, осыпанный зарей;
В волнах блестят прибрежны сени...*

В этих волнах наравне и попеременноотражаются –

*...То... (царский) мавзолей; / То холм муравчатый...
...Здесь храм между берез и яворов мелькает,
Там лебедь, притаясь у берега в кустах,
Недвижим в сумраке сияет...*

Именно первозданная и неделимая природа, а не ее искусственно выделенный «парадиз»объемлет собою судьбы «сильных мира сего» (в виде надгробий). В таком разомкнутом пространстве природы в целом урны уже, по сути, неделимого жизненно-исторического прошлого соседствуют с героическим мемориалом империи:

*...нечувствительно с превратности мечтой
Дружится здесь мечта бессмертия и славы:
Сей витязь, на руку склонившийся главой... (Жуковский 1980. I, 52-*

53).

Такое размыкание условного парадиза в безусловное пространство природы как поля авторского осмысления необратимой жизни развивается в элегии первой трети. В элегиях Н.И. Гнедича «Приютино» (1820) и Е.А.

Баратынского «Запустение» («Я посетил тебя, пленительная сень...», 1834) авторская перцепция своей жизни во времени задана мотивами возврата в родовое имение спустя много лет. Следует отметить, что в «Стихах к Музам на Сарское Село» И. Богдановича (1786) мотив возврата как механизм авторской перцепции не только не отрицает одическую хвалу современному и кажущемуся вечным «золотому веку» Екатерины, но утверждает его собою «от противного».

Исходно Царское Селовыступает предметом «одической» апологии Екатерины, которой здесь -

*...послушны элементы / Порядок естества стремятся превзойти:
Там новые водам открылися пути / И славных росских дел явились
монументы...*

В то же время царскосельский эдем оказывается областью воспоминаемого автором юношеского «бегства» от цивилизации, когда он – «...*В приятных сих местах, / Оставив ...сует житейских бремя, / ...с лирой проводил от дел оставше время...*». Поэтому нынешние усилия поэта спустя 21 год пробудить в себе прежний поэтический жар в отношении «парадиза» и его царственной хозяйки – по сути, стремление вернуться в прошлое: «...*ОМуза!.. / [...]* *Наполни мысль мою подобным ныне жаром, / Чтоб Сарского Села представить красоты...*». Но, преуспев в этом, Богданович возвращается от воспоминаний к первоначальной одической хвале: «...*Представив, Муза, мне приятности садов... / Забыла наконец намеренье стихов / И всюду хочет петь дела Екатерины*» (Богданович 1957. 181-182).

Между тем, в элегиях Гнедича и Баратынского возврат в родовое гнездо становится рефлексией необратимого угасания жизни во времени сквозь призму природы. В Приютино родной угол неподвластен времени – в отличие от вернувшегося автора:

*...Ты тот же всё еще, край мирный и прелестный!
...Но я уже не тот беспечный сын свободы,
...гибельные годы / Умчали молодость и жизнь моей души...*

(Гнедич 1956. 119).

Однако формой перцепции этой утраты себя оказывается опять-таки не замкнутый мир имения (изобразительно никак не проявленный в элегии), а объемлющая и, по сути, поглощающая его собою Природа в целом: «...кто переходил путь бедствий и крушенья, / Тот знает, отчего душа и дума в нас / Влечется в тихие лесов уединенья...» (Гнедич 1956. 118).

В элегии Баратынского размыкание границ «заглохшего Элизея» (по сути смыкающегося с «большой природой») дано уже безусловно, через его «запустение», заданное заглавием:

*...Пруда знакомого... / Искал прыгучих вод мне памятной каскады...
Вотще! Лишенные хранительной преграды, / Далече воды утекли,
Их ложе поросло травой, / Приют хозяйственный в нем улы
обрели
И легкая тропа исчезла предо мною...*

Этому подспудно довлеет время возврата героя – осенняя пора увядания природы, когда – «...листья мертвые, волнуясь, шумели; / С прохладой резкою дышал / В лицо мне запах увяданья...» (Баратынский 1983. 80-81).

Между тем, сам итог авторского осознания бренности мира сквозь призму природы у Гнедича и Баратынского переводит в новое качество описанный выше поэтический дискурс. Уже в упоминавшейся «Прогулке на трех горах» Долгорукого бренность земного мира делает мир горний ее единственной альтернативой: «...пристань... – в Вере лишь одной...» («Сельская усадьба...» 2005. 221). И в «Славянке» Жуковского горний мир выступает противовесом равной бренности властителей и подданных – «...Как будто мир земной в

ничто преобразился; / Как будто та страна знакомей стала...» (Жуковский 1980. I, 56). Олицетворяется этот мир для поэта в некоем невидимом, но угадываемом ангеле – *«прекрасном сыне небес»*, на которые он в финале автору и указывает. В то же время в «Приютино» и «Запустении» предметом сакрализации становятся утраченные близкие, делающие горний мир искомым и желанным как место будущего воссоединения. Герой «Запустения» предчувствует в увядающей природе родного угла скорый собственный уход и встречу «несрочной весны» с ушедшей ранее возлюбленной: *«...У нескудеющих ручьев / Я тень священную мне встречу»* (Баратынский 1983. 82). В элегии Гнедича сын поэта, похороненный в Приютино в *«...мавзоле под ельными ветвями...»*, хотя *«...в виденьях ночи лунной / На небо грустному указывает...»*, но не противостоит земной (приютинской) природе, а одушевляет ее в качестве «гения места»: *«...Незримым гением отеческих полей. / ...Здесь он вливает в воздух сладость, / Свежит цветы, луга...»* (Гнедич 1956, 121). Природа не отрицается небесным «духом», но, будучи олицетворена для поэта в ушедшем близком человеке, ложится в его основу.

Заключение.

Анализ показал, что в русской поэзии эпохи просвещенного абсолютизма второй половины XVIII в. царский и дворянский загородный «парадиз» выступал локусом «новой» природы, преображенной богоподобный монархом в земной «рай» вечной весны. После заката екатерининской эпохи основные составляющие этого топоса получили в поэзии рубежа XVIII – XIX вв. новые значения. Природа вернулась в естественное состояние разомкнутого целого, управляющего необратимой историей. А для поэта «заглохший Элизей» стал символом этой необратимости и полем осмысления собственной жизни как части необратимого жизненного движения. Божественный мир, исходно воплощенный в рукотворном парадизе, становится для поэта сначала антитезой брэнной природы, а затем ее духовным синтезом.

Литература

- 1- Богданович И.Ф. (1957). *Стихотворения и поэмы*. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 2- Баратынский Е.А. (1983). *Стихотворения и поэмы*. Серия «Литературные памятники». Москва: Изд-во «Наука».
- 3- Гнедич Н.И. (1956). *Стихотворения. Библиотека Поэта*. Большая серия. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 4- Державин Г.Р. (2002). *Сочинения. Новая Библиотека поэта*. Санкт-Петербург.
- 5- Дмитриев И.И. (1967). *Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта*, Второе издание. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 6- Живов В.М. (1996). *Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Из истории русской культуры*. Т. IV (XVIII - начало XIX века). Москва: Изд-во «Языки художественной культуры». С. 657-683.
- 7- Жуковский В.А. (1980). *Сочинения в 3-х томах*. Москва: Изд-во «Художественная литература».
- 8- Ломоносов М.В. (1986). *Избранные произведения. Библиотека поэта*. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 9- Муравьев М.Н. (1967). *Стихотворения. Библиотека поэта*, Второе издание. Ленинград: Изд-во «Советский писатель».
- 10- Пумпянский Л.В. (1983). *К истории русского классицизма (поэтика Ломоносова) // Контекст*. 1982. Москва. Сс. 303 - 335.
- 11- Пушкин А.С. (1949). *Полное собрание сочинений. Тт. I-X*. Москва – Ленинград: Изд-во «АН СССР».
- 12- *Сельская усадьба в русской поэзии XVIII – начала XIX века*. (2005). Москва: Изд-во «Наука».

Bibliography

- 1- Bogdanovich I.F. (1957). *Stihotvoreniya i pojemy*. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel».
- 2- Baratynskij E.A. (1983). *Stihotvoreniya i pojemy*. Serija «Literaturnye pamjatniki». Moskva: Izd-vo «Nauka».
- 3- Gnedich N.I. (1956). *Stihotvoreniya. Biblioteka Pojeta*. Bol'shaja serija. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel».
- 4- Derzhavin G.R. (2002). *Sochinenija. Novaja Biblioteka pojeta*. Sankt-Peterburg.

- 5- 5-Dmitriev I.I. (1967). *Polnoe sobranie stihotvorenij. Biblioteka pojeta*, Vtoroe izdanie. Leningrad: Izd-vo«Sovetskij pisatel'».
- 6- Zhivov V.M. (1996). *Gosudarstvennyj mif v jepohu Prosveshhenija i ego razrushenie v Rossii konca XVIII veka // Iz istorii russkoj kul'tury. T. IV(XVIII - nachalo XIX veka)*. Moskva: Izd-v «Jazyki hudozhestvennoj kul'tury». S. 657-683.
- 7- Zhukovskij V.A. (1980). *Sochinenija v 3-h tomah*. Moskva: Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 8- Lomonosov M.V. (1986). *Izbrannye proizvedenija. Biblioteka pojeta*. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 9- Murav'ev M.N. (1967). *Stihotvorenija. Biblioteka pojeta*, Vtoroe izdanie. Leningrad: Izd-vo «Sovetskij pisatel'».
- 10- Pumpjanskij L.V (1983). *K istorii russkogo klassicizma (pojetika Lomonosova) // Kontekst. 1982. Moskva.Ss. 303 - 335*.
- 11- Pushkin A.S. (1949). *Polnoe sobranie sochinenij. Tt. I-H*. Moskva – Leningrad: Izd-vo «AN SSSR».
- 12- *Sel'skaja usad'ba v russkoj poezii XVIII – nachala XIX veka*. (2005). Moskva: Izd-vo «Nauka».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Иваницкий, А. (2019). The Royal and Nobiliary “Paradise” in Russian Poetry of the XVIII and First Third of XIX Centuries: Evolution of the Subject and Meaning. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 29-46.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.29

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/78>

Muslim Sermons in Russian: Communicative and Pragmatic Aspect

Itskovich Tatiana Viktorovna¹

Professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia.

Tugolbaigizi Ajamal²

Master of Philology of the Department of Russian Language, Ural Federal
University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: June, 2019)

Abstract

Most of Russian researches in the field of religious communication are devoted to Christianity, other traditional religions rarely become the object of linguists' attention. The object of this study is the genre of Islamic preaching, functioning in Russian. In Muslim sermon is understood as the solemn moral speech of the Imam-Khatib, dedicated to an Islamic religious or moral-ethical issue. The recipient of the Muslim sermon is the Imam-Khatib, who must have a knowledge of the Islam fundamentals, be well educated, and know the prototext of the Quran well. Besides the Quran, the preacher also addresses contemporary material, includes cautionary life stories in a sermon, and concerns current social problems. The addressee of Muslim sermon has several distinguishing features: pronounced a sermon in the mosque and meant for faithful men, it is a compulsory element of religious life. A woman in Islam occupies a special position, she is not forbidden to visit the mosque, but it is recommended to pray at home. There is a so-called sermon at home in Muslim, which is pronounced as Imam-Khatib for women, as well as religiously educated woman.

Keywords: Religious Functional Style, Islam, Sermon, Communicative and Pragmatic Aspect, Addresser, Addressee.

---

1. E-mail: tatiana.itckovich@urfu.ru

2. E-mail: aijamal_1808@mail.ru

**Мусульманские проповеди на русском языке:
коммуникативно-прагматический аспект**

Ицкович Татьяна Викторовна¹

Профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента
России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

Туголбайкызы Айжамал²

Магистр филологии, Уральский федеральный университет им. первого
Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: июнь 2019 г.)

Аннотация

Большинство российских исследований в области религиозной коммуникации посвящены христианству, другие традиционные конфессии редко становятся объектом внимания лингвистов. Объектом исследования в статье является жанр исламской проповеди, функционирующий на русском языке. В мусульманстве под проповедью понимается торжественная нравоучительная речь имама-хатыба, посвященная религиозной или морально-этической проблеме. Адресантом мусульманской проповеди является имам-хатыб, который должен обладать знаниями основ ислама, быть всесторонне образованным, хорошо знать прототекст Корана. Проповедник обращается также к современному материалу, к жизненным историям, касается актуальных социальных проблем. Адресат проповеди имеет ряд особенностей: проповедь произносится в мечети, предназначена для верующих мужчин, является для них обязательным элементом религиозной жизни. Женщина в исламе занимает особое положение, ей не запрещается посещать мечеть, но рекомендуется молиться дома. В мусульманстве существует так называемая проповедь на дому, которую для женщин произносит как имам-хатыб, так и религиозно образованная женщина.

Ключевые слова: Религиозный Функциональный Стил, Ислам, Проповедь, Коммуникативно-Прагматический Аспект, Адресант, Адресат.

---

1. E-mail: tatiana.itckovich@urfu.ru

2. E-mail: aijamal_1808@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00382 А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале живой речи уральского города)».

Введение

Религиозный стиль, выделение и функционирование которого обусловлено такими экстралингвистическими факторами, как специфические формы общественного сознания (религия) и человеческой деятельности, является объектом изучения современной лингвистики. Происходит описание отдельных жанров: исповедь, молитва, акафист, проповедь, житие (Войтак 2003, Прохвятилова 1999, Людоговский 2015, Истомина 2013).

Описание религиозного стиля происходит на материале христианских текстов. В то же время в России действуют и другие традиционные конфессии, коммуникация в которых происходит на русском языке. Мусульманство в России является второй по величине конфессией после христианства. В мусульманстве религиозные тексты функционируют не только на традиционном для этой конфессии арабском языке, но и на русском. Изучение российскими лингвистами религиозной коммуникации в исламе только начинается (Бобырева 2015, 2016; Бугаева 2016).

Основная часть

Сфера религиозной коммуникации характеризуется использованием двуязычия: сакральный и обыденный языки, в разное время по-разному деля сферы и функции, уживаются в религиозной коммуникации (Унбегаун 1971, Успенский 1994). В православии в качестве сакрального, богослужебного языка традиционно используется церковнославянский, в исламе – арабский, в иудаизме – иврит. Наряду с сакральными языками в каждой из традиционных религий активно функционирует второй, народный язык. Сакральный язык изначально выполняет богослужебную функцию, на нем написаны священные тексты, читаются молитвы в церкви. Народный язык выполняет миссионерскую функцию, на нем произносятся проповеди; он используется в ситуации неофициального религиозного общения: на нем строятся личные молитвы верующих.

В России сегодня официально утверждены четыре традиционные конфессии: христианство, ислам, буддизм, иудаизм. В каждой из этих религий функционирует сакральный язык, использование которого обусловлено исторически и традиционно. В то же время можно отметить заметную роль в религиозной коммуникации русского языка, на котором в силу исторических причин говорят россияне и который многие из них считают родным независимо от национальности.

Российская специфика состоит в том, что русский язык сегодня стал средством религиозной коммуникации не только в православии, но и в других религиях. Он используется в не свойственных ему ранее религиозных конфессиях: исламе, иудаизме, буддизме, о чем свидетельствует Интернет. Например: «Исламский портал» – уникальный ресурс, где каждый правоверный мусульманин может прочесть исламские проповеди уважаемых имамов на русском и татарском языках» (<http://www.islam-portal.ru/imam/85/>).

В сегодняшней России можно говорить не только о двуязычии, но и о разноязычии в рамках каждой религиозной конфессии. Сакральный язык как язык богослужения сохраняет свои позиции, профанный функционирует в двух разновидностях: национального и русского языков. Так, в исламе на территории России используется арабский, татарский и русский языки; в иудаизме – иврит, идиш и русский; в буддизме – санскрит, бурятский и русский. Таким образом, русский язык стал средством не только межнационального, межрелигиозного, но и внутррелигиозного общения в различных конфессиональных сферах.

Приметой современной ситуации в российской религиозной коммуникации является разноязычие, причем русский язык используется как средство неформального общения в небогослужебной ситуации в Русской Православной Церкви, а также в иных традиционных конфессиях; частично

выполняет функцию богослужебного языка, а также выступает средством межконфессионального общения.

Религиозный стиль представлен набором жанров-текстотипов, обладающих функциональной общностью и, в то же время, различающихся по цели коммуникации и особенностям коммуникативной ситуации. В жанровом ряду религиозного стиля проповедь – один из самых ярких репрезентативных жанров, изучение которого в лингвистике является актуальным (Прохватилова 1999; Салимовский 2005; Истомина 2013).

Проповедь как особый богословский жанр является предметом изучения в гомилетике (под гомилетикой понимается «наука о церковном красноречии, или проповедничестве» (Аверкий 2001. 5). Данный феномен исследуется также в других отраслях гуманитарного знания (в риторике, литературоведении, философии, лингвистике). В риторике пастырское слово трактуется как вид духовного красноречия и рассматривается в ряду других жанров ораторского искусства. Современные литературоведческие исследования жанра проповеди определяют границы жанра средневековой проповеди и ее типологические признаки. Рассматривается проповедь и как религиозный феномен в философско-религиоведческом аспекте. Имеющиеся лингвистические исследования обращены к установлению особенностей отбора и функционирования лексических средств средневековой проповеди; выявлению способов включения чужой речи в проповеднические тексты; определению приемов и средств интонационной и ритмомелодической организации современной проповеди, раскрытию специфики диалогичности литургического слова пастыря (Прохватилова 1999).

Обратимся к существующим жанровым определениям. В общем виде проповедь определяется как «жанр конфессионального общения. Религиозное назидание или наставление, как правило, морально-этического характера, произнесенное или написанное авторитетным лицом – представителем какого-

либо вероучения перед аудиторией последователей этого вероучения. ... В христианстве проповедью называют наставительную речь, обращенную к прихожанам, которую священник произносит в храме после литургии. Задачей проповеди является сообщение и разъяснения слушателям того или иного положения христианского вероучения» (Иванов 2003. 515). Ближе к риторической точке зрения следующее определение: церковная проповедь – «это речь религиозно-назидательного характера, с которой священнослужитель обращается к верующим во время богослужения» (Прохватилова 1999. 123). Проповедь – это «основной жанр церковного красноречия: убеждающее поучительное слово священнослужителя, произносимое с церковного амвона (места перед алтарем) и обращенное к пастве – людям, пришедшим в церковь молиться и воспринимать Слово Божие» (Матвеева 2003. 255). Обратим внимание на то, что в различных определениях отмечается религиозная сфера сознания, в которой реализуется проповедь, реальное место произнесения проповеди, а также поучительный, морально-этический характер данного жанра.

Проповедь как жанр-текстотип представляет большой интерес с точки зрения отражения тенденций современного русского литературного языка. Религиозный стиль характеризуется наличием жестко регламентированных жанров, от которых проповедь существенно отличается. Ее своеобразие – в наибольшей степени авторской свободы. Эту отличительную особенность проповеди в ряду других жанров религиозного стиля ранее отмечал Д.С. Лихачев: «...Различные жанры по-разному относились к проблеме авторской собственности. «Чувство авторства» было различно в жанре проповеди и в жанре летописи, в жанре послания и в жанре повести. Первые предполагают индивидуального автора и часто подписывались именами своих авторов, а при отсутствии данных об авторе приписывались тому или иному авторитетному имени» (Лихачев 1979. 70).

Проповедь как жанр возникает одновременно с религиозным учением, будучи вторичной относительно Откровения: «Если Откровение – это информационный «первоначок» религии, то проповедь – это начало жизни учения среди людей (в их сознании и религиозной коммуникации)» (Мечковская 1998. 150).

Цель проповеди как жанра религиозной коммуникации заключается в донесении божественного смысла до сознания людей. Адаптация первичного божественного смысла к возможностям человеческого разума может заключаться как в расширении первичного текста, к которому приводят толкования, повторы ключевых значений и прибавление к тексту новой убеждающей информации, так и в компрессии, когда во вторичном тексте оставляются только главные смыслы.

В анализируемых определениях выделяются следующие элементы коммуникативной ситуации, свойственные жанру проповеди: адресант – священнослужитель, адресат – прихожане, верующие люди, хронотоп – богослужение в храме, цель проповеди – назидание паствы.

Проповедь как жанр религиозного стиля функционирует не только в христианстве, анализ показывает наличие жанра проповеди и в других конфессиях, в частности, в исламе. При этом изучение лингвистикой жанра проповеди в других конфессиях пока не осуществлялось.

Используемый в настоящем исследовании коммуникативно-прагматический подход позволяет выявить жанрообразующие черты религиозных текстов на русском языке, существующих в разных конфессиях. Данный подход, являющийся частью одноименной научной макропарадигмы (Комарова 2012. 373), зародился в 60-х – начале 70-х годов XX-го века под влиянием теории речевых актов Д. Остина, Д.Р. Серля, З. Вендлера, прагматических теорий значения П. Грайса, прагматических теорий

референции Л. Минского, Д. Сёрла, П. Стросона и др. Термин прагматика, впервые введенный И. Кантом, получает широкое употребление после появления работы Ч.У. Морриса «Основания теории знаков» (1938): «с точки зрения прагматики, структура языка – это система поведения» (Моррис 1983. 65). Лингвистическая прагматика в общем виде изучает речевой акт (высказывание в его процессуальном аспекте как начальный уровень абстрагирования речевой деятельности человека (Остин 1986; Арутюнова 1988; Сёрл 2010) и компоненты речевого акта: коммуникативное взаимодействие говорящего и слушающего, происходящее в конкретной ситуации общения и обусловленное целеполаганием.

Теоретическим основанием коммуникативно-прагматического подхода является теория речевой деятельности Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, О.А. Зимней и др., реализованная в интегративном коммуникативно-деятельностном подходе. Вопрос о существовании коммуникативно-прагматической лингвистики лишь ставится (Формановская 2002; Алефиренко 2009). Тем не менее лингвистика включает в сферу своих интересов все аспекты речевой деятельности, речевого взаимодействия, речевой коммуникации, а также текст и дискурс как «максимальные» (Арутюнова 1983. 3) объекты исследования, рассматривая их во взаимодействии с прагматическими факторами (Иссерс 2012).

Коммуникативно-прагматический подход имеет прямое отношение к тексту, так как анализ разнообразных условий коммуникации, условий порождения высказываний определенным образом связан с характером порождаемого текста, его языковыми особенностями и жанром. «Текст не может не быть прагматически определенным... Поэтому при исследовании текста нет такой области, которая не могла бы в том или ином смысле рассматриваться прагматически» (Медникова 1974. 191). Данный подход

предполагает комплексный анализ текста, целью которого является выявление разноаспектных свойств текста, задачами, соответственно, – выявление и описание композиционных, семантических и прагматических свойств текста и способов его оформления (Комарова 2012. 445) в соответствии с функциональным стилем.

Обратимся к функционированию жанра проповеди в мусульманстве, рассмотрим ее коммуникативно-прагматические особенности. В мусульманстве, как и в христианстве, под проповедью понимается торжественная нравоучительная речь имама-хатыба, посвященная, как правило, какой-либо исламской религиозной или морально-этической проблеме.

Охарактеризуем основные элементы коммуникативного акта в проекции на мусульманскую проповедь.

Адресант мусульманской проповеди – имам-хатыб. Отметим, что имам-хатыб в исламе не является священнослужителем, как это понимается в христианстве. Имам-хатыб – это «человек, который находится впереди. Так называют и человека, который проводит коллективную молитву-намаз, и крупного мусульманского ученого, и халифа - главу мусульманского государства» (Али-заде 2007. 277).

Мусульманские богословы выделяют общие качества, присущие имаму-хатыбу в целом, и частные качества, отличающие его во время произнесения проповеди (Беюсов 2011). Остановимся на сказанном более подробно.

Имам-хатыб должен отличаться следующими качествами, носящими более общий характер: во-первых, обладать врожденными задатками, чтобы с удовольствием выполнять свои обязанности. Далее, необходимо владеть специальными знаниями, быть всесторонне образованным, начитанным человеком. Проповедник в исламе, обращаясь к прототексту Корана, цитирует его наизусть: «некоторые имам-хатыбы, у которых певучий голос прекрасная

дикция, часто цитируют суры и аяты (чудо, коранические стихи) Корана, выдержки из хадисов. Уровень их образованности и степень владения чтениями Корана и его комментарием, а также искусное использование в проповедях хадисов (предание о словах и действиях пророка Мухаммада), создает у слушателей полное доверие к словам проповедника» (Каримов 1991. 35). Помимо Корана, проповедник обращается к современному материалу, включает в проповедь поучительные жизненные истории, касается актуальных социальных проблем, поучает аудиторию, каким должен быть современный мусульманин.

Имам-хатыб должен отличаться силой воли, харизмой и высоконравственным поведением, чтобы служить образцом для аудитории: «О вы, которые уверовали! Почему вы говорите то, чего вы не делаете, и не выполняете своих обещаний?» (Сура «Ряды», 2 аят). Слова и дела должны соответствовать друг другу. Проповедник также должен быть искренним, что позволяет приблизиться к Богу: «А ведь им было велено лишь поклоняться Аллаху, служа ему искренне, как единобожники» (Сура «Ясное Знамение», 4 аят). Проповедник также должен обладать красноречием, следуя примеру Посланника Аллаха, который изъяснялся кратко и емко «джавамиг-аль-Калям» (Беюсов 2011).

Частные качества проповедника, способствующие успешному произнесению конкретной проповеди, относятся к области практической риторики. Важно владение техникой речи: сильный, красивый, звучный голос; выразительность речи, расстановка пауз, выделение значимых мест с помощью интонации; соблюдение культуры речи; умеренная жестикуляция. Особое внимание уделяется внешнему облику проповедника, который должен быть подобающе одет и выглядеть опрятно. Образцом служит Пророк Мухаммад, который дал прямые указания касательно внешнего вида: «О сыны Адама! Облекайтесь в свои украшения при каждой мечети» (Сура «Преграды», 31 аят).

Таким образом, имам-хатыб должен обладать определенными духовными качествами, быть грамотным, коммуникабельным, активным и всесторонне образованным человеком, владеть приемами красноречия.

Адресат мусульманской проповеди имеет ряд отличительных особенностей. Мусульманская проповедь произносится в мечети и предназначена для верующих мужчин, она является для них обязательным элементом религиозной жизни: Совершение пятничного намаза в джамаате (коллективная молитва) является обязанностью каждого мусульманина. Свободными от посещения пятничных проповедей считаются только «невольники, женщины, дети и больные» (Али-заде 2007).

Аудитория проповеди в мечети обычно мужская. Женщина в исламе занимает особое положение, ей не запрещается посещать мечеть, но рекомендуется молиться дома. В мусульманстве существует так называемая проповедь на дому, которую произносит как имам-хатыб, так и религиозно образованный человек, в том числе для женской аудитории – женщина.

Время и пространство. Мусульманская проповедь обычно произносится с минбара (Минбар – небольшое возвышение в мечети на которое поднимается имам для проведения хутбы (проповеди). После подъема имама на минбар все разговоры в мечети прекращаются и все внимание верующих концентрируется на проповеди имама (Али-заде 2007. 482).

Проповедь произносится имамом-хатибом в мечети при проведении пятничных и праздничных намазов. Если в православном богослужении проповедь произносится обычно либо во время богослужения сразу после чтения Евангелия, либо непосредственно сразу после богослужения, то мусульманская пятничная проповедь произносится перед богослужением (намазом – молитвой, совершаемой пять раз в день), «проповедь, читаемую только с минбаров мечети имам-хатыбами до начала пятничной и праздничной молитвы» (Каримов 1991. 25).

Поясним, что пятница является для мусульман особым, праздничным днем, таким, как воскресенье у христиан и суббота у иудеев. Пятничные проповеди и пятничный намаз – это обязательность для каждого верующего, которая утверждена Священным Кораном.

Время и порядок проведения пятничной проповеди жестко определено: она произносится непосредственно перед намазами.

Последовательность действий проповедника определяется канонами, обязательным к соблюдению. Имам-хатыб всходит на минбар и поворачивается лицом к народу. В это время при полном молчании аудитории и проповедника муэдзин читает призыв на молитву. Далее имам-хатыб стоя читает обе части проповеди, в перерыве между которыми он садится.

Требования к адресату – собравшимся на молитву мусульманам – слушать проповедь в полном молчании, не отвлекаясь. Также нежелательным является совершение намаза во время проповеди.

Праздничные намазы совершаются утром, после восхода солнца, и проводятся в мечетях при большом скоплении народа. Они состоят из двух ракатов. После намаза читается праздничная проповедь. В отличие от пятничной проповеди, праздничная читается не до, а после намаза. Присутствие на них не обязательно, а желательно.

Цель проповедника – распространение ислама, истолкование божественных истин, назидание прихожан в соответствии с догматами. Мусульманские проповеди часто посвящены практическим вопросам, важным для человека в обыденной жизни. Проповедник в исламе затрагивает в проповеди обширный круг вопросов, зачастую имеющих индивидуальный характер: «В ряде мечетей имам-хатыб больше обращают внимания разъяснению культовой стороны религии; в других – разъяснению истории возникновения и места в жизни верующих аятов и сур (главы Корана) их Корана или хадисов» (Каримов 1991. 38).

Как уже отмечалось выше, у мусульман есть обычай приглашать имамов к себе дом и другие места для участия в определенных жизненных событиях. Обычно имамов приглашают к себе в дом, если не имеется возможности приехать в мечеть, либо необходимо прочесть молитву в кругу приглашенных гостей. Молитвы и проповеди могут читаться для различных жизненных событий: годовщина брака, рождения ребенка, имянаречение ребенка, смена имени на мусульманское, болезни, обряд захоронения, мероприятия и праздники.

Во время проповеди, произносимой перед женской аудиторией, имамхатыб рассматривает следующие темы: роль женщины в исламе, ролевые особенности жены, советы современным женам, также помогает найти правильное решение жизненно важных проблемных вопросов с помощью ислама, урегулировать спор и разногласия внутри семьи. Также для женщин в исламе действует исламская женская организация, основной целью которой является пропаганда ислама, обучение женщин, защита прав в семье и в обществе.

В исламе проповедь должна состоять из двух частей, первая из которых носит назидательный и воспитательный характер, а вторая включает обращение к Богу, мольбу для всех мусульман. В обеих частях обязательно содержатся канонические свидетельства о единстве Бога и посланнической миссии Мухаммада, а также приветствия пророку. Как отмечается, в средние века в проповедь был введен новый элемент: упоминание имен правящих халифов. Этот элемент был выражением политической благонадежности имамов и верующих.

Мусульманская проповедь традиционно произносилась на сакральном языке: «строго догматические элементы проповеди продолжали читать на арабском языке, потому что «хутба» (проповедь) входила в ритуальный комплекс богослужения (в нем нельзя было обо всем говорить, вопросы были

строго регламентированы)» (Каримов 1991. 23). Сегодня мусульманская проповедь может произноситься как на народном языке (киргизском, татарском, узбекском, казахском и др.), так и на русском, особенно в регионах, где проживает больше количество русскоязычного населения.

Выводы. Изучение жанра проповеди, функционирующего на русском языке в различных традиционных конфессиях, является актуальным направлением современных лингвистических исследований. Коммуникативно-прагматический подход, используемый при анализе текстов, позволяет описать жанрообразующие черты, выявить как общее в структурных элементах коммуникативного акта (например, характеристика адресанта, коммуникативные требования, предъявляемые к нему; целеполагание – назидание и разъяснение), так и отличительные особенности (например, особенности адресата в мусульманстве, отличительные черты пространственно-временной организации проповеди), свойственные жанру проповеди в конкретной конфессии. Изучение особенностей композиционно-тематического структурирования исламской проповеди является перспективой дальнейших исследований.

Литература

- 1- Аверкий (Таушев), архиепископ. (2001). *Руководство по гомилетике*. М.: Изд-во «ПСТБИ».
- 2- Али-заде А.А. (2007). *Исламский энциклопедический словарь*. М.: «Ансар».
- 3- Арутюнова Н.Д. (1983). *Стратегия и тактика речевого поведения. Прагматические аспекты в изучении предложения и текста*: сб. науч. тр. Киев: Изд-во «Штиинца».
- 4- Беюсов М. (2011). *Каким должен быть имам-хатыб? Мусульмане России*. <http://www.dumrf.ru/islam/rites/2035> - дата обращения 04.04.2018.
- 5- Иванов Л.Ю. (2003). *Проповедь*. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. М.: Флинта: Изд-во «Наука».

- 6- Каримов И.А. (1991). *Современная мусульманская проповедь (Социологический и религиоведческий аспекты): на материалах Узбекской ССР*. Дисс. ... канд. философ. наук. М.
- 7- Лихачев Д.С. (1979). *Поэтика древнерусской литературы*. М.: Изд-во «Наука».
- 8- Матвеева Т.В. (2003). *Проповедь*. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Изд-во «Наука».
- 9- Медникова Э.М. (1974). *Прагматический аспект текста. Лингвистика текста*: Материалы научной конференции. М.
- 10- Мечковская Н. Б. (1998). *Язык и религия*. М.: Изд-во «Агентство ФАИР».
- 11- Моррис Ч.У. (1983). *Основания теории знаков. Семиотика*. М.: Изд-во «Радуга».
- 12- Прохватилова О.А. (1999). *Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи*. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета.

Bibliography

- 1- Averkij (Taushev), arhiepiskop. (2001). *Rukovodstvo po gomiletike*. М.: Изд-во «PSTBI».
- 2- Ali-zade A.A. (2007). *Islamskij jenciklopedicheskij slovar'*. М.: «Ansar».
- 3- Arutjunova N.D. (1983). *Strategija i taktika rechevogo povedenija. Pragmaticheskie aspekty v izuchenii predlozhenija i teksta*: sb. nauch. tr. Kiev: Изд-во «Shtiinca».
- 4- Bejusov M. (2011). *Kakim dolzhen byt' imam-hatyb? Musul'mane Rossii*. <http://www.dumrf.ru/islam/rites/2035> - data obrashhenija 04.04.2018.
- 5- Ivanov L.Ju. (2003). *Propoved'*. Kul'tura russkoj rechi: Jenciklopedicheskij slovar'-spravochnik. М.: Flinta: Изд-во «Наука».
- 6- Karimov I.A. (1991). *Sovremennaja musul'manskaja propoved' (Sociologicheskij i religiovedcheskij aspekty): na materialah Uzbekskoj SSR*. Diss. ... kand. filosof. nauk. М.
- 7- Lihachev D.S. (1979). *Pojetika drevnerusskoj literatury*. М.: Изд-во «Наука».
- 8- Matveeva T.V. (2003). *Propoved'*. Uchebnyj slovar': russkij jazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika. М.: Flinta: Изд-во «Наука».
- 9- Mednikova Je.M. (1974). *Pragmaticheskij aspekt teksta. Lingvistika teksta*: Materialy nauchnoj konferencii. М.
- 10- Mechkovskaja N.B. (1998). *Jazyk i religija*. М.: Изд-во «Агентство FAIR».

- 11- Morris Ch.U. (1983). *Osnovaniya teorii znakov. Semiotika*. M.: Izd-vo «Raduga».
- 12- Prohvatilova O.A. (1999). *Pravoslavnaja propoved' i molitva kak fenomen sovremennoj zvuchashhej rechi*. Volgograd: Izd-vo Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ицкович, Т., & Туголбайкызы, А. (2019). Muslim Sermons in Russian: Communicative and Pragmatic Aspect. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 47-62.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.47

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/79>

Originality of the Golden Age of Russian Literature in Reflections of the Silver Age

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna¹

Professor of Saint-Petersburg Agrarian University
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

The article deals with the outlook of the Silver age on the phenomenon of Russian classics in comparison with previous criticism, with its love for people, social pathos and realism as the main value. It is shown that the distinguished features themselves marked out of the Russian classics as the stage of the Russian culture don't separate the representatives of two conflicting camps. The most important general motives are as follows: influence of Russian literature on the European; aspiration of literature to overstep itself – into life, in the moral sermon; literature as the reflection of the national soul; connection with a Christian ideal of the people; dramatic position of the Russian writer; insufficient attention to aesthetics. In the article is analyzed how these theses appear in different contexts of judgment (for example, in the polemic of D.S. Merezhkovsky and M.N. Michailivsky or D.S. Merezhkovsky and A.M. Skabichevsky). Comes to light that the differences depend upon radical opposition of atheistic and religious approach to the literature of the Golden Age.

Keywords: Golden Age, Silver Age, Religion, Materialism, Love for People, Moral Sermon, National Soul, Spirit of Time.

---

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

Своеобразие Золотого века русской литературы в отражениях Серебряного века

Кошемчук Татьяна Александровна¹

Профессор Санкт-Петербургского аграрного университета,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

В статье анализируется взгляд Серебряного века на феномен русской классики – в сопоставлении с оценками предшествующей критики, с ее народолюбием, общественным пафосом и реализмом как главной ценностью. Показывается, что сами выделенные особенности русской классики как завершеного этапа русской культуры не разделяют представителей двух враждующих лагерей. Важнейшие общие мотивы таковы: влияние русской литературы на европейскую; стремление литературы за свои рамки – в жизнь, в нравственную проповедь; литература как отражение народной души; связь с христианским идеалом народа; драматизм положения русского писателя; недостаточное внимание к эстетике. В статье показывается, как эти тезисы в разных контекстах осмысления наполняются различным содержанием (например, в полемике Д.С. Мережковского и Н.М. Михайловского или Д.С. Мережковского и А.М. Скабичевского). Выявляется, что различия определяются радикальным противостоянием атеистического и религиозного подхода к литературе Золотого века.

Ключевые слова: Золотой Век, Серебряный Век, Религия, Материализм, Народолюбие, Нравственная Проповедь, Народная Душа, Дух Времени.

---

1. E-mail: koshemchukt@mail.ru

Введение

Под символическим обозначением «Золотой век» русской литературы понимается здесь творчество величайших писателей и поэтов 19 столетия. Серебряный же век начался кратким периодом декаданса и стремительно вошел в свою основную фазу – символизм, во второй волне которого уже дал значительные плоды, а перестав существовать как литературное явление после русской катастрофы, был увенчан непреходящими творениями А. Белого, В. Иванова, М. Волошина. Серебряный век вновь утвердил как свою основу христианское мировоззрение, на чем стоял и Золотой век. В этом сущность и основа произошедшего, магистральная ось Серебряного века, начиная с творчества Д.С. Мережковского, – при многих болезнях роста, преодоленных и непреодоленных блужданиях. Осознанное и декларированное возвращение совершилось после полувекового позитивизма и материализма, царивших в литературной критике, вообще в литературной среде. Поразительное явление: более полувека глубокая мировоззренческая пропасть разделяла великих писателей, укорененных в христианской традиции русской культуры, и воспринявших западный материализм и атеизм критиков. Важно подчеркнуть: Золотой век – не «литература» как целое, а поименно – ее гении. Собственно русскую «литературу» XIX в. Д.С. Мережковский не без основания вообще отрицал, утверждая лишь великих творцов и предсказывая, что создание ее как целостного явления впереди, а символизм есть лишь первая фаза. Но времени на продуктивный рост было отпущено Серебряному веку полтора десятилетия – трагически мало даже и при русских стремительных темпах – вхождения в европейскую культуру и утверждения в ней. Тем не менее, Серебряный век успел претворить в себе новую фазу европейской культуры – и осмыслить русский Золотой век. Свою классику он увидел как завершившийся великий период – извне, из новой культурной эпохи. Поколение символистов осознало себя ее наследниками – и творцами нового в процессе органического роста,

без разрывов. Бунт декадентов и символистов был направлен всецело на материалистическую и чуждую Золотому веку критику.

Основная часть

Этот удивительный феномен – радикальное расхождение в религиозной сфере между великими писателями и известными критиками, задававшими тон в литературном движении 19 века, ярчайше выявился в конфликте Белинского с Гоголем. И далее все симпатии и неприятия со стороны критики, обличения и умолчания, кампании травли и превозношений – все это определяется жесткой оппозицией религиозного – и материалистического, позитивистского, атеистического. Этот феномен противостояния был осмыслен Серебряным веком: роль критики была выявлена как негативная, разрушительная, здесь коренится в значительной степени одиночество великих писателей и поэтов, трагизм их положения. Об этом говорил Д.С. Мережковский в докладе 1892 г. «О ...»: критика была вредна для литературы, жестока к писателям, и сами писатели пребывали в разобщенности между собой и в трагическом одиночестве. Примеры враждебности литературной среды к великим творцам, связанной в первую очередь с мировоззренческими разделениями, слишком хорошо известны: неприятие позднего Пушкина, травля Фета или Лескова...

Эту очевидность, разумеется, отмечали и критики 19 века – и мы сейчас фиксируем первый пример: представители двух поколений, «отцы»-материалисты из 19 века и «дети» рубежа веков, обратившиеся к идеализму и религии (эти тургеневские символические обозначения противостоящих поколений неизбежны в обрисовке ситуации), говорят об одном, но внутри одной темы акценты и оценки их противоположны. Так, «отцы» обвиняют самодержавие, российскую действительность, акцентируя трагические ранние смерти гениев. Символисты говорят о судьбе в целом (И.А. Бунин: жизнь жестока к русским писателям как нигде более. М. Волошин: «Темен жребий

русского поэта: / Неисповедимый рок ведет / Пушкина под дуло пистолета / Достоевского на эшафот...»), и конкретно о вине критики – не только о непонимании гениев, но, по Мережковскому, о журнальной деспотии, кружковщине и об упадке языка, «мнимо-сатирической манере, <...> литературной развязности дурного тона» (Мережковский 1995. 528), что разрушало атмосферу взаимодействия, сосуществования различного, так что между несхожими писателями «...не было той живой, терпимой и всепримиряющей среды, того культурного воздуха, где противоположные оригинальные темпераменты, соприкасаясь, усиливают друг друга и возбуждают к деятельности» (Там же. 525). Поэтому отталкивание от критики материалистической и позитивистской было для Серебряного века решительным и всеобщим. И дело не только в том, что «дети» отказывались от общественных и освободительных идеалов «отцов». Пришли в мир совсем иные души, с иными заданиями. Они, прежде всего, утверждали идеалистическое, а позднее христианское мировоззрение, они декларировали то, что являлось в творчестве не прикровенно, как у ряда писателей 19 столетия, но явно и даже нарочито. И прежде всего этот поворот обнаружился как раз в критической сфере, именно там, где сильнее всего ранее действовал материалистический импульс. Реакция же прессы – на стихи Н.М. Минского, стихи и статьи Мережковского, брюсовские сборники, на трактат Минского «При свете совести», провозгласивший необходимость философского идеализма, на созвучные статьи А.Л. Волынского – развернулась во всеобщую травлю декадентов в 90-х годах. Можно только удивляться свирепости и жесткости этого неприятия: идеализм, мистицизм, тоска по религии вызывали острую реакцию возмущения в среде «отцов», у Н.М. Михайловского, А.М. Скабичевского, С.А. Венгерова (ограничимся здесь этими фигурами) – у этих демократов, проповедников свободы, гуманизма, народности, общественных идеалов. Удивительно то, что эти их ценности, всегда дорогие русским

сердцам, не терпели ИНЫХ рядом с собой. И ведь «отцы» на рубеже веков – отнюдь не ограниченные консерваторы и ретрограды, но сторонники свободы, не лишённые широты в охвате происходящего, умеющие понимать многое – но не мистицизм, не религиозную проповедь. Здесь камень преткновения. Даже в Достоевском эти критики принимают только отражение жизни, живые чувства, протест, но не обращение к христианству, в этом пункте – полное неприятие, осуждение или – умолчание. Мережковский объяснял: «До сих пор русские публицисты считали мистическое чувство явным признаком реакционных симпатий», «изменой либеральному знамени, даже отступничеством» (Там же. 559). И напрасно он выражал свое глубокое уважение к Михайловскому, называл его *безупречным рыцарем святого Духа* (словами Гейне), призывал «отцов» прислушаться к голосам «детей», пусть пока слабым, порой лишь *шепотом*, увидеть в них *новый момент развития*... Он не мог еще предьявить важнейшего аргумента в пользу «детей» – великих творений, и все же призывал к пониманию: «Живое взаимодействие, примирение прошлого и настоящего — вот величайшая основа всякой культуры» (Там же. 549).

Что же в ответ безупречный рыцарь освободительной идеи, Михайловский? В свою очередь, похвалив Мережковского в статье 1893 г. «Русское отражение французского символизма»: он *искренне любит литературу*, – критик обрушивает на него всю силу своих многоречивых сарказмов и несдерживаемое раздражение. Вот его ответ на личное обращение: «Что же касается адресованного ко мне приглашения прислушиваться к "шепоту" "современных русских писателей-идеалистов", то я затрудняюсь. <...> И, прежде всего, я не слышу "шепота". Напротив – гром и молния; гром не из тучи, конечно, а из среды самоуверенных до наглости, невежественных, неискренних и неблагодарных людей» (Михайловский 1989. 470). Вот как он характеризует «растрепанное мышление» Мережковского

(Михайловский 1989. 472) – стиль его мысли в целом: она *скачет как блоха, с капризною неожиданностью и несуразностью; ряд туманностей, полная беспорядочность, путаница, неясность и незрелость, бесчисленные противоречия*. К примеру, приведена цитата из Мережковского (здесь он как раз защищает Михайловского от молодого критика-отрицателя): «Едва ли не самый низменный и уродливый из человеческих пороков – неблагодарность. <...> Повторяю, в одном лишь из всех наших пороков – в неблагодарности есть какое-то противоестественное, несвойственное человеческой природе безобразие" (Мережковский 1995. 549). Ответная реплика Михайловского: «Сказать, <...> что неблагодарность есть худший из пороков, потому что она уродлива, – сказать что-нибудь подобное значит ровно ничего не сказать. Это, говоря, не помню чьим, картинным уподоблением, – наводнение слов в пустыне мысли» (Михайловский 1989. 460). И если критик раздражен «божественным идеализмом», обнаружением его у великих писателей, то особенно противен ему мистицизм, – он берется учительно рассуждать о сущности религии и о мистицизме... очень неважно! – так, сама религия, говорит он, все же полезна: *учит жизни*, ее «смысл и задача» – воспитывать «нравственное чувство» (Там же. 465), впрочем, она есть «давно высохшая пустыня» (Там же. 474), а мистицизм «тушит светоч религии», уводит туда, «где "леший бродит, русалка на ветвях сидит"...» (Там же. 476). А если критик стремится разоблачить религиозную идею оппонента, например, концепцию *святой плоти* у Мережковского, то сознательно игнорирует в ней религиозное (объявив о нежелании касаться этого аспекта – как чуждого) и, тем самым, сводит ее к *законности требований плоти* – то есть к банальности – созданной им же самим.

Подобное же, еще ярче и изумительнее, еще неосновательнее, можно наблюдать и в полемике, точнее, в брани Скабичевского в адрес Мережковского: те же высокомерные упреки в *путанице*, в *непонимании*, что

он сам хочет сказать. И этот «отец» обрушивает бессильный поток раздражения на блудного «сына», принявшего и выдержавшего удар целой «прессы» (бранились все). Ситуация разительна в силу совершившейся рокировки: Базаровы стали «отцами», носителями журнальной власти, куда более деспотичными, чем прежние мягкотелые, но всё мало сведущими, а «дети» – для начала «гегелистами», и иные весьма углубленными философски, выучившимися, твердыми в убеждениях и вере (не то что прежний Базаров, с его брошюрами). В случае Мережковского со Скабичевским «сын» отозвался об «отце» весьма не деликатно: написал о *пошлости* суждений Скабичевского. Мережковский дал образ, картину художника-реалиста: «...мастеровой, с угрожающим видом и поднятыми кулаками стоит на пороге кабака. Он хочет войти, но женщина с растрепанными волосами и неестественно трагическим лицом, вероятно, жена мастерового, не пускает мужа. <...> она всем телом своим закрывает дверь кабака. К довершению условного трагизма за лохмотья несчастной матери цепляется испуганный ребенок...» (Мережковский 1995. 532). Во всем этом *общедоступный, банальный трагизм*, с аристократической брезгливостью отринутый «детьми». Мережковский предполагает: «Я уверен, что если бы среди публики, перед картиной, находился г. Скабичевский, чувствительное сердце почтенного критика также было бы тронуто...», он похвалил бы художника «за теплое отношение к народу, за поразительную искренность непосредственного чувства, за трезвость здорового реализма». И далее презрительное: «Не знаю, как у других, но у меня при подобных похвалах является непобедимое озлобление против несомненных добродетелей. <...> О, вечное умиление толпы перед любезною ей пошлостью популярно великих идей!» (Там же. 532).

Скабичевский отвечает потоками насмешек и сарказмов. Так, Мережковский о своей книге «Вечные спутники»: это ряд очерков, галерея разных имен, *тихих спутников жизни* в дневнике читателя, связь их – в «я»

автора. Скабичевский (в анонимной рецензии): «...действительно, порядочная-таки мешанина» (Скабичевский 1897. 61). И перл критического острословия: «...курьезнее же всего, что в число великих писателей, тихих спутников г. Мережковского, попал вдруг и афинский Акрополь, так что оказывается, что Акрополь вовсе не пребывает в неподвижности близ Афин, а сопутствует г. Мережковскому в его земных скитаниях...» (Там же. 62). Далее критическое великодушие: «А мне глубоко жаль г. Мережковского. У него нет недостатка в начитанности...», в его книге даже *есть несколько неплохих страниц*... но и в них «невообразимый сумбур, господствующий в его мыслительных отправлениях», «непроницаемый туман мистико-символо-декадентских фантазий», до смысла которых «нет никакой возможности добраться» (Там же. 62). И так на десятках страниц.

Мы обращаемся к следующему, общему для двух станов, тезису и видим, как сказывается этот *мистический туман*... Одна из характеристик Золотого века: в его творениях выразились душа и дух народа. О душе и духе народа – вслед за немецкими романтиками – говорили на протяжении всего 19 века, но в повороте от романтизма к прагматизму слова эти звучали как красивая метафора, – не более. Мережковский же заговорил о реальной властительной силе, двигающей культуру. Для Скабичевского смысл, вложенный Мережковским, звучал как *мистические темные бредни* для ясного и четкого сознания человека гуманного, демократичного и культурного. Но ощущение «трепета жизни», «творческого дуновения» (Мережковский 1995. 525) в культуре Афин, Флоренции, Веймара, Парижа есть подлинное переживание для Серебряного века, ждущего *сошествия народного духа* и на русскую литературу.

Но еще менее приемлемым, чем собственные мистические и религиозные чувства и мысли было для рыцарей народнического движения – открывание «детьми» мистического и религиозного в великих русских писателях. Новое

поколение, с чуткостью в восприятии духовного, в отличие от «отцов», по признаку избирательного сродства присвоило себе увиденное ими в Золотом веке, они объясняли именно религиозное, сокровенное в литературном творчестве, взяли это как свое, как бесценное наследство. «Отцы» же терпели религиозное лишь в том случае, если его можно было свести к общественному и нравственному. Так, Скабичевский не отрицал учения славянофилов, хотя они, по его мнению, *ошибались во многом* (относительно России и Европы), но они требовали свободы личности! А их проповедь покаяния он принимал как отказ от своей неправды... Так Михайловский мог принять Чехова, тоже представителя молодого поколения – из-за отсутствия религиозного, даже при отрицании проповеди и общественного служения: найдите у Чехова хоть что-нибудь мистическое! – с торжеством восклицает он.

Еще один общий тезис, очевидный с обеих точек зрения: русская литература молода, вообще Россия – молодая страна, недавно вышедшая на европейский уровень и уже достигшая вершин, Европе недоступных. Эту мысль подробно развивает Скабичевский в «Истории новейшей русской литературы», говоря о *духе времени*... – это для него не что иное, как метафорическое обозначение для слова «особенность». По Скабичевскому, в духе времени – *народность* и *натуральность*, и русская литература стала выше, чем европейская, именно потому, что в ней больше народности и натуральности. Он отмечает: в период Пушкина, Лермонтова, Гоголя для Европы русская литература лишь любопытное явление, ибо в ней нет «великих роковых вопросов жизни, какие волновали в то время Европу» (Скабичевский 1891. 4). Но *кружки* этого периода приучили русскую мысль к самостоятельности, освободили умы от традиции, немецкая метафизика вывела их на «свежий воздух реального положительного мышления» (Там же. 10), а французская философия привела к общественным вопросам, к главному в «работе века». Отсюда и оценка: во второй половине 19 века в России

развиваются идеи народного благосостояния и «искреннее покаяние в вековых неправдах» – вот что ставит нас выше Европы. И С.А. Венгеров видит в русской литературе новое слово для Европы – в ее общественном служении. «Русское влияние стало видным явлением европейской литературной жизни» (Венгеров 1909. 7), – констатирует он в 1897 году, ставит русский реализм, в котором сказалось новое слово «вчераших варваров» (Там же. 9), выше европейского.

Молодость русской души и русской литературы, по сравнению с европейской, – очевидность для нового поколения. Мережковский говорит об этом и смотрит в будущее, осмысляя значение русской литературы, исходя из тех же понятий духа времени и гения народа – как высших реальностей, которые творят культуру: «На всех созданиях истинно-великих культур, как на монетах, отчеканен лик одного властелина. Этот властелин — гений народа» (Мережковский 1995. 525). Мережковский размышляет об *огромной* задаче созидания нового идеализма, ибо дух нового времени, изменившийся, требует именно этого, впереди — огромная *переходная и подготовительная работа* для вступления из периода *непосредственного и стихийного* в период *критический и сознательный*.

Близок к этому и А. Волынский, выступивший в 90-ые годы 19 века – с проповедью философского идеализма, выявляя религиозное начало в русской классике как отражение народной души, – в сравнении с европейской. В очерке «О Достоевском. (В купе)» он предлагает свои мысли в разговоре немца, читающего Достоевского, и русского. Тезис первого: при всей гениальности Достоевский *склонился* перед «традиционной моралью и устаревшими преданиями» (Волынский 1900. 2), и в целом русские погрязли в «предрассудках», «суевериях» и «банальности» (Там же. 3) – под этими словами подразумевается христианство. А русский «рахитизм» в области ума проявился в мистицизме – «болезни темных чувств, ведущих борьбу с ясным и

светлым сознанием» (Там же. 4). Так в позиции немца-позитивиста Волынский дает характерную черту европейской культуры – отказ от религии. На что русский возражает: это *банальность* всего русского народа, всей России – и чувствительность русской литературы к христианству есть «ее лучшее богатство» (Там же. 3). «Знаете ли, что сделала для культурного человечества Россия? Она лепетала о том, для чего нет никаких определенных слов» – таков ответ русского: ее литература в эпоху европейского позитивизма говорила о Боге и мире, о «тайне, которая облекает жизнь» (Там же. 4).

Творцы эпохи символизма многообразно варьируют этот круг мыслей: так, по В. Иванову, русская культура, стремительно творящая себя, разворачивает свои внутренние силы, она показала огромный рост от Пушкина к Достоевскому. Мережковский называет будущее русской культуры *эпохой грядущего идеализма*, В. Иванов – *будущей органической эпохой, эпохой синтеза*. Оценка же прошлого высока: в том, что обозначено «отцами» как выход к европейским высотам и даже превосхождение их, В. Иванов видит подъем *до высот вселенского эпоса*, а Мережковский – *всечеловечность литературы*, Блок назвал итог предшествующего века – *священной русской литературой*, и все они видят выражение духа времени в метафизических и религиозных исканиях великой русской литературы.

Из общих мотивов в критике «отцов» и «детей»: русская литература – более чем литература. Венгеров продолжает: это кафедра, с которой говорится учительное слово, главное в ней – общественное служение и нравственная проповедь. О том же иные критики из лагеря «отцов» (А.М. Скабичевский, Е.А. Соловьев-Андреевич, А.Н. Пыпин) – и о том же Минский: главное в литературе – народолюбие, практический религиозный идеализм, требование любви к ближнему. Схождение лишь внешнее: Минский нравственное превращает в религиозное, а «отцы», порой упоминающие в связи с проповедью литературы, религиозное сводили к нравственному. Так,

Е.А. Соловьев-Андреевич («Опыт философии русской литературы»): главное в литературе – проповедь христианской любви к ближнему, жалости, нравственная проблематика, христианская мораль. Во всем этом он усматривает полезные идеи, а вне этого религию воспринимает как источник догматизма и доктринерства, принижения личности, во влиянии запада же видит толчок к утверждению личности. Воспринявшая этот толчок литература и есть, по Соловьеву-Андреевичу, более чем литература, она есть борьба за свободу личности против официальной народности и государства.

Любопытна попытка Венгерова разрешить вопрос религии для русской литературы. Он использует религиозные понятия для воспевания общественного духа литературы – «Духа Святого русской литературы» (Венгеров 1909. 47), и ее исконным путем считает *религию добра*. «Быть добрым, а не злым» – это для него религия интеллигенции, а «категорический императив нравственности» (Венгеров 1909. 51) и есть истинная религия, связь с вечностью. Содержание же веры значения не имеет, утверждает он, главное – *готовность к жертве*. Подобные суждения более чем характерны. Не случайно Минский обобщает: народолюбие есть источник нашей философской бедности, *плачевности* нашей философии. Ведь, его словами: *мы ищем в любой теории только нравственной идеи*: практическому народолюбию не нужно метафизики. Минский убеждает в противоположном, задавая иной импульс народолюбию Серебряного века: и народ думает о Боге и смысле жизни, а философская продуманность идеала способствует практической деятельности.

Русская литература – с позиции Серебряного века – более чем литература, ибо всегда выходит за свои пределы, в жизнь, в философию, в богословие. Порой ее характерной чертой становится и бунт против культуры, уход в живую проповедь, в религиозное дело. Мережковский: эта проповедь мистична, в ней живая связь с Евангелием. Литература Золотого века

воспринимается как отражение души народа – именно в ее религиозной составляющей; Бог в народной душе – ее основное содержание; первостепенна связь с Христом, с Евангелием, с Софией. Блок: главная русская тема – религиозная, лучшие русские писатели – мыслители и философы, именно здесь скрыт огонь, питающий русскую литературу. Белый: религиозный смысл проповеди русской литературы открыл именно символизм.

С выходом русской литературы за свои пределы оба лагеря связывают и такую черту ее, как недостаточное внимание к эстетике, к красоте формы... и здесь на различия в трактовке темы можно лишь указать, подчеркнув задание Серебряного века – преодоление этой недостаточности.

Наконец, еще раз о ключевом аспекте в критике 19 века: народолюбие русского Золотого века. Серебряный век видит иначе: стремление к народу в литературе есть не забота о его благополучии или освобождении, как писали критики-«отцы», но, по В. Иванову, есть стремление к его религии, и через народ – стремление к Богу, и Мережковский формулирует двойное: через народ к Богу, и через Бога – к народу.

Глубокое различие в подходе к народу соответствует столь же непреодолимым расхождениям в понимании истории русской литературы. «Отцы» именно идеи, освободительные и материалистические, ставили в основу истории литературы, и потому Михайловский ее сводил к истории журналистики, а Скабичевский рассматривая, как «дух времени» отразился в критике. Соловьев-Андреевич: история литературы не *история генералов*, а борьбы за освобождение личности, борьбы с крепостным правом. О том же Венгеров: история русской литературы пишется не по именам и не по стилям, а *по кругу идей*, которые владеют умами. «Дети» же, осмысляя свои корни – историю литературы, искали в ней историю прозрений и откровений, постижения народного духа и воплощения его в художественных формах. Но никак не идей, проповедуемых критиками и журналами. О том лишь с

горькими нотами: поклонение чужим богам, служение чужим идеям. А своей задачей видели разъяснение религиозных, философских глубин и художественных достижений Золотого века и развитие их духовных и символических потенций в собственном творчестве.

Тем не менее, последний из «отцов», самый снисходительный к «детям», С.А. Венгеров в эссе «Победители или побежденные?» утверждает: «дети» в пору «синтетического модернизма» вернулись на исконные пути русской литературы – к общественному служению. Это была попытка примирения поколений – вопреки всем острым разногласиям и взаимным отрицаниям. Попытка понимания сделана и Соловьевым-Андреевичем, он усмотрел переход от неприемлемых для него декадентов к терпимым символистам в таком ключе: бывшие ницшеанцы делают вдруг «религиозно-философский прыжок мысли к обновленному христианству». Казалось бы, понят нерв новой эпохи, но... расценен как новое «славянобесие и православнобесие» (Соловьев-Андреевич 8. 343) вчерашних ницшеанцев (тогда как предлагаемый им выход – в марксизме). У Венгерова иначе: престарелый и верный своим идеалам «отец» говорит о плодотворности возврата блудных «детей», видя в этом исток их успехов – уже действительных, несомненных художественных достижений! Впрочем... не совсем вернувшихся, этих «мечтателей», но *не аполитичных* же, хороших в сущности «детей», *не аморалистов*, они ведь «наоборот, целомудренны» (Венгеров 1909. 43), а главное, проповедники, все уже несут учительное слово! Так, опираясь на действительный выход символистов и к политическим и общественным проблемам, Венгеров утверждает свою правоту: он, критик, *предупреждал* об опасностях *кощунств* и *измен* и он победил! Точнее, в его трактовке, победил сам освободительный дух русской литературы, вернул к поиску правды – «опасность миновала!» (Там же.) – восклицает критик. Таким натянутым и немужественным признанием можно завершить историю борьбы «отцов»-материалистов с

«детьми», обращенными к религии.

Заключение

Исходный тезис – возвращение Серебряного века к Золотому в его духовных основаниях, к христианству как его основе (при всех множественных боковых ходах и при всех издержках). Оно действительно состоялось и принесло плоды. Но это было возвращением не только к Золотому веку, но и к русской демократической критике, что провозгласил Венгеров (и это можно расценить как один из боковых ходов). Мережковский не зря взывал, вслед за Тургеневым, к соединительному «и» между *отцами* и *детьми*. И вот принятое наследие этих «отцов» – увлечение русских символистов также и освободительными идеями, политикой, русской революцией, – оказалось наследием недобрым, об этом впоследствии, после русской катастрофы, уцелевшим – пришлось горько раскаиваться.

Но осмысление Серебряным веком Золотого было плодотворным: символисты увидели в нем то, что было сокрыто от глаз критиков революционно-демократического атеистического направления, а именно его духовную природу. Именно это направление продолжилось и принесло итоговые плоды уже в философской критике русской эмиграции.

Литература

- 1- Венгеров С.А. (1909). *Основные черты истории новейшей русской литературы. 2 издание. С прибавлением этюда «Победители или побежденные?» (О модернизме)*. СПб., типография т-ва «Обществ. польза».
- 2- Волынский А.Л. (1900). *О Достоевском. (В купе)*. // Волынский А.Л. *Борьба за идеализм. Критические статьи*. Издание Н.Г. Молодцова. СПб.
- 3- Мережковский Д.С. (1995). *О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы* // Мережковский Д.С. *Л. Толстой и Достоевский. Вечные спутники*. М., Изд-во «Республика».

- 4- Михайловский Н.М. (1989). *Русской отражение французского символизма* // Михайловский Н.М. *Литературная критика: статьи о русской литературе XIX – начала XX века*. Л., Изд-во «Худ. лит.»
- 5- Скабичевский А.М. (1891). *История новейшей русской литературы (1848–1890)*. СПб., типография газеты «Новости».
- 6- Скабичевский А.М. (1897). *Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. Д. С. Мережковский*. СПб., 1897 г. // Новое слово. 1897. № 5. Май. Рубрика «Новые книги».
- 7- Соловьев-Андреевич Е.А. (1909). *Опыт философии русской литературы*. СПб., т-во «Знание».

Bibliography

- 1- Vengerov S.A. (1909). *Osnovnye cherty istorii novejshej russkoj literatury. 2 izdanie. S pribavleniem jetjuda «Pobediteli ili pobezhdennye?» (O modernizme)*. SPb., tipografija t-va «Obshhestv. pol'za».
- 2- Volynskij A.L. (1900). *O Dostoevskom. (V kupe)*. // Volynskij A.L. *Bor'ba za idealizm. Kriticheskie stat'i*. Izdanie N.G. Molostvova. SPb.
- 3- Merezhkovskij D.S. (1995). *O prichinah upadka i o novyh techenijah sovremennoj russkoj literatury* // Merezhkovskij D.S. *L. Tolstoj i Dostoevskij*. Vechnye sputniki. M., Izd-vo «Respublika».
- 4- Mihajlovskij N.M. (1989). *Russkoj otrazhenie francuzskogo simvolizma* // Mihajlovskij N.M. *Literaturnaja kritika: stat'i o russkoj literature XIX – nachala XX veka*. L., Izd-vo «Hud. lit.»
- 5- Skabichevskij A.M. (1891). *Istorija novejshej russkoj literatury (1848–1890)*. SPb., tipografija gazety «Novosti».
- 6- Skabichevskij A.M. (1897). *Vechnye sputniki. Portrety iz vsemirnoj literatury. D. S. Merezhkovskij*. SPb., 1897 g. // Novoe slovo. 1897. № 5. Maj. Rubrika «Novye knigi».
- 7- Solov'ev-Andreevich E.A. (1909). *Opyt filosofii russkoj literatury*. SPb., t-vo «Znanie».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Александровна, Т. (2019). Originality of the Golden Age of Russian Literature in Reflections of the Silver Age. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 63-79.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.63

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/80>

Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX century ("Journey to Persia" by A.D. Saltykov)

Maltseva Tatiana Vladimirovna¹

Professor at Pushkin Leningrad State University,
St. Petersburg, Russia.

(date of receiving: January, 2019; date of acceptance: April, 2019)

Abstract

Relations between Russia and Persia have a long history, but the problem of their mutual understanding and perception still stays under explored. Documentary witnesses on socio-political and cultural contacts between Russia and Persia are of the most interest in this aspect. An important source here is notes, letters and itineraries of Russian travelers who have visited Persia in XVIII-XIX centuries. One of such documents depicting the first-hand impression of meeting with “wonderful” and “fantastic” East is the note by Aleksey Saltykov "Journey to Persia". This book was written during the author's journey to Persia in 1838-1839. "Journey to Persia" and all notes of such kind are the most valued for the “living details” of the author's reflection of meetings and travelling observations. These natural details and intimate impressions have provided the basis for the oriental text in Russian literature.

Keywords: A.D. Saltykov, "Journey to Persia", Russian-Persian Contacts, Oriental Text, Documentary Genres.

---

1. E-mail: kafilit@yandex.ru

Изображение Персии в русской документальной прозе XIX века («Путешествие в Персию» А. Д. Салтыкова)

Мальцева Татьяна Владимировна¹

Профессор, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: январь 2019 г.; дата принятия: апрель 2019 г.)

Аннотация

Отношения между Россией и Персией имеют длительную историю, но проблема взаимного осмысления и восприятия иной культуры еще мало изучена. Особенный интерес в этом отношении представляют документальные свидетельства об общественно-политических и культурных контактах между Россией и Персией. Важным источником являются записки, письма, путевые журналы русских путешественников, посещавших Персию в XVIII – XIX вв. Интересным документом, передающим непосредственное впечатление от встречи с «чудным» и «фантастическим» Востоком, являются записки князя Алексея Дмитриевича Салтыкова «Путешествие в Персию». Книга была написана во время путешествия автора в Персию в 1838-1839 гг. и издана в 1849 г. Особенно ценны в этих и подобных записках «живые подробности» авторской рефлексии от встреч и путевых наблюдений. Эти натурные детали и личные впечатления легли в основу ориентального текста русской литературы.

Ключевые слова: А.Д. Салтыков, «Путешествие В Персию», Русско-Персидские Контакты, Ориентальный Текст, Документальные Жанры.

---

1. E-mail: kaflit@yandex.ru

Введение

Взаимоотношения между Россией и Ираном имеют длительную историю. Первые торговые и политические контакты между отдельными территориями России и Персии начались еще в VIII в., а с XVI в. страны уже стали обмениваться посольствами (Кулагина 2010. 7).

Несмотря на длительность и важность контактов пограничных государств связи России и Персии изучены еще недостаточно, хотя следует отметить, что в отечественной науке многое делается для введения в научный оборот новых документов и текстов. Так, важным историческим источником является коллективный труд ученых Института востоковедения Российской академии наук под руководством Людмилы Михайловны Кулагиной «Россия и Иран (XIX – начало XX века)» (Кулагина 2010). Подведены некоторые итоги литературоведческого исследования ориентального текста русской литературы в докторской диссертации Павла Викторовича Алексеева «Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептофера русского ориентализма» (Алексеев 2015).

В этих на сегодняшний день итоговых источниковедческих и научных трудах прокомментированы исторические и литературные факты: торговые, военные и политические договоры, с одной стороны, корпус литературных произведений, являющий собой собственно ориентальный текст, – с другой стороны.

За пределами подробного анализа остаются пока несобственно-литературные произведения – записки, письма, путевые дневники и журналы путешественников по Персии. Они представляют интерес и как документальные, и как литературные источники, поскольку входят в контекст уже существующего потока подобных произведений, «вышедших из "Писем русского путешественника" Н.М. Карамзина» (Лотман, Успенский 1987). В

екатерининскую эпоху в России серьезное внимание уделялось изучению географии Азии и быта восточных народов, но подробных и достоверных сведений об этих территориях было крайне мало. В последнюю треть XVIII в. активизировались русско-турецкие военные сношения, появилась целая группа документальных текстов свидетелей, очевидцев и участников этих событий – солдат, служащих, торговцев. Многие из этих документов были напечатаны в XVIII и начале XIX вв. и имели успех у публики: «Странствование Филиппа Ефремова», «Цареградские письма» и «Плен и страдания россиян у турков» П.А. Левашова, «Нешастные приключения» В. Баранщикова и другие. Эти ценные источники доступны: они переизданы в научных целях и прокомментированы профессором МГУ им. М.В. Ломоносова А.А. Вигасиным в 1995 году (Вигасин 1995).

«Своеручные» записки очевидцев, которые доставляли сведения о Средней Азии, Турции, Индии, имели феноменальный успех. Свидетельства очевидцев о Персии появились в XIX веке – это «Записки» русского офицера А. О. Дюгамеля, «Воспоминания полномочного министра» А.О. Симонича, «Воспоминания о Персии» Ф.Ф. Корфа, «Путешествие в Персию» А.Д. Салтыкова. Эти свидетельства во многом поколебали устойчивый образ сказочного Востока, явив русскому читателю реальные картины жизни некогда процветавшей империи.

В данной статье будет рассмотрено «Путешествие в Персию» А.Д. Салтыкова – русского дипломата, путешественника, беллетриста и художника. Официальная должность давала ему большие возможности знакомства со страной, а безусловный литературный талант обеспечил художественную значимость его записок. Предметом анализа являются источники формирования образа Востока и авторская стратегия его изображения в «Путешествии в Персию» А.Д. Салтыкова.

Основная часть

1- Первое впечатление о Персии

Князь Алексей Дмитриевич Салтыков (1806 – 1859) служил в Коллегии иностранных дел, выполнял дипломатические поручения в Константинополе, Греции, Риме, Флоренции. 7 августа 1838 года Салтыков получил назначение в Тегеран. Служба продолжалась 10 месяцев, в Петербург Салтыков вернулся 4 мая 1839 года. Во время путешествия и службы в Персии Алексей Дмитриевич наблюдал и описывал нравы и образ жизни ее жителей. Записки были изданы им в России в 1849 году (Салтыков 1849; все цитаты в статье приводятся по этому изданию. – Т. М.). Выйдя в отставку, Салтыков поселился в Париже и совершил два путешествия по Индии в 1841–1843 и в 1845–1846 годах. По итогам странствий Салтыков издал в Париже на французском языке собственноручно иллюстрированную книгу о путешествиях по Персии и Индии (Салтыков Алексей 1860).

На издание книги откликнулся литератор Петр Андреевич Вяземский, дав пронизательную характеристику путевых заметок А.Д. Салтыкова: «Здесь любопытство соперничает с занимательностью, блеск слога с богатством, простотою и верностью рисунка <...>. Нет ничего живописнее, оригинальнее картин, описаний, типических портретов, собранных князем-путешественником <...>. Творение князя Салтыкова тем особенно замечательно, что он хорошо понял свою философическую и художественную цель. Отправившись в путь с желанием исследовать края, которые донныне мерещатся нам под обаятельными туманами «Тысячи и одной ночи», он показал нам варварство этого края в истинном его виде. Все усилия его направлены были на то, чтобы схватить живьем дикую природу» (отзыв дан в современной орфографии. – Т.М.) (Вяземский 1851).

Чем же так заинтересовала современников книга Салтыкова? В чем ее привлекательность и ценность? П.А. Вяземский отметил две важные черты в

«Путешествии в Персию». Во-первых, в «Путешествии в Персию» «живьем» и «верным рисунком» схвачена настоящая «дикая природа» Персии, а во-вторых, реальная Персия порождает совсем иные впечатления, чем традиционный ее образ в сказках Шехерезады.

Рассмотрим, справедливо ли мнение Вяземского о записках Салтыкова, и какую роль они играют в формировании образа Востока в отечественной ориенталистике.

А.Д. Салтыков не был первооткрывателем Персии. До него свидетельства об этой стране оставили и другие служащие Российской империи, но их записки имеют служебный характер и описывают достаточно узкую сферу жизни Персии. Авторство большинства записок принадлежит военным, поэтому их описания лишены живых деталей быденной жизни.

«Путешествие в Персию» написано художником и знатоком европейской культуры и искусства, объехавшим всю Европу, поэтому в записках нет профессиональных границ – путешественнику интересно все, что он видит по пути следования, причем, видит как художник. Художнический взгляд в «Путешествии в Персию» задан с самого начала. Текст предваряет предисловие, в котором Салтыков вспоминает свои детские впечатления от первой встречи с Востоком в 1816 году во время прибытия персидского посольства в Петербург.

Восточная тема была очень популярна в романтическом искусстве начала XIX века. Сам Салтыков пишет, что Восток представлялся ему по работам художника Александра Осиповича Орловского. А.О. Орловский (1777 – 1832) был известен как живописец-баталист и автор многочисленных восточных зарисовок, военных портретов, бивуачных сцен. Искусствовед Николай Николаевич Врангель отметил, что его рисунки – «целый дневник эпохи романтической и увлекательной» (Врангель 2001. 94). Двенадцатилетний Салтыков, хорошо знавший творчество художника Орловского, грезил о

Востоке: «Его (Орловского. – Т. М.) кисть тогда уже переносила мое воображение на Восток», – отмечает Салтыков (Салтыков 1849. 3).

Встреча персидского посольства в Петербурге произвела на юного Салтыкова фантастическое впечатление. «В один туманный зимний день, в три часа по полудни, нетерпеливое ожидание мое разрешилось трепетным чувством довольствия. У окна родительского дома на Дворцовой набережной раздался торжественный звук кавалергардских труб, и вдали появились две громады, которые медленно, с странным колебанием, подвигались вперед. Это были слоны, предшествующие поезду посольства. В чудном убранстве, фантастически расписанные, и в сапогах, эти движущиеся колоннады прошли как чудные создания неведомого мира. Следом ехали два Абиссинца в бархатной шитой золотом одежде на ярых жеребцах. За ними угрюмые Персияне, в своем обычном наряде, вели под уздцы двенадцать коней. Потом следовала толпа Персидских всадников в великолепных парчовых и шалевых одеждах, и наконец придворная золотая карета цугом, с скороходами и камерпажами. В ней сидел посол Фет-Али-Шаха, Мирза-Абул-Гассан-Хан, в белой шалевой одежде, с алмазной звездой и зеленой лентой ордена Льва и Солнца. Его сопровождали девять Персидских всадников, с странно оседланными конями.

Это странное видение произвело на меня сильное впечатление и породило страстное желание видеть Восток и особенно Персию».

Под впечатлением встречи персидского посольства в 1816 году Салтыков нарисовал акварельный набросок этого эпизода.

В тексте «Путешествия в Персию» Салтыков упомянул этот факт, когда в Тегеране встретил посла, которого видел на набережной Невы 22 года назад: «Я встретил недавно на улице едущего верхом Мирзу Абул-Гассан-Хана, бывшего в 1816 году послом в С.-Петербурге. За ним шли пешком два негра и много Персиян. Эта встреча припомнила мне самую давнюю старину».

Так в ранней юности в сознании будущего путешественника сложился образ Востока как «чудного», «фантастического», «неведомого мира». В ожидании встречи с этим чудом А.Д. Салтыков 28 августа 1838 года в служебных целях начал свое путешествие в Персию из Владикавказа через Тифлис и Нахичевань.

2. Образ Востока: мечта и реальность

Содержание записок Салтыкова – традиционное для путешествия в незнакомые страны: природа, климат, расстояния, населенные пункты, население, быт, пища, языки, архитектура, памятники и достопримечательности. Документальные травелоги уже выработали традицию словесного описания географического пространства: «В них впервые были описаны восточные и южные страны, освоена их топонимика, сформировалась культура географических описаний иных по климату, образу жизни и быта государств (Мальцева 2008. 9). Следуя этой традиции, Салтыков упоминает практически все реалии восточной жизни, обильно включает в текст топонимы, антропонимы, этнонимы, экзотизмы в целях знакомства читателя с новыми местами. Часто слова, которые автор слышит впервые, в тексте выделены курсивом; иногда автор дает местное и общепринятое название. Это, например, топонимы *Каравансарай*, *Арагва*, *Кыблеи-Алем*, *Зенган*, *Тавриз* (*по-тамошнему Тебриз*), *Ирак* (*по-персидски Араз*), *Сиодоун*, *Султанийэ*; экзотизмы *духан*, *бураки*, *шаишлык*, *кебаб*, *михмандар*, *фераиш*, *плоф*, *челоф*, *чурек*, *пилав*, *баданджан*, *мюрек*, *алюбухара* (*особенный род слив*), *гэнэ*, *ранг*, *джентельмен* (*по-персидски наджиб-адама*), *гранат* (*по-персидски нар*), *диван-хан* (*то есть приемная зала*), *чадра*, *хазнэ*, *назир*, *часовой* (*по-персидски караул*), *мехтер*, *джейран* (*род оленя*), *гулям*, *чарвадар*, *чапар*.

Начало путешествия эмоционально напряженное, отмечено нарастанием нетерпеливого ожидания и даже восторга. Первые страницы записок составляют пейзажные и природные зарисовки. Пышная южная природа резко контрастирует с видами Севера и средней полосы России. Салтыков как художник восхищен великолепием природы и делает ее словесные зарисовки как рисунок на живописном мольберте: «...кончилась равнина, по которой я ехал от самого Петербурга до Владикавказа <...>. Сцена освещена утренним солнцем; но некоторые места еще затаились в тумане; все зелено; черные буйволы резко отделяются на бирюзовой траве; высокие горы покрыты лесом; за ними другие еще выше в темно-серой тени, а далее снеговые вершины скрываются в небесах».

А вот «[о]ткрывается другой вид, мрачный и дикий; громады гор одна над другой громоздятся около меня; уединенный аул таится в глухом ущелье. Черкес в черной бурке на вершине хребта стережет свое стадо. Леса густеют на горах, стада овец рассыпаны по крутым утесам, пастухи лежат в долине на сухой траве, а лошади пасутся возле них»; «Караван верблюдов, который мы вчера объехали, поднялся уже в путь и представлял романтическую картину на грунте темно-зеленой горы с белым верхом».

Создаваемый в тексте образ Востока имеет глубоко личный субъективный характер. Он создается в записках несколькими способами. Во-первых, он извлекается из детской памяти как чудесная мечта, а, во-вторых, описывается через сравнение с похожими европейскими реалиями, известными Салтыкову как завязанному путешественнику.

Пышность и сказочная яркость природы как будто обещают, что мечта о чудном Востоке воплотится в реальности: «Давно ли еще был я в толпе гуляющих по Невскому проспекту и набережной, — а теперь в такой дали, в такой глуши Кавказа, еду в Персию. Неужели это истина, а не прекрасный сон?» Автор с нетерпением ждет этой встречи. В романтических тонах он

описывает «свою» долгожданную Персию: «[Э]та дорога сквозь ущелья и леса скоро приведет меня в Персию. Дюгамель и доктор (сотрудники посольства. – Т. М.) также едут в Персию, но не туда, куда я: я буду жить в особом мире, где еще никто не бывал. В стране, для них скучной и бесплодной, я найду тайные сокровища, хранящиеся в ней только для меня одного; мне одному они известны, — никто не может отгадать, где они, я один могу ими пользоваться, но тайно, чтоб чужой глаз, чужое холодное дыхание, не разрушили волшебных замков воображения».

Путешественник по мере приближения детализирует свою мечту, расцветивает ее подробностями воображения и видит как будто наяву. В записи от 24 сентября 1838 года Салтыков изображает Персию как край, «где некогда жил»: «Еще очень рано, солнце не всходило <...> но я не мог спать: мысль, что еду в Персию, достигаю наконец своей цели, разбудила меня рано. Я боялся, не сон ли это? Чтоб успокоить себя, я повторял себе, что это истина, истина, что столь давнишняя мечта наконец осуществляется. Трудно объяснить чувство, которое одушевляет меня по мере, как я приближаюсь к местам столь знакомым моему воображению, где мне кажется, что я некогда жил, к местам прекрасных воспоминаний моего детства. Я так ясно вижу вдали города многолюдные или печальные, бесплодные стены или зеленые сады, и людей, принадлежащих будто к чужому миру, но мне столь знакомому, расстояние исчезает день ото дня, и скоро эта картина моего воображения будет перед моими глазами, мечта о Персии исчезнет вдруг, как дивный сон, чтоб дать место истине».

По дороге Салтыков подробно описывает незнакомое географическое пространство. Чтобы передать читателю приметы новых мест, автор использует знакомые русскому образованному и путешествующему по Европе читателю европейские локусы, показывая незнакомое через известное, при этом натурные и пейзажные детали значительно романтизируются:

«Местоположение Владикавказа у подошвы ледяных гор *похоже на Боценскую долину в Тироле* (курсив здесь и далее наш. – Т. М.); «*Я вспомнил о Греции, — мой путь из Пароса в Навилию*: там горы не столь высоки, но дорога страшнее и опаснее»; «...когда въехал в Грузию по направлению к Тифлису, то *вид, окруживший меня, напомнил о берегах Рейна*»; «Виды прекрасные, и часто *напоминают мне дорогу между Флоренцией и Римом*»; «Проехав 25 верст *среди долин, похожих на Тироль*, между снеговых гор, мы остановились ночевать в деревне Карвансарай»; «Мы едем по прекрасной долине, называемой Дилиджанское ущелье. <...> Я теперь *воображаю себя на дороге в Рим, между Терни и Нарни*; огромные скалы меня окружают, и формы их и расположения на всяком шагу изменяются; горные ключи шумят и падают каскадами...»; «Я забываюсь иногда, — *мне кажется, что я или в горах Кастелло-Маре, или около Кавы (близ Неаполя)*. Но вдруг, будто пробуждаясь, память говорит мне, что это не Италия, что эта дорога сквозь ущелья и леса скоро приведет меня в Персию»; «...здесь единственный дом... похож на те дома, которые *разбросаны по дороге из Неаполя в Портичи*».

Природа радует путешественника, но приметы человеческой жизни глубоко разочаровывают. Путешественник с нетерпением ожидал увидеть первый по-настоящему восточный город Тифлис с азиатской роскошной архитектурой среди буйной зелени, а увидел совсем другой Тифлис: «И вот я уже вижу Тифлис вдалеке; но какой Тифлис? совсем не тот, который я воображал, о котором грезил так давно! Где же он? — Увы, я уже не увижу его никогда: по мере, как я приближался к настоящему Тифлису, ложный Тифлис, нарисованный моим воображением, изглаживался с холста моей памяти <...> надо сказать, что настоящий Тифлис не так хорош и велик; *серые и более Европейские его строения* печально стоят между голых скал; не видно отрадной зелени и Азиатской роскошной архитектуры, <...> а мне так хорошо снилось о густых садах и Азиатской неге, смешанной с горскою дикостью...».

3. Мифологизация образа Востока

Литературный сюжет «Писем из Персии» – это сюжет разочарования и крушения романтической юношеской мечты об удивительном мире. Лейтмотив этого сюжета – сравнение древней и современной Персии. Образ Востока по мере продвижения путешественника вглубь территории собственно Персии тускнеет, потому что реальность резко контрастирует с его ожиданием. Природа бедна: «Напрасно взор путешественника, утомленный унылым однообразием, стремится вдаль, и будет искать какого-нибудь предмета отрадного для души: он не увидит ничего, кроме мертвенности и гор свинцового цвета»; «...я <...> ничего не видел, кроме мертвой степи, унылой и однообразной. Неужели вся Азия такова?»

Картины азиатской действительности рожают культурный шок: «Повсюду нищета, дикость и грубость нравов». Люди живут в земляных ямах: они «пользуются покатосями земли, чтобы выкапывать в них пещеры, и там живут; если же нет покатостей, то просто роют яму в земле и сидят в ней, прикрыв свою нору ветвями»; поселения представляют собой «ряды серых стен, сооруженных из грязи, за которыми кое-где видны низкие дома также из грязи и полумертвые сады»; города представляют собой «сборище убогих мазанок, населяемых нищими, которых заедают клопы».

Описания восточного быта строятся с точки зрения цивилизационного дискурса – как противопоставление цивилизации и первобытной простоты и дикости. Автор как художник нашел интересный мифологический код интерпретации реальности: время существования Востока идентифицируется как застывшая эпоха «первых времен Азии». Так выглядят, по мнению автора, одежды и выражение лиц населяющих эти места людей: «Покрой их простой одежды из крашеной холстины носит на себе какой-то *отпечаток первых времен Азии*; мне показалось, что я вижу тех же самых женщин, которые *здесь жили за несколько тысяч лет*. Выражение лиц их меня удивило. Я никогда еще не видывал подобной дикой простоты, какая изображалась в их чертах».

Время как будто застыло в этих местах. Автора окружают развалины, руины, разрушенные и оставленные старинные замки, что укрепляет путешественника во мнении о древности этих мест. Вот *«старинный замок на утесе* – «он недавно еще был обитаем, но теперь покинут. Мы едем далее; огромный камень лежит посреди дороги. Верно *это обломок, некогда упавший с неизмеримых стен*, окружающих теперь меня; в нем почерневшие от огня впадины доказывают, что тут жили люди». Вот «возвышается одинокая скала, а на ней *древний замок*, как орлиное гнездо, висит на крутизне; здесь, может быть, *в старину, обитало какое-нибудь хищное племя*».

В целом, семантика мифологизации – дикость и древность.

Кроме того, о мифологической древности и богатстве Востока свидетельствуют остатки имперской роскоши. Незабываемое впечатление произвел на путешественника чудный шахский дворец в Зенгане: «Только калейдоскоп может подать мысль о волшебной прелести форм и цветов, столь внезапно ослепивших мой взор. Золото, хрусталь и все радужные цвета повсюду горели в просторном лабиринте сводов и галерей.<...> Легкость в блестящей архитектуре этих палат так необычайна, что они показались мне созданными не для людей, а для каких-нибудь духов, обитавших в Персии, когда она была еще цветуща и прекрасна, во времена Шехеразады. Я помещаюсь в верхнем этаже восьмиугольной залы. Ряды тонких зеркальных столбов поддерживают восемь горниц, наподобие лож театра. Зеркальные призмы в стенах и потолке ярко блестят в чудном смешении по золотой живописи цветов, как будто только что сорванных, изображений охоты, битв, пышности царской и неги любви. Все полы устланы драгоценными коврами; радужные лучи солнца таинственно проникают сквозь прозрачную мозаику из миллионов разноцветных стеклышек. Мне казалось, что все стены чудно составлены из драгоценных камней. Огонь сапфира, яхонта и изумруда горел в мелких узорах окон». Украшают этот дворец картины с изображением древних династий: «Портреты знаменитейших Шахов, казалось, устремили на меня

свои суровые взоры. Вся Персия представлялась мне в бесконечной реке времен: во тьме глубокой древности баснословный Зохак пожирал народ свой на скалах Демовенда. Благотворный Джемшид, блестящий как солнце, озарял Персию ярким светом и распространял границы могучего своего царства... Потом снова все скрывалось как будто в черных тучах. Толпы варваров опустошали Персию....».

Но современная Персия – «опустошенная, сухая, серая, голая, пространный земля, на которой кое-где еще разъезжают верхами несколько плутов, в острых шапках, с черными бородами, и кое-где видны жалкие строения, во внутренности которых осталось еще довольно Азиатской роскоши и вкуса».

Остатки роскошной архитектуры свидетельствуют о былом величии империи персов, но это все в прошлом. Ныне же «в Персии везде и всегда одно и то же серое однообразие».

Тегеран как средоточие жизни Персии и шахский дворец как место обитания «Центра мира» (Шаха не называют иначе)» в описании Салтыкова дают полное представление о придворном быте и нравах, политическом устройстве и средствах управления государством. В описании столичной жизни содержится много ценных наблюдений, анализ которых может стать темой отдельной статьи.

Заключение

Записки путешественников о Персии появились в XIX веке – это «Записки» русского офицера А.О. Дюгамеля, «Воспоминания полномочного министра» А.О. Симонича, «Воспоминания о Персии» Ф.Ф. Корфа. Эти свидетельства во многом поколебали устойчивый образ сказочного Востока, явив русскому читателю реальные картины жизни некогда процветавшей империи. Одно из свидетельств о Персии оставил А.Д. Салтыков в путевом дневнике «Путешествие в Персию». Особенно ценны в его записках «живые

подробности» авторской рефлексии от встреч и путевых наблюдений. Эти натурные детали и личные впечатления легли в основу ориентального текста русской литературы.

Нетривиально в «Путешествии» Салтыкова описана восточная природа – от Закавказья до Персии: как художник автор делает ее живописные зарисовки, как беллетрист «живописует» словом тончайшие детали пейзажного пространства. Это выгодно отличает указанное произведение от иных восточных записок. Салтыков использует знакомые русскому образованному и путешествующему по Европе читателю европейские локусы, показывая новое географическое пространство через сравнение с известными европейскими дестинациями.

Описания восточного быта в повествовании А.Д. Салтыкова строятся с точки зрения цивилизационного дискурса – как противопоставление цивилизации и первобытной простоты и дикости. Автор нашел интересный мифологический код интерпретации реальности: время существования Востока идентифицируется как застывшая эпоха «первых времен Азии». В соответствии с этим образ Востока в повествовании мифологизируется.

Лейтмотив «Путешествия в Персию» – сравнение древней и современной Персии. Под пером Салтыкова «вся Персия» предстала «в бесконечной реке времен» и явила миру великие ее достижения и победы в прошлом и запустение в настоящем.

Литература

- 1- Алексеев П.В. (2015). *Восток и восточный текст русской литературы первой половины XIX века: концептосфера русского ориентализма: диссертация...* д-ра филол. наук. Томск.
- 2- Врангель Н. (2001). *Романтизм в живописи Александровской эпохи и Отечественная война // Свойства века. Статьи по истории русского искусства барона Николая Николаевича Врангеля.* СПб: Изд-во «Журнал "Нева" - "Летний Сад"».

- 3- Вигасин А.А. (1995). *Путешествия по Востоку: В эпоху Екатерины II [Сборник / введ. А.А. Вигасина]*. М.: Изд-во «Восточная литература; Школа-пресс».
- 4- Вяземский П.А. (1851). *Путешествие князя А.Д. Салтыкова по Персии и Индии*. URL: [ww.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/](http://www.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/)
- 5- Кулагина Л.М. (2010). *Россия и Иран (XIX – начало XX века)* / Рос. акад. наук, Ин-т востоковедения; [отв. ред. Н.М. Мамедова]. М.: Изд-во «Ключ-С».
- 6- Лотман Ю.М., Успенский Б.А. (1987). *«Письма русского путешественника» Карамзина и их место в развитии русской культуры* // Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Изд-во «Наука».
- 7- Мальцева Т.В. (2008). *Изображение природы в русской документальной прозе второй половины XVIII века* // Природа в художественном слове. Идеи и стиль / под ред. Т.Я. Гринфельд-Зингурс. СПб.: Изд-во «ЛГУ им. А.С. Пушкина».
- 8- Салтыков А.Д. (1849). *Путешествие в Персию. Письма кн. А.Д. Салтыкова*. М.: Изд-во «Университетская типография». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Saltykov_persien/pred.phtml?id=7705
- 9- Салтыков Алексей (1860). *Путешествие по Персии и Индии*. В 3 томах. Париж, 1860–1861.

Bibliography

- 1- Alekseev P.V. (2015). *Vostok i vostochnyj tekst russkoj literatury pervoj poloviny XIX veka: konceptosfera russkogo orientalizma: dissertacija...* d-ra filol. nauk. Tomsk.
- 2- Vrangeli' N. (2001). *Romantizm v zhivopisi Aleksandrovskej jepohi i Otechestvennaja vojna // Svojstva veka. Stat'i po istorii russkogo iskusstva barona Nikolaja Nikolaevicha Vrangelja*. SPb: Izd-vo «Zhurnal "Neva" - "Letnij Sad"».
- 3- Vigin A.A. (1995). *Puteshestvija po Vostoku: V jepohu Ekateriny II [Sbornik / vved. A.A. Vigin]*. М.: Изд-во «Vostochnaja literatura; Shkola-press».
- 4- Vjazemskij P.A. (1851). *Puteshestvie knjazja A.D. Saltykova po Persii i Indii*. URL: [ww.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/](http://www.litres.ru/petr-vyazemskiy/puteshestvie-knyazy-a-d-saltykova-po-persii-i-indii/chitat-onlayn/page-2/)
- 5- Kulagina L.M. (2010). *Rossija i Iran (XIX – nachalo XX veka)* / Ros. akad. nauk, Int vostokovedenija; [otv. red. N.M. Mamedova]. М.: Изд-во «Kljuch-S».
- 6- Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. (1987). *«Pis'ma russkogo puteshestvennika» Karamzina i ih mesto v razvitii russkoj kul'tury* // Karamzin N.M. Pis'ma russkogo puteshestvennika. L.: Изд-во «Наука».

- 7- Mal'ceva T.V. (2008). *Izobrazhenie prirody v russkoj dokumental'noj proze vtoroj poloviny XVIII veka* // Priroda v hudozhestvennom slove. Idei i stil' / pod red. T.Ja. Grinfel'd-Zingurs. SPb.: Izd-vo «LGU im. A.S. Pushkina».
- 8- Saltykov A.D. (1849). *Puteshestvie v Persiju. Pis'ma kn. A.D. Saltykova*. M.: Izd-vo «Universitetskaja tipografija». URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Persien/XIX/1820-1840/Saltykov_persien/pred.phtml?id=7705
- 9- Saltykov Aleksej (1860). *Puteshestvie po Persii i Indii*. V 3 tomah. Parizh, 1860–1861.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Мальцева, Т. (2019). Image of Persia in the Russian Documentary Prose of the XIX century ("Journey to Persia" by A.D. Saltykov). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literaturny*, 7(2), 81-97.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.81

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/81>

Gender Representation of Emotions in A.S. Pushkin's Cycle "The Tales of The Late Ivan Petrovich Belkin Published By A. P."

Abramova Veronika Igorevna¹

Associate Professor, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University
Tula, Russia.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: July, 2019)

Abstract

The article deals with emotions (joy, grief, surprise, anger, curiosity, shame, fear, sense of guilt) represented through the images of the characters of A. S. Pushkin's cycle *The Tales of the Late Ivan Petrovich Belkin*. Two emotional pictures of the world are created and superimposed on each other in the narration: the author's (male) picture of the world and the generalized one (pseudo-male). A. S. Pushkin gives the role of the main narrator to provincial landowner Belkin, who retells the stories, which he heard from other persons: titular counselor A.G.N., lieutenant-colonel I.L.P., Steward B. V., maiden K.I.T. However, presence of the true author – Pushkin – is revealed in Belkin's tales, and this makes the narration "two-voice". Nominations of emotions are almost absent in the text of *Belkin's Tales*, there is a moderate quantity of expressions of emotions and a large quantity of their descriptions. Male emotions are represented as more intensive than female emotions. The prevailing male emotion is anger, the predominant female emotion is fear.

Keywords: Emotion, Nomination, Description, Expression, Gender Representation.

---

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Гендерная репрезентация эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.»

Абрамова Вероника Игоревна¹

Доцент, Тульский государственный педагогический университет
им. Л.Н. Толстого,
Тула, Россия.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: июль 2019 г.)

Аннотация

В статье рассмотрены эмоции (радость, горе, удивление, гнев, любопытство, стыд, чувство вины, страх), репрезентированные через образы персонажей цикла А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.». В повествовании созданы и накладываются друг на друга две эмоциональных картины мира: авторская (мужская) и обобщенная (псевдомужская). В «Повестях Белкина» звучит и голос реального автора, скрытого за инициалами А.П., и голос нарратора Белкина, который пересказывает истории, услышанные им от других лиц (титулярного советника А.Г.Н., подполковника И.Л.П., приказчика Б.В., девицы К.И.Т). «Голос» Белкина, таким образом, – это неиндивидуальный, обобщенный голос всей провинции, формирующий обобщенную картину мира. В тексте «Повестей Белкина» практически отсутствуют номинации эмоций, умеренно представлены их выражения и широко – описания. Мужские эмоции репрезентированы как более интенсивные, чем женские. Преобладающей мужской эмоцией является гнев, преобладающей женской – страх. Это соответствует европейскому гендерному стереотипу.

Ключевые слова: Эмоция, Номинация, Описание, Выражение, Гендерная Репрезентация.

---

1. E-mail: istinijobraz@mail.ru

Введение

Согласно лингвистической теории эмоций, предложенной профессором В.И. Шаховским, в тексте художественного произведения эмоции представлены в форме номинаций и дескрипций, а также непосредственно выражаются в репликах персонажей (Шаховский 2012. 93–98). Номинация осуществляется с помощью лексических единиц, называющих эмоции (гнев, радость, печаль и т.п.). Описательно передают эмоциональное состояние наречия (весело, радостно, грустно и т.п.), глаголы (*радоваться, грустить, злиться, сердиться* и т.п.), существительные, включающие термины эмоций с предлогом «с» (*с радостью, с грустью, с гневом* и т.п.); существительные, обозначающие физиологические проявления эмоций (*смех, слезы* и т.п.); прилагательные, характеризующие эмоциональное состояние (*веселый, грустный, удивленный* и т.п.). Выражение эмоций осуществляется с помощью средств лексического (эмотивная лексика), синтаксического (усилительные структуры), стилистического (повторы эмоциональных усилителей, параллельные конструкции, метафоры) уровней языка.

Трудность и одновременно интерес для исследователя гендерной репрезентации эмоций в «Повестях Белкина» представляет особая манера повествования в произведении. Роль основного рассказчика «доверена» автором провинциальному помещику Ивану Петровичу Белкину, который перелагает в повестях истории, услышанные им от других лиц: титулярного советника А.Г.Н., подполковника И.Л.П., приказчика Б.В., девицы К.И.Т. «Голоса» этих рассказчиков не звучат в повествовании, поскольку Белкин пересказывает их истории своим языком, в своей манере. Но и эта манера оказывается не индивидуальной. Исследователи «Повестей Белкина» писали о том, что самого Белкина в повестях «не видно» (Шкловский 1937. 79), что заглавный герой «безголосый» (Бочаров 1974. 132). По мнению В.И. Коровина, голос у придуманного Пушкиным повествователя есть, но это

обобщенный голос всей провинции (Коровин 2005. 403). При этом в «Повестях Белкина» обнаруживается присутствие истинного автора – Пушкина. Таким образом, в повествовании созданы и накладываются друг на друга две эмоциональных картины мира: авторская (мужская) и обобщенная (псевдомужская, поскольку объединяет мужскую и женскую точки зрения в интерпретации Белкина).

Основная часть

Стилистически манера повествования в «Повестях Белкина» восходит к сентиментализму и романтизму. Оба литературных направления акцентировали внимание на изображении чувств, внутреннего мира персонажей. В «Повестях Белкина» мужские и женские эмоции широко представлены, но репрезентированы по-разному.

Номинированными в «Повестях Белкина» оказываются мужские эмоции горе, гнев и любопытство: «Тут он стал подробно рассказывать мне свое горе»¹ [здесь и далее курсив наш – А.В.] (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); «Кто, в минуту *гнева*, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность?» («Станционный смотритель»); «*Гнев* проезжего прошел» (Минский, «Станционный смотритель»); «*Любопытство* мое сильно было возбуждено» (рассказчик, «Выстрел»); «*Любопытство* начинало меня беспокоить, и я надеялся, что пунш разрешит язык моего старого знакомца» (рассказчик, «Станционный смотритель») и женская эмоция любопытство: «молчание молодого гусара более всего *подстрекало ее любопытство и воображение*» (Марья Гавриловна, «Метель»).

---

1. Здесь и далее цитирование осуществляется по источнику в сети Интернет: Пушкин А.С. Повести покойного Ивана Петровича Белкина. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (дата обращения 13.10.17).

Описание эмоций представлено в «Повестях Белкина» следующим образом (цифрами обозначено количество лексических единиц, словосочетаний и фразеологизмов, участвующих в дескрипции эмоций):

	М	Ж
радость	5	4
горе /печаль	12	7
удивление	9	2
бешенство/гнев	13	3
любопытство	4	2
смущение	1	0
чувство вины	1	8
страх	15	11

В «Повестях Белкина» описаны эмоции 11 мужских (рассказчик в «Станционном смотрителе», Самсон Вырин, Минский, Адрян Прохоров, Владимир, Алексей Берестов, Муромский, Сильвио, офицер, граф, рассказчик в «Выстреле») и 6 женских (Дуня, Лиза, Настя, мисс Жаксон, Марья Гавриловна, графиня) персонажей. Кроме того, в нескольких случаях описаны эмоции группы лиц – мужских (офицеры в «Выстреле»), женских (Лиза и Настя) и смешанной группы (свидетели венчания в «Метели»: трое мужчин и горничная).

Мужская радость репрезентирована с помощью лексики: «Я вспомнил дочь старого смотрителя и *обрадовался* при мысли, что увижу ее снова» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «сказал *обрадованный* гробовщик» (Адрян Прохоров, «Гробовщик»); используются такесические и проксематические знаки: «Владимир *обнял их с восторгом* и поехал домой *приготовляться*» (Владимир, «Метель»); «Около получаса прошло в несносном

для него ожидания; наконец он увидел меж кустарника мелькнувший синий сарафан и *бросился навстречу* милой Акулины»; *«повторял он, целуя ее руки»* (Алексей Берестов, «Барышня-крестьянка»).

При описании мужского горя (печали) используется лексика, обозначающая физиологическое проявление эмоций: *«Слезы брызнули из глаз его; он поехал наудачу»* (Владимир, «Метель»); *«слезы навернулись на глазах»*; *«Таков был рассказ приятеля моего, старого зрителя, рассказ, неоднократно прерываемый слезами»*; *«Старик не снес своего несчастья; он тут же слег в ту самую постель, где накануне лежал молодой обманщик»* (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); *«Переступив за незнакомый порог и нашед в новом своем жилище суматоху, он вздохнул о ветхой лачужке, где в течение восемнадцати лет все было заведено самым строгим порядком...»* (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); жестовый компонент: *«При сем ответе Владимир схватил себя за волосы и остался недвижим, как человек, приговоренный к смерти»* (Владимир, «Метель»); *«слезами, которые живописно отирал он своею полою»* (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); просодика: *«Владимир не имел духа отвечать на вопросы»*; *«Владимир не говорил уже ни слова»* (Владимир, «Метель»); *«дрожащим голосом произнес»* (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); используются метафоры: *«Сердце старика закипело»* (Самсон Вырин, «Станционный зритель»); *«Адриан, сидя под окном и выпивая седьмую чашку чаю, по своему обыкновению был погружен в печальные размышления»* (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Мужское удивление репрезентировано с помощью лексики: *«Приближаясь к желтому домику, так давно соблазнявшему его воображение и наконец купленному им за порядочную сумму, старый гробовщик чувствовал с удивлением, что сердце его не радовалось»* (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); *«Это нас удивило»*; *«Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет*

драться?» (офицеры, «Выстрел»); «Покамест собирался он переписать мою подорожную, я смотрел на его седину, на глубокие морщины давно небритого лица, на сгорбленную спину – и *не мог надивиться*, как три или четыре года могли превратить бодрого мужчину в хилого старика» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «Григорий Иванович вспомнил свое обещание и *старался не показать и виду удивления*; но шалость его дочери казалась ему так забавна, что он едва мог удержаться» (Муромский, «Барышня-крестьянка»); «Алексей *не мог надивиться* ее понятливости»; «на третьем уроке Акулина разбирала уже по окладам «Наталью, боярскую дочь», прерывая чтение замечаниями, от которых Алексей истинно *был в изумлении*»; «спросил *изумленный* Алексей»; «Он вошел... и *остолбенел!* Лиза... нет Акулина, милая смуглая Акулина, не в сарафане, а в белом утреннем платье, сидела перед окном и читала его письмо» (Алексей Берестов, «Барышня-крестьянка»).

Мужской гнев описан с помощью лексики: «Он *бесился* и прозвал своего зоила медведем и провинциалом» (Муромский, «Барышня-крестьянка»); «Будучи молод и вспыльчив, я *негодовал* на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «Его равнодушие *взбесило меня*» (Сильвио, «Выстрел»); «закричал я *в бешенстве*» (граф, «Выстрел»); используется описание экспрессивно-выразительного движения: «Офицер, разгоряченный вином, игрою и смехом товарищей, почел себя жестоко обиженным и, *в бешенстве схватив со стола медный шандал, пустил его в Сильвио*, который едва успел отклониться от удара» (офицер, «Выстрел»); жестовый компонент и просодика: «При сем известии путешественник *возвысил было голос и нагайку*» (Минский, «Станционный смотритель»); мимический компонент: «Сильвио *встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами*» (Сильвио, «Выстрел»); «Он *вспыхнул*» (граф,

«Выстрел»); такесические знаки: «дал мне пощечину» (граф, «Выстрел»), «сильной рукою схватив старика за ворот, вытолкнул его на лестницу» (Минский, «Станционный смотритель»); лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций, стилистический повтор: «Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования!»; «вдруг увидя в дверях старого смотрителя, оставил Дуню и подошел к нему, дрожа от гнева»; «сказал он ему, стиснув зубы» (Самсон Вырин, Минский «Станционный смотритель»).

Мужское смущение репрезентировано с помощью использования мимического компонента, кинемы глаз, такесического знака: «Минский взглянул на него быстро, вспыхнул, взял его за руку, повел в кабинет и запер за собою дверь» (Минский, «Станционный смотритель»).

Мужское любопытство описано с помощью лексики: «я с живейшим любопытством услышал следующий рассказ» (рассказчик, «Выстрел»); «спросил я с любопытством» (рассказчик, «Станционный смотритель»); «он с нетерпением ожидал появления хозяйской дочери, о которой много наслышался, и хотя сердце его, как нам известно, было уже занято, но молодая красавица всегда имела право на его воображение» (Алексей, «Барышня-крестьянка»); используется метафора: «известие о прибытии молодой и прекрасной соседки сильно на меня подействовало; я горел нетерпением ее увидеть» (рассказчик, «Выстрел»).

Мужское чувство вины репрезентировано с помощью лексики: «сказал молодой человек в крайнем замешательстве» (Минский, «Станционный смотритель»).

Мужской страх описан с помощью лексики: «Владимир с ужасом увидел, что он заехал в незнакомый лес» (Владимир, «Метель»); «Луна сквозь окна освещала их желтые и синие лица, ввалившиеся рты, мутные, полузакрытые глаза и высунувшиеся носы... Адриан с ужасом узнал в них людей, погребенных его стараниями...»; «С ужасом вспомнил Адриан все вчерашние

происшествия» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «*Испуганный Минский кинулся ее подымать*» (Минский, «Станционный смотритель»); используется кинема глаз: «*Свидетели устремили на меня испуганные глаза*» (трое мужчин, «Метель»); мимический компонент: «*лицо его горело как огонь*» (граф, «Выстрел»); просодика: «*закричал я*» (граф, «Выстрел»); «С сим словом мертвец простер ему костяные объятия – но Адриан, собравшись с силами, *закричал* и оттолкнул его» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «Бедный отец *насилу решился спросить* у дьячка, была ли она у обедни» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); проксематический знак: «закричал и *оттолкнул* его» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); фразеология, описывающая физиологическое проявление эмоций: «я почувствовал, как *волоса стали вдруг на мне дыбом*»; «*Голова моя шла кругом...*» (граф, «Выстрел»); «Смотритель пошел домой *ни жив ни мертв*» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»); «*тут ноги его подкосились*. Комната полна была мертвецами»; «Между мертвецами поднялся ропот негодования; все вступились за честь своего товарища, пристали к Адриану с бранью и угрозами, и бедный хозяин, оглушенный их криком и почти задавленный, *потерял присутствие духа, сам упал на кости отставного сержанта гвардии и лишился чувств*» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Теперь рассмотрим описания женских эмоций.

Женская радость репрезентирована с помощью лексики: «Вдруг мелькнула ей мысль. Она тотчас передала ее Насте; обе *обрадовались* ей как находке и положили исполнить ее непременно»; «ясное небо, утренняя свежесть, роса, ветерок и пение птичек *наполняли сердце Лизы младенческой веселостию*»; «Лиза *была в восхищении* от успеха своей выдумки»; используется такесический знак: «Она *обняла отца*, обещалась ему подумать о его совете и побежала умиловать раздраженную мисс Жаксон...» (Лиза, Настя, «Барышня-крестьянка»).

Женское горе репрезентировано с помощью метафор: «Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша? – *раздирали ее сердце*»; «Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, *стесняла ее сердце*» (Марья Гавриловна, «Метель»); используется лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций: «Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она *чуть не заплакала*. Пришед в свою комнату, она *кинулась в кресла и залилась слезами*»; «Несколько месяцев уже спустя, нашед его имя в числе отличившихся и тяжело раненых под Бородиным, она *упала в обморок...*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «как ей сказали, что старый смотритель умер, так она *заплакала*»; «Она *легла здесь и лежала долго*» (Дуня, «Станционный смотритель»). По поводу последней приведенной здесь фразы А.В. Чичерин писал: «Как много лиризма в «Станционном смотрителе» вкладывается в кратчайшие фразы <...>, сколько здесь затаенных, глубоких эмоций» (Чичерин 1977. 99).

Женское удивление репрезентировано с помощью лексики: «Марья Гавриловна взглянула на него *с удивлением*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «сказала она *с удивлением*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женский гнев описан с помощью мимического компонента и кинемы глаз: «*багровый румянец досады* пробивался сквозь искусственную белизну ее лица. Она *бросала пламенные взгляды* на молодую проказницу»; лексики и просодики: «Англичанка *бесилась и молчала*» (мисс Жаксон, «Барышня-крестьянка»).

Женское любопытство репрезентировано с помощью лексики: «*Тайна*, какого роду ни была бы, *всегда тягостна женскому сердцу*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «Но *всех более занята была им* дочь англomана моего, Лиза...» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женское чувство вины (часто сопряженное с эмоцией «горе») описано с помощью лексики, жестовых и мимических компонентов: «Отец и мать заметили ее беспокойство; их нежная заботливость и беспрестанные вопросы: *что с тобою, Маша? не больна ли ты, Маша?* – *раздирали ее сердце*»; «Они ее поцеловали и, по обыкновению, благословили: она *чуть не заплакала*. Пришел в свою комнату, она *кинулась в кресла и залилась слезами*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «Ямщик, который вез его, сказывал, что всю дорогу *Дуня плакала*, хотя, казалось, ехала по своей охоте»; «как ей сказали, что старый смотритель умер, так она *заплакала*»; «Она *легла здесь и лежала долго*» (Дуня, «Станционный смотритель»); используются фразеологизмы и олицетворение: «Она в мыслях повторяла все обстоятельства утреннего свидания, весь разговор Акулины с молодым охотником, и *совесть начинала ее мучить*. Напрасно возражала она самой себе, что беседа их не выходила из границ благопристойности, что эта шалость не могла иметь никакого последствия, *совесть ее роптала громче ее разума*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Женский страх репрезентирован с помощью лексики: «лошадь у жены что-то заупрямилась; она *испугалась*, отдала мне поводья и пошла пешком домой»; «Мысль эта *ужаснула* Лизу...» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); просодики и такесики: «Маша вбегает и *с визгом кидается мне на шею*» (графиня, «Выстрел»); «Лиза *испугалась и закричала*»; «Лиза *вздрыгнула, подняла голову, закричала и хотела убежать*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); «Не получая ответа, Дуня подняла голову... и *с криком упала на ковер*» (Дуня, «Станционный смотритель»); используется лексика, описывающая физиологическое проявление эмоций: «сказала она, *побледнев*» (Лиза, «Барышня-крестьянка»); «графиня *была бледнее своего платка*»; «Жена *лежала в обмороке*» (графиня, «Выстрел»); «Она *вскрикнула <...> и упала без памяти*» (Марья Гавриловна, «Метель»); «*Сердце ее сильно билось*, само не зная почему; но боязнь, сопровождающая молодые наши проказы, составляет и главную их прелесть» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Рассмотрим выражение эмоций персонажами «Повестей Белкина» (в таблице учитывается количество реплик):

	М	Ж
радость	2	1
горе	1	0
удивление	3	2
бешенство/гнев	4	0
любопытство	1	1
чувство вины	2	0
страх	1	3

Эмоции в повестях выражают 9 мужских (Адриан Прохоров, Алексей Берестов, старший Берестов, Минский, Самсон Вырин, рассказчик в «Станционном смотрителе», Сильвио, граф, Бурмин) и 4 женских (Лиза, графиня, Марья Гавриловна, работница Аксинья) персонажа.

Сначала рассмотрим выражение эмоций персонажами-мужчинами.

Радость выражается с помощью восклицательных предложений с соответствующим комментарием: «*Ой ли!* – сказал обрадованный гробовщик» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»); «*Акулина! друг мой, Акулина!*» – повторял он, целуя ее руки» (Алексей, «Барышня-крестьянка»). Используются повторы, инверсии, эмоциональный интенсификатор.

Горе выражается через восклицательные предложения и разрыв синтаксического целого (дислокацию), а также с помощью графического оформления в виде отточий: «*Ваше высокоблагородие!.. сделайте такую божескую милость!..*» (Самсон Вырин, «Станционный смотритель»).

Удивление выражается с помощью восклицательных и вопросительных предложений и эмоциональных интенсификаторов: «*Что за чудо!* – говорил

Алексей. – Да у нас учение идет скорее, чем по ланкастерской системе»; *«На ком это, батюшка?»* – спросил изумленный Алексей» (Алексей, Барышня-крестьянка); «Адриану показалось, что по комнатам его ходят люди. *«Что за дьявольщина!»* – подумал он и спешил войти...» (Адриан Прохоров, «Гробовщик»).

Гнев выражен с помощью повествовательных, восклицательных и вопросительных предложений с соответствующим комментарием, в котором отмечаются просодическое оформление фразы и мимика говорящего: «Сильвио встал, побледнев от злости, и с сверкающими глазами сказал: *«Милостивый государь, извольте выйти, и благодарите бога, что это случилось у меня в доме»;* *«Встань, Маша, стыдно!»* – закричал я в бешенстве, – *а вы, сударь, перестанете ли издеваться над бедной женщиной? Будете ли вы стрелять или нет?»* (Сильвио, граф, «Выстрел»); *«Чего тебе надобно?»* – сказал он ему, стиснув зубы, – *что ты за мною всюду крадешься, как разбойник? или хочешь меня зарезать? Пошел вон!»* (Минский, «Станционный смотритель»); *«Ты женишься, или я тебя прокляну, а имение, как бог свят! продам и промотаю, и тебе полушки не оставлю. Даю тебе три дня на размышление, а покамест не смей на глаза мне показаться»* (старший Берестов, «Барышня-крестьянка»). Используются эмоциональные интенсификаторы, сегментированные конструкции.

Любопытство выражено с помощью вопросительного предложения: *«Какая барыня?»* – спросил я с любопытством» (рассказчик, «Станционный смотритель»).

Чувство вины выражено с помощью повествовательных предложений: *«Что сделано, того не воротишь, – сказал молодой человек в крайнем замешательстве, – виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения...»* (Минский, «Станционный смотритель»); синонимического накопления, графического знака в виде отточия: *«Непонятная, непростительная*

ветреность...»; инверсии: *«я не имею и надежды отыскать ту, над которой подиутил я так жестоко и которая теперь так жестоко отомщена»* (Бурмин, «Метель»).

Страх выражен с помощью восклицательного предложения с соответствующим комментарием, в котором отмечено просодическое оформление фразы и физиологическое состояние говорящего: *«Сильвио!»* – закричал я, и признаюсь, я почувствовал, как волосы стали вдруг на мне дыбом» (граф, «Выстрел»).

Теперь рассмотрим выражение эмоций персонажами-женщинами.

Радость выражается с помощью восклицательных предложений, повтора, эмоционального интенсификатора: *«Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка!»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Удивление выражено с помощью вопросительных предложений, которые словно нанизаны друг на друга: *«Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»), *«Покойницы? Да разве она умерла?»* (работница Аксинья, «Гробовщик»).

Любопытство выражено с помощью восклицательного предложения с соответствующим комментарием: *«Как бы мне хотелось его видеть!»* – сказала Лиза со вздохом» (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Страх выражается с помощью восклицательных предложений с соответствующим комментарием, эмоциональных интенсификаторов, повторов, сегментированных конструкций: *«Она вскрикнула: «Ай, не он! не он!» – и упала без памяти»* (Марья Гавриловна, «Метель»); *«Ах, милый мой, – сказала графиня, – ради бога не рассказывай; мне страшно будет слушать»* (графиня, «Выстрел»); *«Что вы говорите!»* – сказала она, побледнев. – *«Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь»* (Лиза, «Барышня-крестьянка»).

Сводная таблица, в которой учтены все формы репрезентации эмоций (номинация, выражение, описание), выглядит следующим образом:

	М	Ж
радость	7	5
горе	14	7
удивление	12	4
бешенство/гнев	19	3
любопытство	7	4
стыд/смущение	1	0
чувство вины	3	8
страх	16	14

Заключение

Анализ гендерной репрезентации эмоций в цикле А.С. Пушкина «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А.П.» показал формальную андроцентричность эмоциональной картины мира автора. Андроцентричность выражается в количественном «перевесе» мужских персонажей над женскими (персонажей-мужчин, проявляющих эмоции, в повестях в два раза больше, чем персонажей-женщин). Формальную андроцентричность поддерживает то, что и реальный автор, скрывающийся за инициалами А.П. в заглавии повестей, и придуманный Пушкиным нарратор Белкин, являются мужчинами. Предположительно рассказанные девицей К.И.Т. истории («Метель» и «Барышня-крестьянка»), Белкин перелагает тем же языком, что и «мужские» рассказы («Выстрел», «Гробовщик» и «Станционный смотритель»).

Преобладающими мужскими эмоциями в «Повестях Белкина» являются гнев, страх и горе. Преобладающими женскими – страх и чувство вины. В целом это соответствует современному гендерному стереотипу. Появление не

характерных для стереотипа эмоций страх и горе в мужской части эмоциональной картины мира можно объяснить тяготением вымышленного автора повестей к сентиментальной и романтической стилистике и установкой реального автора на пародирование этой стилистики.

Анализируя формы репрезентации эмоций, можем отметить следующее: в количественном плане эмоции мужских персонажей на всех уровнях (номинация, дескрипция, выражение) представлены у Пушкина интенсивнее, чем эмоции женских персонажей. Но если разделить полученные цифры в мужской части сводной таблицы на два (поскольку мужских персонажей в два раза больше, чем женских), то получится, что женские радость, чувство вины и страх выражены интенсивнее, чем мужские, а женские горе, удивление и любопытство примерно с той же интенсивностью, что и мужские.

Средства репрезентации эмоций в мужской и женской части эмоциональной картины мира (при делении «мужских» средств репрезентации на два) тоже использованы в примерно одинаковом количественном соотношении. Это касается лексики, такесики, проксемики, кинесики (мимика, взгляд). Количественно (без деления на два) приближаются к мужским описания физиологического проявления эмоций у женских персонажей (М – 13, Ж – 10), случаи использования просодики (М – 6, Ж – 5), восклицательных (М – 9, Ж – 8) и вопросительных (М – 7, Ж – 6) предложений.

Таким образом, женщины в «Повестях Белкина» не стремятся «властвовать собою», свободно проявляют и выражают эмоции наравне с мужчинами. Формально андроцентричная эмоциональная картина мира по сути оказывается по-пушкински гармоничной. Можно сказать, что андроцентричность авторской эмоциональной картины мира уравновешивается гармоничностью обобщенной эмоциональной картины мира, репрезентированной через не «безголосого», а, наоборот, «многоголосого», говорящего за всю провинцию Белкина.

Литература

- 1- Бочаров С.Г. (1974). *Поэтика Пушкина: Очерки*. Москва. Изд-во «Наука».
- 2- Коровин В.И. (2005). *А.С. Пушкин // История русской литературы XIX века*. В 3 ч. Ч. 1 (1795-1830). Москва. Изд-во «ВЛАДОС». – С. 201-445.
- 3- Пушкин А.С. *Повести покойного Ивана Петровича Белкина*. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (дата обращения 13.10.17).
- 4- Чичерин А.В. (1977). *Очерки по истории русского литературного стиля*. Москва. Изд-во «Художественная литература».
- 5- Шаховский В.И. (2012). *Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка*. Москва. Изд-во «Книжный дом «ЛИБРОКОМ»».
- 6- Шкловский В.Б. (1937). *Заметки о прозе Пушкина*. Москва. Изд-во «Советский писатель».

Bibliography

- 1- Bocharov S.G. (1974). *Pojetika Pushkina: Ocherki*. Moskva. Izd-vo «Nauka».
- 2- Korovin V.I. (2005). *A.S. Pushkin // Istorija russoj literatury XIX veka*. V 3 ch. Ch. 1 (1795-1830). Moskva. Izd-vo «VLADOS». – S. 201-445.
- 3- Pushkin A.S. *Povesti pokojnogo Ivana Petrovicha Belkina*. URL: <http://ilibrary.ru/text/89/index.html> (data obrashhenija 13.10.17).
- 4- Chicherin A.V. (1977). *Ocherki po istorii russsogo literaturnogo stilja*. Moskva. Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura».
- 5- Shahovskij V.I. (2012). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka*. Moskva. Izd-vo «Knizhnyj dom «LIBROKOM»».
- 6- Shklovskij V.B. (1937). *Zametki o proze Pushkina*. Moskva. Izd-vo «Sovetskij pisatel'».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Абрамова, В. (2019). Gender Representation of Emotions in A.S. Pushkin's Cycle "The Tales of The Late Ivan Petrovich Belkin Published By A. P.". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 99-115.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.99

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/82>

Choosing the Syntactic Construction: Type of Situation and Other Factors

Grigorian Elena Leonidovna*

Associate Professor, Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

The syntax can be considered as a system of representations of situations. The correlation between syntax and semantics is not always one-to-one correspondence. A particular syntactic representation is determined not only by the real-world parameters of the situation represented and by the speaker's perception but also by a number of pragmatic factors, namely, the communicative organization of utterance, emphasis, etc. The paper deals with the interaction of semantic and pragmatic factors in choosing a particular syntactic structure (considering some constructions in Russian). For many situations, there is more than one possible syntactic representation, including those with identical lexical components; the analysis of such data reveals the inherent semantics of syntactic structures, contrastive contexts and non-standard usage being particularly informative in this aspect.

Keywords: Syntax, Syntactic Representations of the Situations, Pragmatics, Impersonal Constructions, Passive Constructions.

Выбор синтаксической конструкции: тип ситуации и другие факторы

Григорьян Елена Леонидовна¹

Доцент, Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

Синтаксис может рассматриваться как система способов представления ситуаций, как своего рода каталог типовых ситуаций, причём в плане корреляции структуры и семантики языковой материал неоднороден и часто эта связь не прямая и не однозначная. Способ представления ситуации определяется не только её реальными характеристиками и перцептивными моментами, но также определёнными прагматическими факторами – коммуникативной организацией высказывания и др. В докладе рассматривается соотношение семантических и прагматических факторов в выборе синтаксической структуры высказывания применительно к некоторым конструкциям русского языка. Для многих денотативных ситуаций возможно более одного способа синтаксического представления, в том числе при полном или почти полном сохранении лексического состава, что даёт возможность выявления собственно синтаксической семантики, особенно в контекстах противопоставления; кроме того, специфика синтаксической структуры проявляется в наибольшей степени в нестандартных употреблениях (то есть с глаголами, для которых такая конструкция нехарактерна).

Ключевые слова: Синтаксис, Синтаксическая Семантика, Синтаксическое Представление Ситуации, Прагматика, Безличные Конструкции, Пассивные Конструкции.

---

1. E-mail: grigorjanelena@yandex.ru

Введение

Синтаксис может рассматриваться как система способов представления ситуаций, подобно тому, как лексика и словообразование служат средством репрезентации объектов. Термин «ситуация» понимается здесь в самом широком смысле и охватывает любые положения дел, статические и динамические

Представление о синтаксических структурах как о моделях ситуаций не является новым или оригинальным. Вместе с тем не всегда очевидно, какие именно параметры ситуаций кодируются синтаксическими способами. В плане корреляции структуры и семантики языковой материал явно неоднороден и для большинства конструкций эта связь не прямая и не однозначная. Традиционно для некоторых типов конструкций русского языка, в частности неопределенно-личных, обобщенно-личных и безличных, указываются значения (для безличных – список значений, не совпадающий у разных авторов); в то же время для самых распространенных личных структур такой перечень, как правило, не дается. Чем более употребительна и нейтральна конструкция, тем меньше она имплицитно несет какую-либо семантику. Это особенно наглядно в отношении конструкции «одушевленное подлежащее + глагол в форме действительного залога» – контекстно независимой, стилистически немаркированной и совместимой с предельно широким кругом обозначаемых ситуаций, который в принципе невозможно очертить. В русском языке, как и во многих других, такая конструкция типична для ситуаций действия, но может обозначать и другие процессы и явления, в том числе результат воздействия извне, состояние, возникшее в результате действия или вызванное другими причинами, а также восприятие, отношение, положение в пространстве и др., причем то или иное прочтение далеко не всегда определяется однозначно глаголом: многие глаголы могут называть как действия, так и другие типы ситуаций.

Существует ряд работ разного времени, направленных на построение глобальных классификаций синтаксических структур с точки зрения их семантики; описание может идти как от структур к выражаемым значениям или типам ситуаций, так и от типа ситуации к способам её синтаксического воплощения. Ограничимся упоминанием двух работ, в наиболее полной мере разрабатывающих данную задачу.

С одной стороны, это известная в своё время монография (Волохина, Попова 2003), которые ввели термин «синтаксический концепт» и попытались дать полный обзор синтаксических концептов русского языка вместе со списком конструкций и примерами для каждого из них; в компактном и, на наш взгляд, более чётком изложении эта концепция дана в работе (Попова 2007). Предлагаемая авторами классификация так называемых синтаксических концептов представляется непоследовательной: практически для всех выделяемых концептов предлагаются целые списки синтаксических структур, к тому же в основном повторяющихся и для других концептов. Подобный разнобой, в сочетании с большим и, на наш взгляд, логически непоследовательным списком концептов, не позволяет считать этот текст классификацией в строгом понимании этого слова. Не менее заметный недостаток – привязка тех же концептов (хотя и называемых синтаксическими) к лексической семантике предикатов (Попова 2007. 376) и даже к общему содержанию высказывания, включая контекст. Поэтому представляется спорным, насколько предлагаемые концепты можно считать синтаксическими.

Посвящённая в целом совершенно другим аспектам работа (Бергельсон 2007) также анализирует интересующую нас проблему. Автор исходит из понятия прототипического значения, типового для той или иной конструкции, т.е. регулярно выражаемой данным синтаксическим способом, а все случаи несоответствия прототипу описываются, например, как «действие в облинии

состояния – *мне не пишется*», ... «отношение под видом действия – *касаться, содержать, вместиать*» и т.п. (Бергельсон 2007. 219); при этом остаётся неясным, имеется ли в виду просто использование конструкции в нетипичном (вторичном) для неё значении или же имеет место переосмысление, иная интерпретация ситуации (в последнем примере мы не усматриваем акциональной семантики).

В статье будет рассмотрена лишь часть синтаксической системы русского языка, но часть ядерная, которая, на наш взгляд, может рассматриваться как её каркас. Многие из выдвигаемых далее положений применимы не только к русскому языку и в целом соответствуют общим типологическим тенденциями, см. (Григорьян 2015), (Григорьян 2016).

Основная часть

При исследовании синтаксической семантики возникает принципиальная проблема разграничения собственно синтаксической и лексической семантики: очевидно, что любая синтаксическая конструкция воплощается каждый раз в конкретном лексическом материале, в связи с чем оказывается проблематичным отделить собственную семантику структуры от её лексического заполнения и от знаний о мире. Нам представляются эффективными два метода выявления собственно синтаксической семантики, отделения её от лексической, а также от конситуативной информации.

Для многих денотативных ситуаций возможно более одного способа синтаксического представления, в том числе при полном или почти полном сохранении лексического состава (в терминах синтаксической типологии – различные диатезы одного глагола). Применительно к таким структурам показательны, с одной стороны, примеры нейтрализации, когда одна и та же ситуация обозначается в тексте дважды, разными синтаксическими конструкциями; с другой стороны, ещё более ценны контексты контраста,

противопоставления двух возможных синтаксических способов. Может быть применён и чисто лингвистический эксперимент (в понимании Л.В. Щербы): перефразирование с заменой структуры, которое позволяет выявить возникающие при этом смысловые сдвиги.

Кроме того, синтаксическая (и вообще грамматическая) семантика ярче всего проявляется в нестандартных употреблениях, то есть с глаголами, для которых такая конструкция нехарактерна, или применительно к ситуациям, для которых данный способ синтаксического представления нетипичен. Как отмечает Ш. Балли, в повседневной речи люди употребляют те или иные грамматические формы бессознательно, следуя сложившемуся обыкновению, а не в результате сознательного выбора с целью выразить или подчеркнуть те или иные смыслы; таким образом, синтаксические конструкции функционируют скорее как стереотипы, за которыми уже не осознаётся какое-либо осмысление обозначаемой реальности. В полной мере изобразительность языковой формы проявляется только в авторских употреблениях и особенно в инновациях (Bally 1920. 10).

Так, уже упоминавшаяся конструкция «одушевленное подлежащее + глагол в форме действительного залога», совместимая, казалось бы, едва ли не с любым типом ситуации, в нестандартных употреблениях обычно имплицитно, в большей или меньшей степени, значения агентивности, каузальности, контроля (которые взаимосвязаны). Если в обычных, «типовых» употреблениях структур, то есть применительно к описанию действий, эти семантические корреляции неочевидны в силу естественности такого способ выражения, то в нестандартных употреблениях связь подлежащего с вышеперечисленными значениями становится явной:

*/1/ Он вытянул свою смугловатую шею, склонил набок голову,
засверкал глазами, поднял вверх руку (Чехов).*

В данном примере описывается выступление в суде, целенаправленное действие оратора; ср. *глаза у него засверкали*, что могло бы описывать и произвольную реакцию.

*/2/ Ровно в 12 часов гости, **вытянув физиономию**, пробираются из всех комнат в залу (Чехов).*

Ср. стандартное (у гостя) *вытянулась физиономия*, описывающая произвольную реакцию, неконтролируемое изменение мимики; в данном же случае гости создают видимость скорбных чувств.

С другой стороны, связь этой конструкции со значениями каузации, контроля и намерения, которые приписываются одушевленному подлежащему, ярко выступает в сопоставлении её с деагентивными конструкциями (конструкциями, в которых агенс либо вообще устранён, либо не имеет статуса подлежащего); употребление таких конструкций часто связано с ослаблением данных значений или с выражением противоположных – неконтролируемости, независимости ситуации от соответствующего партиципанта

*/3/ И, вот, отчаявшись (рук не чувствую) – какую попало [картошку]: раздавленную, мороженую, оттаявшую ... Мешок уже не вмещает. **Руки, окончательно ооченев, не завязывают** (М. Цветаева).*

*/4/ Он хотел быть спокойным, но было то же. **Палец его прижимал гашетку** прежде, чем он брал на цель птицу (Л. Толстой).*

Сравнение примера /4/ с конструкцией с обычным агентивным подлежащим – *он нажимал гашетку* – показывает неконтролируемость или, во всяком случае, ненамеренность действия; пример /3/ *руки не завязывают* также показателен: неполная зависимость ситуации от агенса может быть выражена и другой деагентивной конструкцией – *мешок не завязывается*; из

сопоставления этих двух вариантов становится очевидно, что в приведённом примере подлежащее *руки* приобретает оттенок каузального значения.

Аналогично, если обратиться к безличным конструкциям русского языка – этому общему месту в работах по русской языковой картине мира (особенно это касается конструкции с дополнением в творительном падеже), – в обычных, стандартных употреблениях синтаксическая структура, казалось бы, ничего не вносит в общее содержание высказывания. Если сопоставить пары предложений типа *Лодку унесло течением/ Лодку унесло течение* или *Течение унесло лодку; Дорожки засыпало снегом/ Дорожки засыпал снег, дороги замело/ метель замела дороги*, то очевидно, что семантика неконтролируемости, стихийности, традиционно связываемая с подобными безличными конструкциями, сохраняется и в соответствующей личной конструкции (если и можно выявить какие-то отличия в двух синтаксических вариантах описания подобных ситуаций, то это скорее отличие актуального членения, о чём будет сказано ниже). С другой стороны, если обратиться к нестандартным употреблениям, как в следующем примере, в них соответствующее значение неконтролируемой, стихийной ситуации вносится исключительно синтаксической конструкцией, ср.:

/5/ С тобой нас нынче затесало В толпу глазающих зевак (А. Блок)

В отличие от стандартного *мы затесались*, употребление безличной конструкции указывает на неконтролируемый характер ситуации: она возникла не по воле людей, которые оказались в толпе, а сложилась стихийно. Ср. также:

/6/ У него был сын, младший (старших побил на войне) ...
(Шукшин).

Сравнение с другими возможными и более вероятными способами представления подобных ситуаций выявляет специфику данной конструкции.

Ср. *старших убили на войне* – в неопределенно-личной конструкции подразумеваются люди, гибель сыновей представлена как результат их действий; *старшие погибли на войне* – смерть сыновей показана как автономное событие в отвлечении от действующей причины. В приведённом же примере присутствует момент стихийности, война представлена как нечто подобное стихийному бедствию.

Кроме того, с безличными конструкциями связано значение «страдательности», пациентивности, в англоязычной литературе обозначаемое как *affectedness*, см. подробнее (Григорьян 2014). В таких предложениях часто передаётся в первую очередь восприятие, ощущение: ср. *он обжёгся* – результат действия, *его обожгло* – ощущение (или, возможно, серьёзный физический ущерб). Показательно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев. Характерные для безличных конструкций так называемые дативные и посессивные субъекты, в свою очередь, типичны для описания перцептивных и иных аффективных ситуаций; датив – наиболее типичная форма для экспериенцера (в терминах падежной грамматики). Также нагляден перечень значений для безличных конструкций этого типа, приводимый в работе (Janda 2008. 983): *damage, death, injury, discomfort, uncontrolled experience*. Этот тип ситуаций в работе (Розина 2000) определяется как «происшествия», в отличие от действий; применительно к ситуациям восприятия и передаче ощущений, соответственно, как «перцептивные происшествия».

В противопоставлении пассивным конструкциям, для которых также характерно пациентивное значение, *affectedness* – в силу связи с результативностью, типичной для пассивов в разных языках, и с фокусировкой внимания на объекте действия (в типичном случае пациентивном элементе), ярко выступает признак стихийности (на самом деле присутствует далеко не во всех безличных предложениях).

Что касается страдательных конструкций в плане представления определённых типов ситуаций, традиционно пассив с полным основанием считается производной и маркированной структурой, тогда как актив с агентивным подлежащим принято рассматривать как исходный, немаркированный и нейтральный вариант; однако для описательных текстов соотношение противоположное. Так, пассивная конструкция типа *стол был покрыт кружевной скатертью* является нейтральным, немаркированным способом для описания положений, возникших в результате действия; это вполне объяснимо, так как в типичном случае причастные пассивы (в основном без агентивного дополнения) выражают состояния, связаны со статичностью, эвиденциальностью и т.д. Другие синтаксические варианты представления таких ситуаций – структуры действительного залога – маркированы (содержат дополнительные признаки) и ограничены в употреблении. Та же денотативная ситуация может передаваться и действительной конструкцией типа *стол покрыли кружевной скатертью*, которая описывает состояние через указание на действие или событие, приведшее к данному состоянию, т.е. представляет собой метонимический (и ретроспективный) способ представления ситуации. Ср. следующий пример, где присутствуют оба названных способа:

71/ На конверте Ганин равнодушно узнал косой, крупный, очень правильный почерк. Марка была наклеена вниз головой, и в углу толстый палец Эрики оставил жирный след. Конверт был крепко надушен (Набоков).

В примере можно видеть два способа изображения ситуации, представшей перед героем произведения: обычный, нейтральный, с помощью пассивной конструкции – *Марка была наклеена (вниз головой)*, *конверт был надушен* – и метонимический, ретроспективный, через предшествующее действие *палец Эрики оставил след*.

Для таких же описательных контекстов существует ещё один синтаксический способ – типа *кружевная скатерть покрывала стол*, т.е. конструкция, реализующая производную диатезу действительного залога, в которой подлежащим является не агенс, а средство (инструмент и другие родственные значения); этот способ является эмфатическим вариантом представления этой же ситуации, выделяющим актанта, оформленный как подлежащее:

/8/ *Тут я оказался в шатре. Зеленый шелк затягивал потолок, радиусами расходясь от центра, в котором горел хрустальный фонарь*
(М. Булгаков).

Соответствующая пассивная конструкция *потолок был затянут зеленым шелком* является нейтральной, более «естественной», обычной для описания подобной ситуации.

Примечательно, что в описательных контекстах могут также употребляться пассивные конструкции с выраженным агентивным дополнением или иным способом указания на причину, которая привела к наблюдаемому положению дел; в этом случае они совмещают два способа изображения: как статическая картина, представшая перед реальным или условным наблюдателем, и как восстанавливаемая предшествующая ситуация, приведшая к наблюдаемому положению, вернее, отдельные её элементы, отсутствующие в момент наблюдения (мыши в /9/, буря и люди в /10/, угли и папиросы в /11/):

(9) *Мой дядя Петр Демьяныч... заметил, что переплет его синтаксиса **изъеден мышами*** (Чехов).

(10) *Железная когда-то зеленая крыша, давно не крашеная, краснела от ржавчины, и несколько листов **были задраны**верху,*

вероятно бурей; тес, которым был обшит дом, был ободран местами людьми, обдиравшими его там, где он легче отдирался ... (Л. Толстой).

(11) *Всё прожжено от падающих углей и папирос* (М. Цветаева).

Ср. ??*Всё прожгли падающие угли и папиросы* – возможный, но явно экспрессивный вариант, выделяющий подлежащие.

Таким образом, можно отметить некоторые корреляции, выступающие в контекстах противопоставления (контраста) и в нестандартных, маркированных употреблениях. Так, конструкции действительного залога с одушевлёнными подлежащими имплицитно указывают на ситуацию намеренного контролируемого действия; причастные пассивные конструкции) – значения состояния, результативности. Безличные предложения – стихийные неконтролируемые события, а также происшествия, в первую очередь перцептивные. Другой синтаксический способ указания на перцептивные происшествия – диатезы действительного залога, в которых подлежащим является не агенс, а актант со значением средства или под. (как в примерах /3/ и /4/).

Может возникнуть вопрос: почему мы не наблюдаем в реальной речи, в реальных текстах прямого соответствия типа структуры и типа ситуации, которые были обрисованы выше?

Дело в том, что, во-первых, достаточно часто одна и та же ситуация может быть концептуализирована и как действие, и как перцептивное происшествие, и, например, как состояние (возникшее в результате действия или иного события) и т.д., и получить, соответствующее выбранной концептуализации синтаксическое воплощение. Так, например, одна и та же ситуация в одном тексте (из газеты «Вечерняя Москва») названа дважды:

*/12/Если бы Тунгусский метеорит опоздал в своё время на 4 часа,
Питер стёрло бы с лица земли (подзаголовок);*

/13/ ...*Город был бы стёрт с лица земли* (далее в тексте).

В примере /12/ ситуация представлена как стихийное явление, в /13/ как результат – без указания причины, вызвавшей данное состояние. В принципе такое указание совместимо и с агентивной ситуацией, когда уничтожение города является результатом действий людей, например, бомбардировки или штурма с последующим целенаправленным разрушением; но в данном случае такое прочтение не соответствовало бы контексту).

В следующем примере одна и та же ситуация описана двумя способами: как действие человека и как «представление действия как самодовлеющего, независимого от человека события» (Арутюнова 1998. 806):

/14/ *Крикнул я тогда без намерения, даже за секунду не знал, что так крикну; само крикнулось...* (Достоевский).

Ср. также альтернативные способы описания в следующем примере:

/15/ *Но когда донес уж свой поклон, увидал, что возле нее стоит Ягузинский, Пашка. И тут герцога Ижорского несколько отшатнуло... Но отшатнулся герцог Ижорский всего на одну минуту...* (Ю. Тынянов).

Безличная форма подчеркивает произвольность (а также, возможно, ощущение персонажа), тогда как форма *отшатнулся* употреблена в предложении, говорящем о том, что он вновь обрел некоторый контроль над своим поведением.

Во-вторых, синтаксические структуры отражают не только характер ситуации, но также и определённую коммуникативную структуру, актуальное членение высказывания, и предложение может оказаться перестроенным в соответствии с иерархией актантов по коммуникативному весу; таким

образом, на семантические закономерности наслаиваются прагматические тенденции. С одной стороны, в разных языках действует тенденция к совпадению подлежащего с темой высказывания, а с другой стороны – к совпадению подлежащего с коммуникативно выделенным, акцентируемым элементом, на котором фокусируется внимание; он может быть как тематическим, так и рематическим.

Так, например, если безличная конструкция является обычным и нейтральным способом описания стихийных событий, а также перцептивных и иных аффективных происшествий, то описание подобных ситуаций при помощи личных конструкций обычно бывает обусловлено прагматическими факторами и связано с дополнительными функциями: подлежащее (соответствующее дополнению в творительном падеже в безличной конструкции или – иногда – обстоятельством предложно-падежным формам) получает больший коммуникативный вес, является коммуникативно выделенным элементом:

/16/ *И радость вдруг **перехватила** ей дыхание* (Чехов).

В данном примере подлежащее *радость* акцентируется, имеет больший коммуникативный вес по сравнению с безличным *и от радости у неё **перехватило**¹ дыхание*.

/17/ *Пол ещё ходил под господином из Сан-Франциско – так **закачал** его дрянной итальянский **пароходшико*** (Бунин).

Слово *пароходшико* явно находится в фокусе эмфазы, что подчёркивается также определением *дрянной*. Ср. ... *так закачало его на пароходшике*.

---

1. Существенным является также лексический аспект: для некоторых глаголов (в определенных значениях) более типично безличное употребление.

/18/ И мечта уносила меня всё дальше и дальше от безнадёжного мрака тесной юрты. Казалось, меня обдавал свободный ветер, в ушах гудел рокот океана, садилось солнце, залегали синие мороки, и моя лодка тихо качалась на волнах пролива (Короленко).

Название стихии в последнем примере явно выделено, оно включено в ряд ярких образов (рокот океана и др.), возникающих в воображении рассказчика. Ср. *меня обдавало свободным ветром*, что передавало бы скорее сосредоточенность на ощущениях, а не на актантах (ветре и т.д.) как на отдельных сущностях.

Высокий коммуникативный статус подлежащего и, соответственно, более низкий статус других актантов согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее > прямое дополнение > прочие*. Естественно, что отсутствию в подлежащего автоматически повышается коммуникативный ранг прямого дополнения и других актантов – дативных или генитивных (поссесивных), что и наблюдается в безличных конструкциях

Оформление какого-либо элемента ситуации как подлежащего можно уподобить высвечиванию прожектором или крупному плану. В описательных текстах подлежащее указывает деталь, на которой останавливается взгляд и внимание рассказчика или персонажа (как в приведённом выше примере /16/ и в комментарии к примеру /20/. Ср. также:

/19/ [Я посмотрел ему в лицо: отроду не видал я ничего подобного. Вообразите себе, любезный читатель, маленького человека, белокурого, с красным вздёрнутым носиком и длиннейшими рыжими усами.] Остроконечная персидская шапка с малиновым суконным верхом закрывала ему лоб по самые брови. Одет он был в жёлтый истасканный архалук с чёрными плисовыми патронами на груди и

полиялыми серебряными галунами по всем швам; через плечо висел у него рог, за поясом торчал кинжал (Тургенев).

Ср. *Его лоб по самые брови был закрыт остроконечной персидской шапкой* – страдательная конструкция, как уже отмечалась, более типична для описательных текстов. Однако в примере /4/ шапка выделена как яркая деталь. Это выражается также в наличии определений и в прогрессии *шапка – рог – кинжал*: форма подлежащего сама по себе уже последовательно выделяет яркие детали, на которых останавливается взгляд.¹

Таким образом, прагматические факторы связанные, в частности, с коммуникативными задачами, могут переигрывать относительно устойчивые семантические корреляции между синтаксической структурой и типом обозначаемой ситуации.

Заключение

Вырисовывается фрагмент общей системы, её ядро; эта схема охватывает не весь синтаксический репертуар русского языка и не все значения рассмотренных конструкций, однако отражает, как нам представляется, узловые моменты и выявляет некоторые общие принципы организации и функционирования синтаксической системы.

Рассмотренные типы конструкций – личные конструкции действительного залога, безличные и страдательные конструкции, которые мы считаем базовыми для синтаксической системы русского языка, представляют ситуацию, соответственно, как действие, как стихийное явление и как состояние, возникшее в результате действия или предшествующего события, и являются нейтральными (немаркированными, обычными, неэкспрессивными)

---

1. Ср. также данные психолингвистических экспериментов, свидетельствующих о тенденции к совпадению подлежащего с наиболее ярким (vivid) элементом (Osgood, Bock 1975), (McWhinney 1977).

обозначениями ситуаций данных типов. Вместе с тем, как следует из проведённого анализа, значимым фактором также является передача восприятия, перцептивный момент: по крайней мере это наглядно выступает в художественных текстах литературной традиции, сложившейся ещё в XIX в., внимательной к внутреннему миру человека.

Из этого также следует, что рассмотренные выше категории – действие, состояние, происшествие и т.п. – не являются характеристиками реальности, не предопределяются ею однозначно, а представляют собой способы концептуализации. Для реальных ситуаций, как правило, возможны альтернативные способы представления, хотя для конкретной ситуации не все концептуализации одинаково вероятны, а некоторые могут быть и вовсе исключены. Таким образом, различия синтаксических структур могут указывать не только на различия некоторых параметров реальных положений дел, но и на различия в концептуализации идентичных ситуаций. Кроме того, ситуация может быть охарактеризована косвенно, через указание на смежную ситуацию – своего рода метонимический приём. Так, действие может подразумеваться при указании на связанное с ним состояние и наоборот.

Однако помимо характера ситуации и способа её представления, в формирование синтаксической структуры вмешиваются прагматические факторы, прежде всего коммуникативная структура высказывания, которые могут привести к переструктурированию того, что определяется типом денотативной ситуации.

Литература

- 1- Арутюнова Н.Д. (1998). *Язык и мир человека*. – Москва: Изд-во «Языки русской культуры».
- 2- Бергельсон М.Б. (2007). *Прагматическая и социокультурная мотивированность языков формы*. – Москва: Изд-во «Университетская книга».

- 3- Волохина Г.А., Попова З.Д. (2003). *Синтаксические концепты русского простого предложения*. – Воронеж: Изд-во «Истоки».
- 4- Григорьян Е.Л. (2014). *Семантическая категория пациентивности (affectedness) и её синтаксические реализации*// *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта*. Вып. 2. – С. 28–35.
- 5- Григорьян Е.Л. (2015). *Об этнокультурной интерпретации синтаксических моделей* // *Язык и метод: Русский язык в лингвистических исследованиях XXI века*. Т. 2: *Лингвистический анализ на грани методологического срыва*. – Краков: Изд-во «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». – С. 265–272.
- 6- Григорьян Е.Л. (2016). *Уникальное или универсальное? (применительно к русским безличным предложениям)* // *XLIV Международная филологическая научная конференция 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов*. – Санкт-Петербург. – С. 197–198. – http://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/2465/2465.pdf?1457974380.
- 7- Попова З.Д. (2007). *Эволюционная природа синтаксической концептуализации* // *Филология и культура. Материалы VI международной научной конференции 17–19 октября 2007*. – Тамбов: Изд-во «ТГУ им. Г.Р. Державина». – С. 389–393.
- 8- Розина Р.И. (2000). *От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона)* // *Русский язык сегодня*. 1. – Москва: Изд-во «Азбуковник». – С. 418–432.
- 9- Bally Ch. (1920). *Impressionisme et grammaire*. – Sonor.
- 10- Janda L.A. (2008). *Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective* // *Динамические модели: Слово. Предложение. Текст*. Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. – Москва: Изд-во «Языки славянских культур». – С. 970–988.
- 11- MacWhinney B. (1977). *Starting Points* // *Language*. Vol. 53. № 1. – P. 152–168.
- 12- Osgood C.E., Bock J.K. (1975). *Salience and Sentencing: some production principles* // *Sentence Production: Developments in Research and Theory*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 89–14.

Bibliography

- 1- Arutjunova N.D. (1998). *Jazyk i mir cheloveka*. – Moskva: Izd-vo «Jazyki russkoj kul'tury».
- 2- Bergel'son M.B. (2007). *Pragmaticheskaja i sociokul'turnaja motivirovannost' jazykov formy*. – Moskva: Izd-vo «Universitetskaja kniga».
- 3- Volohina G.A., Popova Z.D. (2003). *Sintaksicheskie koncepty russkogo prostogo predlozhenija*. – Voronezh: Izd-vo «Istoki».

- 4- Grigor'jan E.L. (2014). *Semanticheskaja kategorija pacientivnosti (affectedness) i ejo sintaksicheskie realizacii*// *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta*. Vyp. 2. – S. 28–35.
- 5- Grigor'jan E.L. (2015). *Ob jetnokul'turnoj interpretacii sintaksicheskikh modelej // Jazyk i metod: Russkij jazyk v lingvisticheskikh issledovanijah XXI veka. T. 2: Lingvisticheskij analiz na grani metodologicheskogo sryva*. – Krakov: Izd-vo «Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego». – S. 265–272.
- 6- Grigor'jan E.L. (2016). *Unikal'noe ili universal'noe? (primenitel'no k russkim bezlichnym predlozhenijam) // HLIV Mezhdunarodnaja filologicheskaja nauchnaja konferencija 14–21 marta 2016 goda. Tezisy dokladov*. – Sankt-Peterburg. – S. 197–198. http://conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/2465/2465.pdf?1457974380.
- 7- Popova Z.D. (2007). *Jevoljucionnaja priroda sintaksicheskaj konceptualizacii // Filologija i kul'tura. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 17–19 oktjabrja 2007*. – Tambov: Izd-vo «TGU im. G.R. Derzhavina». – S. 389-393.
- 8- Rozina R.I. (2000). *Ot proisshestvij k dejstvijam (Semanticheskaja derivacija kak sposob popolnenija obshhego zhargona) // Russkij jazyk segodnja. 1*. – Moskva: Izd-vo «Azbukovnik». – S. 418–432.
- 9- Bally Ch. (1920). *Impressionisme et grammaire*. – Sonor.
- 10- Janda L.A. (2008). *Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective // Dinamicheskie modeli: Slovo. Predlozhenie. Tekst. Sb. st. v chest' E.V. Paducevoj*. – Moskva: Izd-vo «Jazyki slavjanskih kul'tur». – S. 970–988.
- 11- MacWhinney B. (1977). *Starting Points // Language*. Vol. 53. № 1. – P. 152–168.
- 12- Osgood C.E., Bock J.K. (1975). *Saliency and Sentencing: some production principles // Sentence Production: Developments in Research and Theory*. – Hillsdale, NJ: Erlbaum. – P. 89–14.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Григорьян, Е. (2019). Choosing the Syntactic Construction: Type of Situation and Other Factors. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 117-135.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.117

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/83>

Poetic and Pictorial: The Correlation of Categories in the Work of N.V. Gogol

Kravchenko Oksana Anatolievna¹

Associate Professor, Donetsk National University,
Donetsk, Ukraine.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: July, 2019)

Abstract

The article examines the problematics of representativeness as a characteristic feature of Gogol's creativity. It is noted that the picturesque style of Gogol's style is associated with various manifestations of the sublime category such as pathos, the desire to portray some colossal and stunning objects. At the same time, Gogol's verbal painting cannot be regarded as an ecphrasis. Categories of pictorial and poetic in the aesthetics of Gogol expand their own meanings, absorbing and simultaneously overcoming both hypotyposis and coloristics as characteristics of style. The picturesque of Gogol does not compete with the poetic, but radically changes its direction, appealing not to external but to inner feelings. Gogol's description of the picture of Bryullov and the interpretation of Ivanov's painting are related, because the depicted historical events acquire a universal sacred meaning in Gogol's description. The sublime modus of Gogol's creativity sets the direction for the embodiment in the word the ideas, which are unseen and invisible. In this way, both poetical and pictorial show insufficiency of their aesthetic means.

Keywords: Picturesqueness, Ecphrasis, Sublime, Pathos, Inner Vision.

---

1. E-mail: kassiopea_oksana@ukr.net

Поэтическое и живописное: соотношение категорий в творчестве Н.В. Гоголя

Кравченко Оксана Анатольевна¹

Доцент, Донецкий национальный университет,
Донецк, Украина.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: июль 2019 г.)

Аннотация

В статье исследуется проблематика изобразительности как характерной особенности гоголевского творчества. Отмечается, что живописность гоголевского стиля сопряжена с разнообразными проявлениями категории возвышенного: пафосом, стремлением к колоссальному и потрясающему. В то же время, гоголевская живопись словом не укладывается в традиции экфрасиса. Категории живописного и поэтического в эстетике Гоголя расширяют собственные смыслы, вбирая в себя и одновременно преодолевая и гипотипозис, и колористику как приметы стиля. Живописное у Гоголя не соперничает с поэтическим, но коренным образом изменяет свою направленность, апеллируя не к внешним, а к внутренним чувствам. Описание Гоголем картины Брюллова и толкование полотна Иванова предстают родственными в силу того, что изображенные исторические события обретают в гоголевском описании универсальное сакральное значение. Возвышенный модус гоголевского творчества задает направление на воплощение в слове неизобразимого и невидимого. Тем самым и словесное, и живописное оказываются на пределе собственных эстетических возможностей.

Ключевые слова: Живописность, Экфрасис, Возвышенное, Пафос, Внутреннее Зрение.

---

1. E-mail: kassiopea_oksana@ukr.net

Введение

Н.В. Гоголя по праву можно назвать одним из самых восторженных авторов в русской литературе. «Он необычайно дорожил внешним блеском, обилием и разнообразием красок в предметах, пышными, роскошными очертаниями, эффектом в картинах и природе. <...> Полный звук, ослепительный поэтический образ, мощное громкое слово, всё, исполненное силы и блеска, потрясало его до глубины сердца» (Анненков 1952. 258). Эти, отмеченные П. Анненковым составляющие гоголевского творчества, проявляющиеся также в суждениях писателя о живописи, архитектуре, опере, балете позволяют говорить об особой приверженности ко всему колоссальному, потрясающему, возвышенному. При этом гоголевское слово стремится преодолеть границы поэтического искусства, вобрать в себя колорит и пластичность различных искусств, в первую очередь – живописи.

Одним из аспектов изучения гоголевского творчества является специфика гоголевских экфрасисов: совмещения поэтических и живописных образов на основе заложенного в них сублимирующего воздействия на реципиента. В то же время, живописность гоголевского письма не может быть признана некой писательской «самоцелью»: Гоголь стремится превысить не только возможности живописи, но и слова как такового, сказать о таких возвышенных «предметах», которые не имеют вещественного выражения. В связи с этим представляется важным проследить не только экфрастические тенденции гоголевского творчества, но и стратегии их преодоления.

Основная часть

Эмоциональная напряженность и страстная восторженность позволяют гоголеведам проводить определенные параллели с теорией живописи. Так, Сюзанна Фуссо в статье «Ландшафт “Арабесок”» соотносит гоголевский принцип следования природе с положениями трактата английского теоретика

живописи конца XVIII – начала XIX века Юдвела Прайса «Essays on the Picturesque, as Compared with the Sublime and the Beautiful...» (1810 г.). Исследовательница усматривает опосредованную связь эстетических принципов Гоголя и Прайса, соединительным звеном в которой предстает трактат Э. Бёрка «Философское исследование наших идей возвышенного и прекрасного». С. Франк подчеркивает такой компонент гоголевского возвышенного, как внезапное удивление: «Гоголевское сознание категории величественного отражается в том, что у него огромность и высота ассоциируются с удивлением» (Фуссо 1995. 75). Писательское предпочтение высоты перед шириной исследовательница иллюстрирует суждением Бёрка о том, что «сто ярдов ровной земли никогда не произведет такое впечатление, как башня высотой в сто ярдов, или скала, гора такой же высоты». Гоголевское возвышенное С. Фуссо соотносит с предложенной Ю. Прайсом категорией живописного, универсальный характер которой проявляется не только в ландшафте и живописи, но также в музыке и поэзии. Живописное как особый «склад ума, свойственный художникам» (Фуссо 1995. 77), находит отражение в гоголевском «идеальном» ландшафте, о котором можно судить по воспоминаниям П. Анненкова. Критикуя современные пейзажи за их ясность и «разобранность», Гоголь стремится вызвать удивление у зрителя, порожаемое неожиданным сочетанием света и тени: «Я бы сцепил дерево с деревом, перепутал ветви, выбросил свет, где никто не ожидает его...» (Анненков 1952. 283).

Словесная «картинность» Гоголя, как может показаться, соотносима с понятием экфрасиса – «воспроизведения одного искусства средствами другого» (Геллер 2002. 18). Однако, следует говорить скорее об универсальной гоголевской живописности как «складе ума». И в данном случае более адекватным представляется нам явление гипотипозиса: самодостаточно-словесной, а не воспроизводящей другое произведение «живописности».

Виртуозной манифестацией гоголевского гипотипозиса предстает картина из «Сорочинской ярмарки»: летний вечер, парубок в белой свитке у воза, гомон толпы, заходящее солнце: «Усталое солнце уходило от мира, спокойно проплыл свой полдень и утро; и угасающий день пленительно и ярко румянился. Ослепительно блистали верхи белых шатров и яток, осененные каким-то едва приметным огненно-розовым светом. Стекла наваленных кучами оконниц горели; зеленые фляжки и чарки на столах у шинкарок превратились в огненные; горы дынь, арбузов и тыкв казались вылитыми из золота и темной меди (Гоголь 194. Т. 1, 120). Гоголь в данном фрагменте «вербализует» живописные приемы, с помощью световых эффектов создает неповторимую словесную картину.

Начало изучения «изобразительности» Гоголя было положено Андреем Белым. Оригинальность его исследования состоит в отказе от догматизма литературоведческой «спецификации» и от одномерно-словесного подхода к гоголевским «спектрам». Гоголь для Белого беспределен в силу особого синестетического сплава его творчества: «Творения Гоголя имеют одну особенность: анализ сюжета, тенденции, стиля их являет имманентность друг другу: сюжета, тенденции, стиля; тенденция – красочна; краска – осмысленна; слоговые особенности обусловлены стилем мысли...» (Белый 1996. 16). В работах Белого мы наблюдаем смысловое расширение гоголевской живописности. Именно здесь выявлено не столько экфразистическое стремление соперничать с живописью, не столько экспрессивная имитация визуальных феноменов, сколько завораживающее создание поэтически-живописного микрокосма, взаимообусловленное обогащение колористики, сюжета, тенденции – стиля как такового.

На этом фоне квазиэкфразистические тенденции Гоголя обретают философскую содержательность, сопрягаясь с эстетической сущностью патетического и возвышенного.

Показательной в этом отношении предстает статья Сузи Франк «Заражение страстями или текстовая “наглядность”: pathos и ekfrasis у Гоголя». Данное исследование посвящено анализу гоголевского описания картины Брюллова «Последний день Помпеи», которая уже сама по себе, как отмечает С. Франк, вписана в европейскую эстетическую традицию возвышенного. Бурную общественную реакцию, вызванную картиной Брюллова, исследовательница объясняет следующим образом: «Оригинальность картины Брюллова состоит <...> в том, что вместо того, чтобы изображать сам Везувий... [Брюллов – О.К.] изображает воздействие зрелища на жителей Помпеи... Тем самым Брюллов превращает тематику, исконно связанную с эстетикой возвышенного, в возвышенную картину...» (Франк 2002. 31–32). Гоголь же, в свою очередь, описывая картину Брюллова, как бы наследует художественный принцип изображения не «объекта», а силы его потрясающего воздействия. Брюллову, пишет Гоголь, удалось «захватить нас самих в мир катастрофы», Гоголю же удалось заразить собственных читателей аффектом прекрасно-ужасного стиля художника. Гоголь как бы вступает в соревнование с картиной Брюллова, стремясь описанием произвести эффект, превосходящий силу оригинала. Так гоголевский экфрасис предзадан силою пафоса, передающегося от писателя к читателям: «Текст сам по себе имитирует воздействие картины и, тем самым переносит это воздействие на читателя, которого он заражает аффектом» (Франк 2002. 38).

С. Франк акцентирует внимание на неромантическом понимании Гоголем соотношения прекрасного и возвышенного. Исследовательница усматривает основания для указанных категорий в самой системе гоголевских воззрений на искусство. Закономерности этой системы, представленной в открывающем «Арабески» эссе «Скульптура, живопись и музыка», ориентированы в то же время на романтическую философию искусства А. В. Шлегеля и Ф. Шеллинга. Гоголь распределяет искусства от прекрасного (в его чувственно-конкретной

осязаемости) к возвышенному (в его отвлеченности), предполагая в этом движении и возрастание силы воздействия на воспринимающего. Исходя из интенсивности воздействия, живопись занимает срединное положение между прекрасным и возвышенным, «которого она из-за своей конкретной визуальности не может достичь» (Франк 2002. 33). «Последний день Помпеи» являет собой парадоксальное торжество напряженно противостоящих полюсов прекрасного и возвышенного в силу максимальной конкретизации отвлеченного понятия «катастрофа». Картина Брюллова – подчеркивает С. Франк – изображая «неизобразенное/невидимое», преодолевает саму живопись: художник «в определенном смысле возводит живопись на вершину свойственных ей возможностей воздействия, обращаясь против нее и ориентируясь на ретиорику» (Франк 2002. 34, 32). Ретиорикой возвышенно-невывразимого задан, по мнению исследовательницы, и экфрастический опыт Гоголя.

Аргументация Сузи Франк, сопрягающая пафос и экфрасис, представляется нам не вполне убедительной как раз в силу акцентирования экфрастической составляющей в ее воспроизводящей, «вторичной» по отношению к живописному оригиналу природе. В эссе о картине Брюллова можно усматривать один из парадоксов гоголевского творчества, поскольку у писателя словесно-живописная пластичность, колористическая рельефность образов сопрягается с тенденцией художественного освоения невидимого, бесформенного, того, что не подлежит созерцанию. Не смотря на гоголевскую страсть ко всему наглядно-потрясающему («Мы так непостижимо устроены, наши нервы так странно связаны, что только внезапное, оглушающее с первого взгляда, производит на нас потрясение» (Гоголь 1952. Т. 8, 63), писателя привлекает прежде всего незримое, мистически-таинственно, духовно-могущественное и непостижимое в своем величии. Именно это направляет гоголевский псевдоэкфрасис в описании картины за грани

живописи. Показательные свидетельства такой направленности – сравнение картины с оперой и характеристика ее как «светлого воскресения живописи». «Оперность» картины означает отражение в ней процесса духовного роста от пластики – через живопись – к «тайной музыке», которая в мощном порыве отрывает человека от земли: «Она вся – порыв; она вдруг за одним разом отрывает человека от земли его... и обращает его в один трепет» (Гоголь 1952. Т. 8, 11). Называя картину Брюллова «светлым воскресением живописи», Гоголь, по сути, говорит уже не об искусстве, а о высоком пафосе-страсти духовного восхождения.

Для Гоголя ценна «мысль» картины как «сильного кризиса, чувствуемого целою массою». В ней проявлен тот «музыкальный» по своей природе мятежный восторг, который стремится в едином движении сердечные помышления «тысячи поверженных на колени молельщиков». В этой музыкальной силе – исток гоголевского пафоса как энергичного духовного движения, вовлекающего в себя жизни и судьбы многих. Гоголь говорит о Брюллове как о демиурге, который «схватил молнию и бросил ее целым потоком на свою картину», который «фигуры... кинул сильно такою рукою, какую мечет только могущественный гений...» (Гоголь 1952. Т. 8, 110). Сама энергия этого порыва связывается у Гоголя с величием всеобщности. Так в «Портрете» (редакция «Арабесок») художника осенял «внезапный призрак великой мысли, воображение видело в темной перспективе что-то такое, что, схвативши и бросивши на полотно, можно было сделать необыкновенным и вместе доступным для всякой души...» (Гоголь 1952. Т. 8, 423). Это повторение жеста дает представление о масштабах воздействия искусства, о его стремлении приблизиться к тому главному, что оказывается за гранью чувственной (эстетической в собственном смысле слова) сферы.

Понимание искусства как феномена, преображающего мир, объясняет пристальное внимание Гоголя и к знаменитой картине Александра Иванова

«Явлении Мессии». Поэтому «дерзкий» жест Брюллова конгениален ивановскому «колоссальному делу, которого не затевал доселе никто» – «представить в лицах весь ход человеческого обращения ко Христу» (Гоголь 1952. Т.8, 329, 331). «Всеобщность» замысла не только роднит обоих художников, но вообще является характеристикой гения: «...все это у него так мощно, так смело, так гармонически сведено в одно, как только могло это возникнуть в голове гения всеобщего» (Гоголь 1952. Т. 8, 110). Важно отметить, что идея всеобъемлющего гения универсальна для гоголевской оценки искусства. Аналогичное суждение он высказывает и о Пушкине: «Что ж было предметом его поэзии? Все стало ее предметом...» (Гоголь 1952. Т. 8, 380). При этом там, где речь идет о выражении «сильных» кризисов и общечеловеческих стремлений, искусство испытывает собственный предел как область чувственного представления. Развивая мысль о пушкинском «предмете», Гоголь оказывается на грани лишаящего дара речи восторга: «Немеет мысль перед бесчисленностью его предметов». Гоголевский пафос, таким образом, как бы выталкивает художественное переживание не просто за пределы живописного и словесного, но за пределы эстетического как такового.

Аналог такого явления, когда художник не в силах изобразить то, чему нет образца (ситуация Иванова) находим в античном искусстве. Это может быть олицетворение страха смерти или величайшего страдания. Так Викельман описывает окаменение Ниобеи и ее дочерей, изображенных «в том состоянии неопишуемого ужаса, той ошеломленности и оцепенения чувств, когда неминуемая смерть отнимает у души всякую способность мыслить. Этот мертвящий ужас образно передается в мифе превращения Ниобеи в скалу. Эсхил изображает поэтому в своей трагедии Ниобею безмолвной» (Винкельман 1996. 366). Еще более интересен лессинговский пример с закрытым лицом отца Ифигении, чьи страдания превышали живописные

возможности их передачи. Лессинг пишет: «Известна его [Тиманта – О.К.] картина, представляющая принесение в жертву Ифигении, где он придал всем окружающим ту или другую степень печали и закрыл лицо отца, боль которого была особенно велика... Тем самым он признал... что отчаяние отца в подобном положении невозможно выразить» (Лессинг 1953. 394–395).

Данные примеры, хотя и принадлежат античному искусству, в сущности, представляют не античный, а еврейский художественный принцип. Отличие античного и библейского типов выразительности постулируется С.С. Аверинцевым как противостояние греческого пластически-наглядного описания (экфрасиса) библейской принципиальной не-наглядности и чувственной невыразимости. Ориентируясь на обоснованную Аверинцевым дихотомию, мы полагаем, что основная гоголевская интенция состоит как раз в преодолении наглядной образности слова во имя «духовного» зрения. В ситуации Гоголя мы сталкиваемся с некой апорией изобразительности, когда предметом описания становится принципиально внеобразная сущность. Для прояснения этой мысли еще раз обратимся к Сузи Франк. Исследовательница пишет: «Гоголь ожидает, что художественный текст сильнее картины подействует на внутреннее зрение, т.е. на воображение, с помощью которого увиденное еще и оживляется» (Франк 2002. 38). Проблема же состоит в том, что внутренне зрение – это не просто способность представить то, что в данный момент отсутствует перед глазами, хотя и может быть воссоздано воображением; речь идет о том непредставимом, что живо в сознании вне опыта представления.

Попытку «примирения» экфрасиса с внеположной ему системой библейской образности наблюдаем в суждении А. Гольденберга: «Экфрасис у Гоголя выражает одну из ключевых эстетических идей писателя: о силе воздействия искусства, о его главной задаче – способствовать преобразению человеческой души. Гоголевский текст не столько хочет стать живописью,

он стремится превзойти, преодолеть силу ее визуального воздействия. Он обращен не к внешнему, а к внутреннему человеку» (Гольденберг 2007. 34).

Анализируя проявления возвышенного в сборнике «Арабески», американский исследователь Свен Шпикер отмечает, что в «Арабесках» была «сформулирована концепция “невидимого”, “внутреннего” произведения искусства, которое доступно лишь внутреннему, духовному глазу» (Шпикер 1994. 12). Мы полагаем, что в позднем творчестве эта концепция еще более усиливается, постулируя невозможность наглядной передачи духовного потрясения, что и находит отражение в описании картины Александра Иванова: «Иванов напрягал воображение, елико мог, старался на лицах всех людей, с какими ни встречался, ловить высокие движенья душевные, оставался в церквях следить за молитвой человека – и видел, что все бессильно и недостаточно и не утверждает в его душе полной идеи о том, что нужно» (Гоголь 1952. Т. 8, 331).

Библейская сакральность внеобразна, и потому картина Иванова по настоящему никогда не может быть завершена. Ее пафос – в непредставимости духовного потрясения, и всякое его изображение неизбежно будет оказываться парентирсом в смысле карикатурной несоизмеримости образа и идеи. Подвиг Иванова как раз и состоит в его «медленности» и неспособности завершить картину, при том, что «вся материальная часть... исполнена в совершенстве». Достоинство художника – в его честности по отношению к тому, что невозможно взять «из головы», «создать воображеньем или «постигнуть мыслью», честности по отношению к истине, которая сверхчувственна и сверхрациональна. Иванов словно бы налагает на себя молчание, подобно «великим воспитателям людей»: «Они слышали, как можно опозорить то, что стремишься возвысить, и как на всяком шагу язык наш есть наш предатель» (Гоголь 1952. Т. 8, 232). Здесь пафос живописный и

пафос словесный восходят к осознанию собственного предела, к «насыщенности» молчания как излучения «божественной энергии».

Приоритет внутреннего над внешним вызывают атрофию чувственности Ведущим для Гоголя становится мотив онемения, слепоты, глухоты, т.е. потери внешнего контакта с миром. Но именно через эту утрату открывается возможность приобщения к высшей истине, открывающейся духовному глазу внутреннего человека. Так, в письме Сергею Аксакову от 2 мая 1845 года Гоголь пишет: «Отнимая мудрость земную, дает он мудрость небесную; отнимая зренье чувственное, дает зренье духовное, с которым видим те вещи, перед которыми пыль все вещи земные...» (Гоголь 1952. Т. 12, 482–483).

Апория экфрасиса и живописности в целом состоит в том, что «мудрость небесная» парадоксальным образом находит воплощение в слове. Так, описание картины Брюллова и толкование полотна Иванова предстают родственными в силу того, что изображенные конкретно-исторические события обретают в гоголевском описании универсальное сакральное значение. Гоголь видит в обоих событиях глобальный кризис, слом общечеловеческого масштаба. Статьи о картинах Брюллова и Иванова, отделенные временными и географическими параметрами написания, предстают как развертывание единого сюжета, в основе которого лежит духовное событие уже не внутреннего человека, но внутреннего человечества: это «последний день» его внешнего существования и «первый день» пробуждения внутреннего бытия как залога бессмертия.

Заключение

Таким образом, категории живописного и поэтического в эстетике Гоголя расширяют собственные смыслы, вбирая в себя и одновременно преодолевая экфрасис и гипотипозис, колористику и изобразительность как приметы стиля. Живописное у Гоголя не соперничает с поэтическим, но коренным образом

изменяет свою направленность, апеллируя не к внешним, а к внутренним чувствам. Поэтически-живописное наследие Гоголя – описания картин Брюллова и Иванова – предстает как осмысление сакральной истории человечества: от катастрофы до спасения, как попытка воплотить в слове незримые вещи, а незримые идеи. Возвышенный модус гоголевского творчества задает направление на воплощение в слове неизобразимого и невидимого. Тем самым и словесное, и живописное оказываются на пределе собственных эстетических возможностей.

Литература

- 1- Анненков П.В. (1952). *Гоголь в Риме летом 1841 года // Н.В. Гоголь в воспоминаниях современников*, Москва, «Гослитиздат», С. 230–316.
- 2- Белый А. (1996). *Мастерство Гоголя. Исследование*, Москва, Изд-во МАЛП.
- 3- Винкельман И.И. (1996). *Избранные произведения и письма*, Москва, Изд-во «Ладомир».
- 4- Геллер Л. (2002). *Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: сборник трудов Лозаннского симпозиума*, Москва, Изд-во «МИК», С. 5-22.
- 5- Гоголь Н.В. *Полн. собр. соч.: в 14 т. (1934-1952)*, Москва-Ленинград, Изд-во АН СССР.
- 6- Гольденберг А. (2007). *Слово и живопись в поэтике Гоголя как проблема сюжета и стиля // Нові гоголезнавчі студії. – Ніжин: Видавництво «Аспект-Поліграф*, Вип. 5 (16), С. 32–51.
- 7- Лессинг Г.Э. (1953). *Лаокоон, или о границах живописи и поэзии // Лессинг Г.Э. Избранные произведения*, Москва, Изд-во «Художественная литература», С. 385–516.
- 8- Шпикер С. (1994). *Переворот мистического зрения: к вопросу о соотношении внутреннего восприятия и познания у Гоголя // Гоголевский сборник. – СПб., Изд-во «Образование»*, С.20-38.
- 9- Фуссо С. (1995). *Ландшафт «Арабесок» // Гоголь: Материалы и исследования*, Москва, Изд-во «Наследие», С. 69–81.
- 10- Франк С. (2002). *Заражение страстями или текстовая “наглядность”: pathos и ekphrasis у Гоголя // Экфрасис в русской литературе: труды Лозаннского симпозиума*, Москва, Изд-во «МИК», С. 32 – 41.

Bibliography

- 1- Annenkov P.V. (1952). *Gogol' v Rime letom 1841 goda // N.V. Gogol' v vospominaniyah sovremennikov*, Moskva, «Goslitizdat», S. 230–316.
- 2- Belyj A. (1996). *Masterstvo Gogolja. Issledovanie*, Moskva, Izd-vo MALP.
- 3- Vinkel'man I.I. (1996). *Izbrannye proizvedenija i pis'ma*, Moskva, Izd-vo «Ladomir».
- 4- Geller L. (2002). *Voskreshenie ponjatija, ili Slovo ob jekfrasisе // Jekfrasis v russkoj literature: sbornik trudov Lozannskogo simpoziuma*, Moskva, Izd-vo «MIK», C. 5-22.
- 5- Gogol' N.V. *Poln. sobr. soch.: v 14 t. (1934-1952)*, Moskva-Leningrad, Izd-vo AN SSSR.
- 6- Gol'denberg A. (2007). *Slovo i zhivopis' v pojetike Gogolja kak problema sjuzheta i stilja // Novi gogoleznavchi studii.* – Nizhin: Vidavnicтво «Aspekt-Poligraf, Vip. 5 (16), S. 32–51.
- 7- Lessing G.Je. (1953). *Laokoon, ili o granicah zhivopisi i pojezii // Lessing G.Je. Izbrannye proizvedenija*, Moskva, Izd-vo «Hudozhestvennaja literatura», S. 385–516.
- 8- Shpiker S. (1994). *Perevorot misticheskogo zrenija: k voprosu o sootnoshenii vnutrennego vosprijatija i poznaniija u Gogolja // Gogolevskij sbornik.* – SPb., Izd-vo «Obrazovanie», S.20-38.
- 9- Fusso S. (1995). *Landshaft «Arabesok» // Gogol': Materialy i issledovanija*, Moskva, Izd-vo «Nasledie», S. 69–81.
- 10- Frank S. (2002). *Zarazhenie strastjami ili tekstovaja “nagljadnost”’: pathos i ekfrasis u Gogolja // Jekfrasis v russkoj literature: trudy Lozannskogo simpoziuma*, Moskva, Izd-vo «MIK», S. 32 – 41.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Кравченко, О. (2019). Poetic and Pictorial: The Correlation of Categories in the Work of N.V. Gogol. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 137-150.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.137

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/84>

Russian Academic Science of the 19th-century about Bulgarian Historiography of the Revival Period

Krasteva Mila Dimitrova¹

Associated Professor, University of Plovdiv,
Plovdiv, Bulgaria.

(date of receiving: March, 2019; date of acceptance: June, 2019)

Abstract

In 1762 the Bulgarian monk Paisiy Hilendarski (Paisius of Hilendar) completed his manuscript book *Slavic-Bulgarian History*. The book, which he began to write in Zograph Monastery, was completed him in the Hilendar Monastery on the holy Mount of Athos. During the Bulgarian Revival Period, between 1765 and 1882, the *Slavonic-Bulgarian History* was hand-copied over 70 times. From the 1940s onwards Russian scholars became interested in the manuscript copies of Paisiy's book. The interest of foreign scholars persisted until the restoration of the Bulgarian state in 1878. The article reconstructs the so-called Russian Trace in the Bulgarian Historiography of the 18th and 19th centuries. We follow the relations between Vasil Aprilov (Bulgarian emigrant in Odessa) and some Russian professors (Yuri Venelin, Victor Grigorovich, Nikolay Murszakevich, Ossip Berdjanski etc.) who studied the handwritten transcripts of *Slavic-Bulgarian History*, because they had the ambition to publish them in Russia in the 1940s and 1950s.

Keywords: Paisii Hilendarski, Slavic-Bulgarian History, Manuscript, Copy, Rehash, Russia.

---

1. E-mail: milakrasteva5@gmail.com

The publication follows the programme of Project № FP-17 FIF-004 / 16.05.2017.

Русская академическая наука XIX века о болгарской возрожденческой историографии

Крыстева Мила Димитрова¹

Доцент, Пловдивский университет
им. Паисия Хилендарского
Пловдив, Болгария.

(дата получения: март 2019 г.; дата принятия: июнь 2019 г.)

Аннотация

В 1762 г. иеромонах Паисий Хилендарский закончил свою рукописную книгу «Славяно-болгарская история». Книга, которую он начал писать в Зографском монастыре, была закончена им в Хилендарском монастыре на Святой горе Афонской. В эпоху Болгарского возрождения, между 1765 и 1882 гг., «Славяно-болгарская история» претерпела в Болгарии более 70 рукописных переписей и переделок. Россия начала проявлять интерес к рукописным переписям и переделкам Паисиевой книги еще в 40-х годах XIX в. и сохранила его и после Освобождения Болгарии от Османского ига. Статья реконструирует так называемый «русский след» в болгарской историографии XVIII и XIX вв. Рассматриваются связи между Василом Априловым (болгарским эмигрантом в Одессе) и некоторыми русскими учеными (Юрием Венелиным, Виктором Григоровичем, Николаем Мурзакевичем и др.), которые исследовали рукописные переписи «Славяно-болгарской истории», попавшие в Россию, и делали рабочие копии, так как хотели опубликовать в России в 40-е и 50-е гг. XIX в.

Ключевые слова: Паисий Хилендарский, Славяно-Болгарская История“, Рукопись, Рукописные Переписи, Переделки, Россия.

---

1. E-mail: milakrasteva5@gmail.com

Статья следует программе Проекта № ФП-17 ФлФ-004 / 16.05.2017.

Введение

«Русский след» в болгарской историографии раннего Возрождения, который связан с делом Паисия и его духовных «учеников», имел сложный путь. Свое начало он берет в Одессе, а далее через Москву следует в Санкт-Петербург. Интерес русской академической мысли XIX в. к рукописным переписям и переделкам Паисиевой книги был преимущественно археографический и литературно-исторический. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма, рукописные документы, хранящиеся в книгохранилищах русских библиотек, научные публикации, вышедшие в специализированных академических изданиях в России XIX в. Среди интересующихся в то время болгарской историографией Возрождения были русские ученые Виктор И. Григорович, Юрий Ив. Венелин, Осип М. Бодянский, Михаил Ив. Чертков, Владимир Ив. Ламанский, Петр А. Лавров и др. Усилиями этих и других выдающихся ученых русская академическая мысль первой в мире открыла роль Паисия, значение его «Славяно-болгарской истории» и рукописные переписи и переделки, выполненные в Болгарии в XVIII и XIX вв. Именно Россия опередила на два десятилетия болгарскую научную мысль, которая дала свою первую положительную оценку делу монаха из Хилендара только в 1871 г. в статье Марина Дринова «Отец Паисий, его история, его время и его ученики» (Дринов 1871, 4. 3–24). Таким образом, рассмотренный нами научный интерес, который связан непосредственно с Паисием и его духовными учениками, будем условно называть *„русский след“ в болгарской историографии Возрождения*.

Факты, следующие за «русским следом», которые напрямую касаются дела Паисия, распространение и рецепция его исторической книги в эпоху Возрождения свидетельствуют о том, что: 1. Самое раннее научное сообщение о Паисие было опубликовано в Казани в 1852 году профессором В. Григоровичем (Григорович 1852. 52). 2. Первая научная публикация, посвященная переделке Паисиевой истории, была сделана в Санкт-Петербурге

в 1869 г. профессором В. Ламанским (Ламанский 1869, 107–123). 3. Первоначально Паисиева история была обнародована русским полковником В.А. Лонгиновым в 1885 г. (Лонгинов 1885). В интересе России к делу Паисия и его последователей прослеживается поэтапность и научная экспансия. Первоначально этот интерес поддерживался эмигрантами в Одессе (особенно значимой в данной области была роль Василя Априлова, Николая Палаузова и др.). На этом этапе, который охватывал 30-е – 40-е гг. XIX в., внимание русских ученых было приковано главным образом к обмену письмами с болгарскими эмигрантами в России. Позднее, с 50-х гг. до конца того же столетия, русские профессора начинают вносить имя Паисия Хилендарского в свои научные публикации и в русские учебники истории литературы. Они начинают цитировать и фрагменты рукописных переписей Паисиевой истории, составленные в Болгарии в период с 70-х гг. XVIII в. по 30-е гг. XIX в. Рукописи, цитируемые в России в то время, считались подлинником, причем там были сделаны и новые рабочие копии для научных целей русских исследователей. Таким образом, не только в Болгарии, но и в России с 30-х гг. девятнадцатого столетия начинают создавать рукописные переписи «Славяно-болгарской истории» (переписи – полные или частичные). По причине нарастающего интереса к Паисию и его книге во второй половине XIX в. в России публикуют научные труды разного объема и жанровой специфики, затрагивающие и паисиеведение. Представительными среди русских публикаций являются: 1. „Статьи, касающиеся древнего славянского языка“ – текст В. Григоровича (Григорович 1852. 52), в котором кроме имени Паисия цитируются и два отрывка «Славяно-болгарской истории». 2. «Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию» – публикация П. Бессонова (Бессонов 1857. 40), в которой анализируются неудачные попытки Юрия Венелина найти в Болгарии старые рукописи, вероятно речь идет о переписях Паисиевой истории 3. «Александр Дмитриевич Чертков» – некролог, подготовленный профессором Н. Мурзакевичем и отпечатанный в «Записках

Одесского общества истории и древностей», в котором освещаются интересы покойного к делу Паисия, при этом сообщается и о его намерениях издать одну из переписей «Славяно-болгарской истории» (Мурзакевич 1860. 421–422). 4. «Отрывки из одной летописи болгарской» – статья русского профессора Ал. Гильфердинга (Гильфердинг 1869. 36–44), в которой ученый сообщает о найденной во время его поездок в Македонию «Истории во кратце о болгарском народе словенском» иеросхимонаха Спиридона Габровского. 5. «Болгарская словесность XVIII века» – исследование, в котором проф. В. Ламанский (Ламанский 1869. 107–123) впервые публикует научные сообщения о так называемой Второй Харитоновой переделке «Славяно-болгарской истории», составленной в Чирпане в 1831 г., и цитирует объемные фрагменты рукописи (Кръстева 2013. 204–205). 6. «Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдовлашской» – объемное исследование, часть которого посвящено изучению различий между переписями Паисиевой истории (Голубинский 1871. 416). 7. «Иеромонах Паисий» – очерк, содержащийся в «Истории славянских литератур» (Пипин и Спасович 1879, 105–108) и др.

В виду обширности выбранной темы исследования в дальнейшем основное изложение акцентируется главным образом на том аспекте «русского следа» в историографии Возрождения, который показывает, как русские ученые, при содействии или без помощи Василя Априлова, переписывают, редактируют и обещают издать отвезенные в Россию переписи и переделки Паисиевой истории.

Основное изложение

Первое научное сообщение о Паисии Хилендарском появилось не в болгарском, а в русском исследовании, опубликованном, как уже было сказано, в Казани в 1852 г. В исследовании В. Григоровича, который ссылается

на Паисия, «Славяно-болгарская история» не представлена полностью. Научной задачей исследователя является встраивание дела монаха из Хиландара в ценностную систему всеславянской культуры. Так появляется тот маленький фрагмент, который ставит начало «русского следа» в историографии Возрождения. Он пишет:

«Примечание. В пояснение сказанного под ч. 8 замечу, что в половине XVIII ст. Паисий, проигумен Хиландарский, написавший краткую историю Болгарскую, под конец своего сочинения поместил известие о Святых Болгарских. Сказавъ о св. Климент, Науме, Еразме, Ангеларии и Савватии, он замечает: «Тыя святы много помогали Кириллу и Методию и распротили повсюду где ся говори словянски и собрали речи по грамматика греческа, колико има тамо речи написани спроти оны речи собрали от весь словянски языкъ, и составили перво псалтырь и евангелие в Охрид и Солун, зато греци известно знают и тако написано: обретається в гречески стари отечници рукописни.

История сего Паисия находится въ рукописяхъ. Заключение ея по рукописи Априлова есть слидующее: «Аз Паисий йеромонахъ и проигумен Хиландарский совокупих и написах, от руски речи обратих на болгарски прости речи и словянски, сведаемы ревностию – на похвалу Болгаром, а на пакость Греком и Сербом» (Григоровича 1852. 52).

Как видно, Григорович цитирует только ту часть Паисиевой книги, которая выдвигает дело братьев Кирилла и Мефодия – создателей кириллического алфавита. Встроенное в контексте целостного исследования Григоровича, дело святых братьев и Паисия Хиландарского, популяризатора этого дела, определено, как значимое не только для болгар, но и для всех славянских народов. Григорович подчеркивает решение Паисия пользоваться в основном

русскими источниками при составлении исторического труда. Не надо упускать и тот факт, что рядом с именем Паисия в публикации упомянуто и имя другого болгарского возрожденца – Васи́ла Евста́тиевича Априлова, который родился в Габрово в конце XVIII в., однако еще в детстве стал сиротой. В Россию уехал в начале XIX века, а в 20-е годы того же столетия переехал в Одессу, где и остался до конца своей жизни (Налбантова 2004. 35-84). Именно в Одессе свои литературные занятия болгарский возрожденец крепко связал с русской литературой и культурой, общался с такими русскими учеными, как Юрий Венелин и Николай Мурзакевич, потому что уже тогда понимал, что их исследовательская деятельность важна не только для русской, но и для болгарской культуры. Так, посредством знакомств Априлова с видными русскими учеными конца 30-х – начала 40-х гг. XIX в. и через цитирование Паисиевой книги в России в 50-е гг. того же столетия, было положено начало «русскому следу» в болгарской историографии раннего возрождения.

Начало «русского следа», однако, имеет и предысторию, которую можно реконструировать посредством изучения сохраненной корреспонденции между В. Априловым, Н. Палаузовым и русскими профессорами. Начало «русского следа» возвращает нас в конец 30-х гг. XIX в., когда две из переписей Паисиевой истории, сделанных в Болгарии, были привезены в Одессу. Первой туда попала перепись 1837 г., которая в научной литературе описывается, как Зотоя перепись (Иванов 1914. LVII). Она была составлена в Дряновском монастыре учителем Стефаном Попзотовым и его учеником Цано, а в Одессу передана Василу Априлову. Информация об этом передвижении хранится в письме В. Априлова и Н. Палаузова к Юрию Венелину от 1 декабря 1838 г. (Априлов 1968. 290). Вторая рукопись, которая тоже попала в Одессу и тоже передана в руки Априлову, была найдена в Жеравне в 1838 г. Атанасом Дукиади. В том же году Дукиади отнес рукопись

Априлову, а сообщаемые факты снова были извлечены из цитированного письма Априлова и Палаузова (Априлов 1968. 293). Истинность данного следа подтверждается и Раковским (Раковски 1860. 118). Вторая перепись, которую приобретает Априлов, не датирована; нам не известен тот, кто ее переписал, но в рукописи открыта приписка, дающая основание понять, что осуществлена она была до 18 мая 1772 г., при жизни Отца Паисия. В науке рукопись описывается, как Жеравненская перепись (Тодоров 1981. 19–57).

Если мы попытаемся проследить путь обеих рукописей за пределы Болгарии, то есть после того, как они попали в Россию, мы увидим, что следы переплетаются, а потом теряются, а факты, которым мы можем доверять, не сильно помогают нам распутать запутанный след, в котором имеется много неизвестных, несколько противоречивых свидетельств и широкое русское участие. Сегодня и у болгарской, и у русской науки нет информации, где именно находятся подлинники обеих болгарских возрожденческих рукописей. Если они все еще хранятся, вероятно, то либо в русских библиотечных архивах, либо в частных коллекциях русских ценителей болгарской историографии XVIII и XIX вв. О передвижении Зотовой переписи, например, мы располагаем лишь небольшим объемом данных. Однако есть не мало сохранившихся свидетельств, документирующих путешествия Жеравненской переписи в Россию: ее следы приблизительно до конца 50-х гг. XIX в. значительно выраженные, а потом начинают пропадать. Так, например, в «Нескольких речах об Асене Первом», текст, который Георгий Раковский опубликовал в 1860 году, сообщается, что он лично ознакомился с подлинником Жеравненской переписи, когда был в Одессе. В то время, в 1853 году, рукопись все еще находилась у Н. Мурзакевича. Раковски утверждает, что тот приобрел перепись при помощи Априлова, чтобы изучить ее и опубликовать, но вместо этого он присвоил ее себе (Раковски 1860. 118). Письма Априлова тоже подтверждают, что Жеравненская перепись была у

Мурзакевича, но из них видно еще и то, что болгарский эмигрант в Одессе первоначально задумывал передать подлинник не Н. Мурзакевичу, а Ю. Венелину. Почему именно Юрию Венелину, к которому у Априлова было большое доверие и которому он адресовал свои многочисленные письма? Ответ содержится в одном из сохранившихся писем Венелина к Априлову от 27 сентября 1837 года (Венелин 1898. 178–187). Согласно письму, в 1820 и 1821 гг. Юрий Венелин посещал Болгарию, чтобы найти, приобрести и увезти в Россию старые болгарские книжные памятники и болгарские народные песни. Во время этого путешествия Венелин узнал о существовании рукописи, которую он называл «Цароставник» (Венелин 1898. 178). Однако, несмотря на усилия, русскому ученому не удалось найти рукопись, потому если она вообще существовала, то осталась в Болгарии (сегодня нет другого следа, который вел бы к этой рукописи). Интерес Венелина к болгарской культуре и древности не кратковременный – это системный, углубленный и научно аргументированный интерес, потому Венелин часто просит видных тогдашних болгар собирать исторические сведения о прошлом своего народа, монеты, рукописи, народные песни. Можно утверждать, что немалая часть рукописного наследства Болгарии была сохранена именно благодаря усилиям и Юрия Венелина из тогдашней имперской академической России. «Академия поручила мне – с откровением пишет Венелин в своем письме к Априлову – изучить этот язык и составить его грамматику. ... Вот почему я очень интересовался всякою возможною Болгарщиною» (Венелин 1898. 179). Венелин, который давно изучал болгарскую историю, этнографию, географию и писал научные книги о Болгарии, убежденно верил, что, чтобы спасти старые болгарские рукописи, в том числе и рукописные переписи Паисиевой истории, их необходимо переслать в Россию. «Кажется, Милостивый Государь, – пишет Венелин – не нужно вам доказывать справедливость моей мысли, что *все Болгарские письменные памятники не должны оставаться в*

Болгарии. ... Я знаю из опыта, что Болгаре дорожат своими рукописями и неохотно с ним расстаются. Чувство это, правда, само в себе похвальное, но какое его может быть последствие: постоянное истребление домашних Болгарских исторических источников! Кажется, что пора бы образованным Болгарам почувствовать истину сказанного мною, и всячески стараться доставлять Русским ученым все возможные материялы: ведь же это жертва-благо же не только для Русских ученых, сколько для Болгар. Это тем больше, что у вас нет ни публичных архивов, ни типографии. От вас, милостивый Государь, и от ваших соотечественников зависит осведомляться не существует ли где либо старья Болгарския рукописи, приобретать и спасать в Россию. Таким образом более важныя тот час можно начпечатать» (Венелин 1898. 186). Письмо Венелина к Априлову играет значительную роль в восстановлении «русского следа», по этой причине процитируем концовку письма: «И так кончу мое письмо желанием следующего: 1) чтобы вы переписывались непосредственно и чем чаще, тем лучше; 2) переписывали ко мне все, что только получили из Болгарии о Болгарии, хотя бы вам казалось и не очень важным» (Венелин 1898. 187). Из «русских следов», дошедших до нас, мы знаем, что Априлов успел сообщить Венелину, что располагает рукописными переписями Паисиевой книги; отсюда мы делаем вывод, что через Н. Мурзакевича Априлов хотел доставить Венелину Зотовую перепись и что Априлов лично уведомил в письме Венелина о приобретенной им Жеравненской переписи (Априлов 1968. 290–296). Однако мы знаем еще и то, что скоро после описанных событий Венелин скончался. Мы также располагаем информацией о том, что сегодня в России, в архиве Юрия Венелина, хранится рукопись (Архив Венелина, к. 7, ед. хр. 8). Палеография рукописи, которая сегодня описывается, как Венелиновая перепись (Тодоров 1981. 12-13), доказывает, что ее переписывали два человека. На листе 1а в рукописи содержится надпись: «Ю. И. Венелину от Василия Априлова»; в

конце переписи оставлено и примечание: «Переписан с копии точь-в-точь для доставления в Москву болгарскому историографу. Одеса, 1838, июня 20ого дня. Василий Априлов». К сохранившейся переписи прикреплено и другое рукописное письмо Априлова: «Чтобы успеть послать Вам Царственик с г. Мурзакевичем, то пришлось четверо его переписывать, не успев поправить. Должно полагать что есть много ошибок, которые, однако ж, легко отгадать. За сим доставлена мне с отечество другая рукопись другая летопись, которую я с нетерпением ожидал, но она оказалась та самая, писана на лощенной бумаге славянскими буквами, как выше изложенный ее пролог, которого нет в присланной Вам. Слог сей летописи славяно-болгарской и, надобно полагать что переписавший ее, умея по-русски, перелагал и на русский язык, а многие слова обращал на турецкие для понятия простого народа: например, *лев* на *аслан*, *знамя* на *байрак*, *корабция* на *гемеджия*, *вила* на *маждрак* и проч. При всем замечу, что не имеется в присланной Вам рукописи». Прочитанное нами письмо Априлова было опубликовано П.А. Лавровым в его исследовании «Одна из переделок «Истории славеноболгарской» иеромонаха Паисия, сохранившаяся в сборнике №1731 собрания проф. Григоровича» (письмо цитировано по Лаврову 1895. 250–251, прим. 1). Опять в том же письме Априлов представил и перечень в 26 пунктов, который свидетельствует об отличии между обеими приобретенными им переписями «Славяно-болгарской истории». В 80-е гг. XX в. выдающийся болгарский ученый Илия Тодоров, который в течение десятилетий исследовал переписи Паисиевой истории, настаивает: «Нельзя сомневаться, что сохранившиеся в архиве Юрия Венелина фрагменты (копия первого предисловия и отмеченные 26 текстовых отличий) надо рассматривать, как результат непосредственной связи с Жеравненской переписью» (Тодоров 1981. 23).

Узнав о смерти Ю. Венелина, Априлов продолжал искать единомышленников на осуществление своего проекта – издать «Славяно-

болгарскую историю» на основе ее переписей, отправленных в Россию. В поисках русского ученого, который продолжил бы дело Венелина, Априлов нашел Николая Никифоровича Мурзакевича. Он был археологом, историком, профессором Ришельевского лицея в Одессе, членом Одесского общества истории и древностей. Мурзакевич был близким другом молодых болгар, учившихся в то время в Ришельевском лицее в Одессе (Димитр Мутев, Найден Геров и др.). От них он узнал, что болгары не татаро-турки, а славяне (Тодоров 1981. 24), Мурзакевич опубликовал в 1838 г. в «Журнале министерства народного просвещения» свою статью «Нынешнее состояние просвещения у болгар» (Мурзакевич 1838. 66–73). В России сохранились и другие рукописи, которые доказывают, что Жеравненская переписка стала известной и еще одному русскому ученому – профессору Виктору Ивановичу Григоровичу. Эти рукописи, которые сегодня являются частью архива Григоровича, хранящегося в Москве, опубликованы в Болгарии Боню Ангеловым (Ангелов 1963. 214–217). Из архивных документов видно, что Григорович сделал краткое научное описание Жеравненской переписи, с содержанием которой ознакомился в период с 16 августа (Шишманов 1916. 91) по 20 августа 1844 г., т.е. всего за несколько дней до отъезда в командировку, в которую он был отправлен имперской Россией в научную экспедицию в европейскую (часть) Турции (Ангелов 1963. 214–217). Около 1844 г. Мурзакевич связался и с еще одним русским ученым – Александром Дмитриевичем Чертковым, чтобы привлечь и его внимание к делу, превратившемуся и в его научную цель: публикация Жеравненской переписи в России. В то время Чертков был председателем Одесского общества истории и древностей. Из письма от 21 июля 1844, опубликованного И. Тодоровым (Тодоров 1981. 26), мы узнали, что Мурзакевич сделал в Одессе рабочую копию по Жеравненской переписи. Свое письмо Мурзакевич адресовал А. Черткову. В 1960 г. крупный знаток истории болгарского литературного языка и болгарской историографической

рукописной книжности Генадий Куприянович Венедиктов открыл в архиве Черткова в Москве неизвестную на тот момент перепись «Славяно-болгарской истории» (Венедиктов 1960. 203–214). В своей попытке идентифицировать рукопись Венедиктов сообщил, что это перепись Паисиевой истории, которая была составлена впопыхах и не столь опытным переписчиком. После того, как перепись была завершена, другая рука профессионально обученного редактора внесла карандашом ряд исправлений, которые видны как в белых полях рукописи, так и в ее основном тексте. В содержании рукописи Венедиктов нашел и много слов (в основном имена царей), подчеркнутых карандашом, отличным от карандаша, которым нанесены исправления в полях. Это заставило русского исследователя сделать вывод, что над рукописью работали несколько переписчиков. Гипотеза Венедиктова заключается в том, что, вероятно, это та самая рабочая копия, которую Мурзакевич переписал в Одессе, следуя Жеравненской переписи, позднее переданной Черткову (Венедиктов 1960. 206–209). Илия Тодоров подтвердил основания этой гипотезы и на данный момент известно, что Жеравненская перепись послужила моделью так называемой Московской или Чертковой переписи (Тодоров 1981. 27–29).

«Русский след» в ранней возрожденческой историографии – прочный, но и недостаточно исследованный, поэтому мы заканчиваем пока на этом моменте.

Заключение

Распутывание так называемого «русского следа» в возрожденческой историографии – трудная академическая задача. Трудная, потому что путь к ее решению имеет много поворотов, которые иногда ведут в неизвестное направление. Этот путь имеет и много переплетений с русским участием. Русская тема, связанная с историографией Паисия и его последователей, – одна из самых интересных в современной академической науке о Паисии. По

данной теме работало немало болгарских ученых (М. Дринов, И. Шишманов, Б. Ангелов, Ил. Тодоров и др.), причем самый существенный вклад сделал И. Тодоров. Несмотря на долгие годы, которые ученый посвятил поискам возрожденческих рукописных переписей Паисиевой книги в русских библиотеках, несмотря на многое, что наша наука открыла в основном посредством академического опыта Тодорова, мы можем основательно утверждать, что и сегодня знаем недостаточно о том, что упрятано в России, в ее библиотеках, в частных русских архивах, в личных русских коллекциях. Наша статья опирается на то, что уже известно науке, при этом пытается ввести в научное обращение и новый исследовательский горизонт. Условно можем его назвать: *«Экспансия русской академической науки XIX века в поле Паисиевого рукописного наследия»*. Экспансия, с которой в девятнадцатом столетии Россия врывается в болгарскую возрожденческую рукописную культуру, агрессивные попытки выдающихся тогдашних ученых присвоить в пользу России бесценную болгарскую книжность, имеют не только ущемляющую для болгар сторону. С объективной точки зрения, эти научные поползновения дают и хорошие результаты: культурное нашествие России имеет положительный исход: сохранение в русских библиотеках рабочих копий бесценных письменных памятников, чьи подлинники составлены в Болгарии. Бесспорно, что Жеравненская и Зотовая переписи похищены где-то в России, но бесспорно еще и то, что до их утери, они были переписаны подготовленными русскими учеными, были оценены академически, было освещено и культурное значение Паисиевой книги и ее рукописных переписей и переделок. В то же время, когда тогдашняя академическая Россия делает то, что я уже описала, у нас нет подготовленных болгарских возрожденцев, которые могли бы достичь того же. Россия успела сохранить память о двух болгарских возрожденческих рукописях; цена – высока, но достигнутые результаты доказывают, что длинный и запутанный путь Жеравненской и

Зотовой переписей в Россию заслуживает, чтобы его прослеживали снова и снова, потому что всегда можно добавить еще и еще, и еще...

Тема «Славяно-болгарской истории» и путешествии ее духовных уроков за пределы Болгарии – особенно актуальная именно сегодня, потому что книга Паисия уже была переведена на многие языки, а совсем недавно была переведена и на персидский язык и издана в Иране, что можно рассматривать, как престижный духовный факт, который откроет и новые аналитические горизонты.

Литература

- 1- Ангелов Б.Ст. (1963). *«История славяноболгарская» и руската славистична наука до Освобождението.* // *Славянска филология. Материали за петия Международен конгрес на славистите.* Том 4. София: Изд-во «Българска академия на науките». С. 205- 226.
- 2- Ангелов Б.С. (1985). *Паисий Хилендарски. Монография.* – София: Изд-во «Наука и изкуство».
- 3- Априлов В.Е. (1968). *[До Ю. И. Венелин], Одеса, 1 декември 1838.* // В. Е. Априлов. *Съчинения.* София: Изд-во: «Български писател». – С. 290-297.
- 4- Бессонов П.А. (1857). *Некоторые черты путешествия Ю.И. Венелина в Болгарию.* // *[П. Безсонов].* Москва: В типографии Л. Степановой.
- 5- Венедиктов Г.К. (1960). *„Неизвестной список «Истории славяноболгарско» Паисия Хилендарского.* // *Сборник статей и материалов. Ответственной редактор С. А. Никитин.* Москва: Изд-во «Академия наук СССР». С. 203-214.
- 6- Венелин Ю.И. (1898). *Две писма от Юрия Венелин до Василия Априлов.* // *Сборник за народни умотворения наука и книжнина. Издава Министерството на народното просвещение.* Том 1. София: Държавна печатница. С. 178-187.
- 7- Гильфердинг А.Ф. (1869). *Отрывки из одной летописи болгарской.* // *Празнование тысячелетней памяти первосвятителя Св. Кирилла, 14-го февр. 1869 г. в Санкт Петербурге и Москве.* Praha. С. 36-44.
- 8- Голубинский Е.Е. (1871). *Краткий очерк истории православных церквей болгарской, сербской и румынской или молдо-волвалаишской.* Москва: В Университетской типографии Катков и К.
- 9- Григорович В.И. (1852). *Статьи, касающиеся древняго славянскаго языка.* Казан: В типографии имперскаго Казанскаго университета.

- 10- Дринов М.С. (1871). *Отец Паисий, неговото време, неговата история и учениците му*. // Периодическое списание на Българското книжовно дружество. № 4. Браила. С. 3-24.
- 11- Иванов Й.Н. (1914). *«История славяноболгарская», собрана и нареждана Паисием йеромонахом*. Стъпки за печат по първообраза Й. Иванов. София: Държавна печатница.
- 12- Кръстева, М.Д. (2013). *Втора Харитонова преправка на «История славяноболгарска»*. Пловдив: Изд-во «Жанет-45».
- 13- Лавров П.А. 1895. *Одна из переделок истории Славяно-болгарской иеромонаха Паисия, сохранившаяся въ рукописи № 1731 собрания проф. Григоровича*. // *Труды Восьмого археологического съезда в Москве*. Том 2. Москва: Типография А.И. Мамонтова. С. 252-263.
- 14- Ламанский В.И. (1869). *Болгарская словесность XVIII века*. // *Журналъ Министерство народного просвещения (четвертое десятилетие)*. Том 145, сентябр. Санкт-Петербург: Изд-во «В. С. Балашева», С. 107-123.
- 15- Лонгинов В.А. (1885) *История словено-болгарская. По списку, принадлежащему потомственному почетному гражданину Н. С. Тошковичу*. Люблин: В типографии М. Коссаковской.
- 16- Мурзакевич Н.Н. (1860). *Нынешнее состояние просвещение у болгар*. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук. С. 66-73.
- 17- Налбантова Е.К. *Васил Априлов. Време и съвременници: Монография*. Одесса: Изд-во «Оптимум».
- 18- Пипин А. Н. (1879). *Йеромонах Паисий*. // *Пипин А. Н. и В. Д. Спасович. История славянских литератур*. Том 1. Санкт-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича. С. 105-108.
- 19- Раковски Г.С. (1860). *Няколко речи от Асню Первому, Великому Царю Болгарскому и сыну му Асеню Второму*. Белград: Печатница в кн. събр. Книго-печатница.
- 20- Тодоров И.Х. *Жеравненският препис на «История славяноболгарская»*. // *Известия на Народната библиотека Кирил и Методий*. Том 16 (22). С. 19-57.
- 21- Шишманов И.Д. (1916). *Студии из областта на Българското възраждане*. // *Сборник на БАН*. № 6. София: Изд-во: «Българска академия на науките».

Bibliography

- 1- Angelov B.St. (1963). *«Istorija slavjanoblgarskaja» i ruskata slavistichna nauka do Osvobozhdenieto*. // *Slavjanska filologija. Materiali za petija Mezhdunaroden kongres na slavistite*. Том 4. Sofija: Izd-vo «B#lgarska akademija na naukite». S. 205- 226.

- 2- Angelov B.S. (1985). *Paisij Hilendarski. Monografija*. – Sofija: Izd-vo «Nauka i izkustvo».
- 3- Aprilov V.E. (1968). *[Do Ju. I. Venelin], Odesa, 1 dekmvri 1838. // V. E. Aprilov. S#chinenija*. Sofija: Izd-vo: «B#lgarski pisatel». – S. 290-297.
- 4- Bessonov P.A. (1857). *Nekatorye cherty puteshestvija Ju.I. Venelina v Bolgariju. // [P. Bezsonov]*. Moskva: V tipografii L. Stepanovoj.
- 5- Venediktov G.K. (1960). „*Nezvestnoj spisok «Istorii slavjanobolgarsko» Paisija Hilendarskago. // Sbornik stat'ej i materialov. Otvetstvennyoj redaktor S. A. Nikitin*. Moskva: Izd-vo «Akademija nauk SSSR». S. 203-214.
- 6- Venelin Ju.I. (1898). *Dve pisma ot Jurija Venelin do Vasilija Aprilov. // Sbornik za narodni umotvorenija nauka i knizhnina. Izdava Ministerstvoto na narodnoto prosveshhenie*. Tom 1. Sofija: D#rzhavna pechatnica. S. 178-187.
- 7- Gil'ferding A.F. (1869). *Otryvki iz odnoj letopisi bolgarskoj. // Praznovanie tysjachletnej pamjati pervosvjatitelja Sv. Kirilla, 14-go fevr. 1869 g. v Sankt Peterburge i Moskve*. Praha. S. 36-44.
- 8- Golubinskij E.E. (1871). *Kratkij ocherk istorii pravoslavnyh cerkvej bolgarskoj, serbskoj i rumynskoj ili moldo-volvalashskoj*. Moskva: V Universitetskoj tipografii Katkov i K.
- 9- Grigorovich V.I. (1852). *Stat'ii, kasajushhijasja drevnjago slavjanskago jazyka*. Kazan: V tipografii imperskago Kazanskago universiteta.
- 10- Drinov M.S. (1871). *Otec Paisij, negovoto vreme, negovata istorija i uchenicite mu. // Periodicheskoe spisanie na B#lgarskoto knizhovno druzhestvo. № 4. Braila*. S. 3-24.
- 11- Ivanov J.N. (1914). *«Istorija slavjanobolgarskaja», sobrana i narezhdena Paisiem jeromonahom»*. St#kmi za pechat po p#rvoobraza J. Ivanov. Sofija: D#rzhavna pechatnica.
- 12- Kr#steva, M.D. (2013). *Vtora Haritonova prepravka na «Istorija slavjanob#lgarska»*. Plovdiv: Izd-vo «Zhanet-45».
- 13- Lavrov P.A. 1895. *Odna iz peredelok istorii Slavjano-bolgarskoj jirononaha Paisija, sohranivshajasja v# rukopisi № 1731 sobranija prof. Grigorovicha. // Trudy Vos'mogo arheologicheskogo s#ezda v Moskve*. Tom 2. Moskva: Tipografija A.I. Mamontova. S. 252-263.
- 14- Lamanskij V.I. (1869). *Bolgarskaja slovesn'st' HVIII veka. // Zhurnal' Ministerstvo narodnogo prosveshhenija (chetvertoe desetiletie)*. Tom 145, sentjabr. Sankt-Peterburg: Izd-vo «V. S. Balasheva», S. 107-123.
- 15- Longinov V.A. (1885) *Istorija sloveno-bolgarskaja. Po spisku, prinadlezhashhemu potomstvennomu pochetnomu grazhdaninu N. S. Toshkovichu*. Ljubljana: V tipografii M. Kossakovskoj.

- 16- Murzakevich N.N. (1860). *Nyneshnee sostojanie prosveshhenie u bolgar*. Sankt-Peterburg: Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk. S. 66-73.
- 17- Nalbantova E.K. *Vasil Aprilov. Vreme i s#vremennici: Monografija*. Odessa: Izd-vo «Optimum».
- 18- Pipin A. N. (1879). *Jeromonah Paisij. // Pipin A. N. i V. D. Spasovich. Istorija slavjanskih literatur*. Tom 1. Sankt-Peterburg: Tipografija M.M. Stasjulevicha. S. 105-108.
- 19- Rakovski G.S. (1860). *Njakolko rechi ot Asnju Pervomu, Velikomu Carju Bolgarskomu i synu mu Asenju Vtoromu*. Belgrad: Pечатnica v kn. s#br. Knigo-pechatnica.
- 20- Todorov I.H. *Zheravenskijat prepis na «Istorija slavjanob#lgarskaja»*. // *Izvestija na Narodnata biblioteka Kiril i Metodij*. Tom 16 (22). S. 19-57.
- 21- Shishmanov I.D. (1916). *Studii iz oblasti na B#lgarskoto v#zrazhdane. // Sbornik na BAN*. № 6. Sofija: Izd-vo: «B#lgarska akademija na naukite».

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Крыстева, М. (2019). Russian Academic Science of the 19th-century about Bulgarian Historiography of the Revival Period. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 151-168.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.151

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/85>

Topos Manor Paradise in the Novel by F.M. Dostoevsky "Village Of Stepanchikovo and Its Inhabitants"

Safronova Elena Yurievna¹

Associate Professor, Altai State University,
Barnaul, Russia.

(date of receiving: December, 2018; date of acceptance: March, 2019)

Abstract

At first glance, the topos in the novel is painted in idyllic tones and represents a picture of the manor paradise. The poetics of the estate text presupposed a family idyll in the bosom of nature, the sentimentality of relations, sublime feelings, the cult of enlightenment, the worship of the elegant, aesthetic enlightenment of being. The main character, Colonel Rostanev, is "pure as a child, presuming all people to be angels", "beautiful by nature", "intelligent in heart"; his beloved Nastenka is "an angel, not a man". However, the arcade idyll, the gracious healing "paradisiacal" locus of a noble estate, first turns into a "Noah's ark", a "madhouse", a "bedlam," and then a hell by virtue of the despotism of the adoptive father, Foma Opiskin. This "pljugovenky <...> little man," a failed writer, stung by the "snake of literary vanity," "the accursed Foma" becomes the source of all evil. The topography of the paradise in the novel is constantly satirically turned over, the motives of temptation, fall, redemption, narratives of preaching and humility are ironically reduced. Even the universal happiness of the "returned paradise", when Foma Fomich allows the colonel to marry Nastenka, is created under the influence of alcoholic intoxication, the survivor in a benevolent mood turns into a "genius of goodness".

Keywords: F.M. Dostoevsky, "Village Of Stepanchikovo and Its Inhabitants", Local Text, Semiotics of Space, Chronotop.

---

1. E-mail: esافر@mail.ru

The research is sponsored by The Russian foundation for research and Ministry of Education and Science of Altai Krai (project No. 17-14-22003 "Siberia F.M. Dostoyevsky: semiotics of space and narrative strategies").

Топос усадебного рая в романе Ф.М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»

Сафронова Елена Юрьевна¹

Доцент, Алтайский государственный университет,
Барнаул, Россия.

(дата получения: декабрь 2018 г.; дата принятия: март 2019 г.)

Аннотация

На первый взгляд в романе топоним окрашен в идиллические тона и представляет картину усадебного рая. Поэтика усадебного текста предполагала семейную идиллию на лоне природы, сентиментальность отношений, возвышенные чувства, культ просвещения, поклонение изящному, эстетическую просветленность бытия. Главный герой – полковник Ростанев – душою «чист как ребенок, предполагающий всех людей ангелами», «прекрасный от природы», «умный сердцем»; его возлюбленная Настенька – «ангел, а не человек». Однако аркадская идиллия, благодатный, исцеляющий «райский» локус дворянской усадьбы оборачивается сначала «Ноевым ковчегом», «сумасшедшим домом», «бедламом», а затем и адом по причине деспотии приживальщика Фомы Опискина. Этот «плюгавенький <...> человечек», несостоявшийся литератор, ужаленный «змеей литературного самолюбия», «проклятый Фома» становится источником всякого зла. Топос рая в романе постоянно сатирически переворачивается, иронически снижаются мотивы искушения, грехопадения, искупления, нарративы проповеди и смирения. Даже всеобщее счастье «возвращенного рая», когда Фома Фомич разрешает полковнику жениться на Настеньке, создается под воздействием алкогольного опьянения, приживальщик в благодушном настроении превращается в «гения добра».

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Село Степанчиково И Его Обитатели», Локальный Текст, Семиотика Пространства, Хронотоп.

---

1. E-mail: esafr@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Министерства образования и науки Алтайского края в рамках научного проекта № 17-14-22003 «Сибирь Ф.М. Достоевского: семиотика пространства и нарративные стратегии».

Введение

Роману «Село Степанчиково и его обитатели» в творческой эволюции Достоевского принадлежит особое место «второго дебюта». Однако в литературоведении к этому произведению долгое время сохранялась инерция несерьезного отношения как к веселому произведению без глубоких идей. В основном изучалась интертекстуальная поэтика (Ю.Н. Тынянов, М.П. Алексеев, Б.Г. Реизов, С.И. Кибальник); проблема жанрового своеобразия (В.Н. Захаров, Н.П. Утехин, Р.С.-И. Семькина); провинциальный (В.А. Туниманов, В.Н. Алекин, В.И. Габдуллина) и фольклорной (В.А. Мюхнекевич, Р.Х. Якубова) тексты.

Основная часть

В стороне внимания ученых в жанровом и в литературно-генетическом аспектах остался жанромоделирующий код усадебной повести, который используется автором в этом произведении, но подвергается ироническому снижению на всех уровнях поэтики текста: словесном, персонажном, композиционном, дискурсивном.

Понятие «дворянское гнездо» впервые применил в 1847 г. И.С. Тургенев в рассказе «Мой сосед Радилов» в «Записках охотника». Термин «усадебная повесть» принадлежит В.Г. Щукину и относится к целому ряду произведений: «Затишье», «Переписка», «Фауст», «Первая любовь» И.С. Тургенева, повести И. Панаева, М. Жуковой), а усадебный роман мы находим только у И.С. Тургенева. По мысли В.А. Доманского, «усадебная повесть также может входить в структуру романа», как, например, это происходит в романах «Евгений Онегин» и «Дубровский» А.С. Пушкина и «Обломов» и «Обрыв» И.А. Гончарова (Доманский 2006. 56).

«Усадебная повесть» предполагает не только формальный признак – место действия (русская усадьба), но и особую структурную организацию

произведения, строение сюжета. Топос усадьбы в ней является не только фоном действия, но и «действующим лицом» сюжета» (Там же.). Микрокосм усадьбы – это метафора мира, модель гармонического устройства, в котором человек стремится к единению с природой и прекрасным. Философию усадьбы как «приютного уголка», Аркадии поддерживают даже архитектурные детали: «белые колонны символизировали свет и чистоту, желтые стены здания – «золотой век», зеленые крыши зданий вместе с окружающей зеленью садов и парков – надежду и вечную молодость» (Там же.).

На первый взгляд, в тексте топос окрашен в идиллические тона и представляет картину усадебного рая. Поэтика усадебной повести предполагала семейную идиллию на лоне природы, сентиментальность отношений, возвышенные чувства, культ просвещения, поклонение изящному, эстетическую просветленность бытия. Усадебная жизнь ощущалась как праздник, эстетизировался быт, традиции, пение, музыка, занятие науками, душевные разговоры, семейное чтение. «В усадебной повести постоянно звучит мотив возможности высшего счастья, гармонии с миром, земного рая, заданный моделью самой усадьбы – ее художественной вселенной» (Там же.).

Повесть «Село Степанчиково и ее обитатели» отвечает этим формальным признакам. Но ее структура гораздо сложнее, а проблематика глубже. В середине XIX в. начался процесс разрушения усадебной культуры и в художественных текстах усилились элегические, ностальгические и даже трагические нотки. Достоевский пошел еще дальше: взял форму усадебной повести, но при сохранении внешних формальных элементов, наполнил ее прямо противоположным содержанием – она получила иронические и саркастические тона.

«Рассматривая структуру усадебной повести, можно выстроить сужающуюся рамку пространства: сад, дом (часто архитектурный комплекс), интерьер, портрет (как настенные фамильные портреты, так и живые портреты

обитателей усадьбы)» (Там же. 57). С одной стороны, действительно, Достоевский следует этой нарративной структуре и изображает дом, сад, пруд, флигель, беседку. Первоначально мифологема сада вводится как воспоминание Сережи: *«огромный сад, в котором мелькнуло несколько счастливых дней моего детства и который несколько раз снился мне потом во сне»* (Достоевский, т. 3. 31)¹. Далее сад показан как эстетический объект – аллеи столетних лип, терраса окружена клумбами цветов – и место тайных ночных свиданий: *«в саду<..> я поцеловал ее! – Поцеловал! в саду!»* (3; 113). В эпилоге сад представлен как Эдем: *«какое здесь славное место, <...> какая картина! какая природа! Экое дерево! посмотри: в обхват человеческий! какой сок, какие листья! Какое солнце! как после грозы-то все вокруг повеселело, обмылось!.. Ведь подумаешь, что и деревья понимают тоже что-нибудь про себя, чувствуют и наслаждаются жизнью...<...> Дивный, дивный творец»* (3; 161). Т.е. сад сохраняет свою одухотворяющую семантику, способствует единению душ.

С другой стороны, писатель иронически снижает штамп, переворачивая его. Так появляется неромантический локус – конюшня, которая в произведениях реалистической литературы служила традиционным местом наказания крестьян (Семыкина 1997. 16). В повести Достоевского у конюшни барин тайком мирно беседует с крестьянами и пытается решить их проблемы. Сад, конюшня и флигель представлены как единый ансамбль, связанный с миром простых человеческих отношений, со счастьем, свободой, движением жизни.

Топосу усадебного рая вполне отвечает и характер ее владельца – полковника Егора Ильича Ростанева, который душою «был ребенок, <...> предполагающий всех людей ангелами, обвинявший себя в чужих недостатках

---

1. Далее текст произведений и писем цитируется по этому изданию с указанием тома, и страниц в круглых скобках.

и преувеличивавший добрые качества других до крайности...» (3; 13-14). Такой «прекрасный от природы», «умный сердцем» герой-альтруист готов пожертвовать всем, растворившись в братской и отеческой любви. При описании героя автор подчеркивает несоответствие богатырской внешности крайней инфантильности: «наружности он был богатырской: высокий и стройный, с белыми, как слоновая кость, зубами, с длинным темно-русым усом, с голосом громким, звонким и с откровенным, раскатистым смехом; говорил отрывисто и скороговоркою» (3; 5). Достоевский вводит иронический христианский контекст: ««трудно было себе представить человека смиреннее и на все согласнее, <...> готов был решительно все отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим»» (3; 5). Это перифраз Евангелия от Матфея: «кто захочет взять у тебя рубашку, отдай» (5: 40). Р.С.-И. Семькина называет Ростанева комическим Христом (Семькина, 1992. 13).

Именно такой гуманный, готовый уступить, чтобы «все были довольны и счастливы» (3; 14) характер приводит к таким катастрофическим последствиям – к привлечению десятка «приживальщиков из хлеба». Аркадская идиллия, благодатный исцеляющий «райский» локус дворянской усадьбы оборачивается сначала «Ноевым ковчегом» (3; 5), «бедламом» (3; 42), а затем и «сумасшедшим домом» (3; 77) и адом (3; 45) по причине деспотии Фомы Опискина.

В русской культуре усадьба была противовесом службе, формой проявления личной и родовой независимости, символизировала социальный и культурный статус своего владельца. «Само по себе замкнутое пространство усадьбы внутренне бесконфликтно, жизнь в нем напоминает ритуал, обитатели усадьбы словно вписаны в ее интерьер, они, кажется, участвуют в некоем спектакле, где декорации уже predetermined сюжет повторяющегося действия» (Доманский, 2006. 59). Достоевский разрушает жанр усадебный

повести изнутри, избирая комического героя и абсурдную с точки зрения здравого смысла ситуацию узурпации власти и оккупации дома. Полковник в отставке, по внешности богатырь, в расцвете сил добровольно уступает свои права «плюгавенькому <...> человечку», который манипулирует всеми домочадцами. «Старый дом», в котором «все вверх ногами» (3; 24) – это сфера "царствования" Фомы. А чайная – тронный зал, в котором восседает Фома как царь-солнце» (Семыкина 1992. 15).

«Наглое воцарение в чужом доме» Фомы Опискина сопровождается абсурдной «метаморфозой из шута в великого человека» (3; 13). С поразительной легкостью ему удается манипулировать всеми обитателями Степанчикова: «хвастался он до нелепости, ломался до невозможности, требовал *птичьего молока*, тиранствовал без меры» (3; 13). Создается карнавальная ситуация перевернутых отношений – «слуга управляет барином» (Семыкина 2008. 164). Это «мир наизнанку», с отменой иерархии сословий. В.А. Туниманов называет эту парадоксальную ситуацию деспотии вместо ожидаемого братства «комическим аналогом острожного „товарищества"» (Туниманов 1980. 28). Достоевский здесь иронизирует над идеями утопического социализма, где гармония выстраивалась на идеалах добра и равенства («Ростанев – анаграмма слова равенство» (Кибальник 2013, с. 155)), но и рассматривает проблему подавления, подчинения с психологической точки зрения.

Новизну своего нового романа Достоевский связывал прежде всего с разработкой психологических типов тирана и его жертвы: «Ростанев и Опискин – антитетическая пара, два огромных характера (28-1; 326), создаваемых и описываемых пять лет, «вполне русских». По мысли Р.С.-И. Семыкиной, «структуру характера Опискина определяет болезненное самолюбие в сочетании с осознанием собственной ничтожности» (Семыкина 1992. 13). Кроме того, Егор Ильич и Фома Фомич, в трагедийном сниженном

виде воспроизводят амплу героев усадебной повести. Очевидно, что Ростанев воплощает тип робкого возлюбленного, а «многие черты Опискина воспроизводят в сниженном, шаржированном виде образ идейного искателя, «скитальца» и дают основания заподозрить, что автор <...> пародировал поведение «лишнего человека» рудинского типа» (Лотман 1987. 161-162).

В усадебной повести размеренность и стабильность жизни предполагает пространную экспозицию с описанием внешности, характеров основных действующих лиц и места действия. Но движение сюжета и развитие любовной коллизии предполагает «вторжение или возвращение в усадебный мир героя из другой среды и прохождение им ряда испытаний на образованность, эстетический вкус, идеологические принципы, нормы этикета, умение обходиться с дамой. «Героя оценивают все обитатели усадьбы, но главный судья – героиня усадебного романа» (Доманский 2006. 59). «С появлением героя из «вне» действие убыстряется и драматизируется, и все его главные коллизии теперь будут связаны с этим героем» (Там же.).

Действительно, из Петербурга выписан молодой племянник. Он образован, умен, добр, но не выдерживает испытание перед девушкой, на которой должен жениться. На приеме в чайной Сергей при входе споткнулся, он не умеет вести себя с дамами, слишком самолюбив и неуважительно относится к дяде.

Более того, с целью создания комического эффекта на роль героя-любовника кроме Сережи претендуют также персонажи с говорящими комедийными фамилиями Обноскин и Мизинчиков, оба устраивающие ночное свидание в саду в беседке с Татьяной Ивановной. Поцелуй как естественное следствие объяснения тоже являлся обязательным элементом усадебной повести. Но венчающий выражение любви жест комически развенчивается Достоевским: поцелуй оказывается не тем поцелуем, наличие подсматривающих и стерегущих нивелируют романтику ночного тайного свидания.

Так писатель расширяет возможности усадебной повести, меняя ее жанровую природу путем введения комических подмен: «...«объяснение в любви» оказывается объяснением в любви другому; «катастрофа» – не тем поцелуем, который видел повествователь, а другим; «погоня» устроена не за Мизинчиковым, а за Обноскиным и т.д.» (Захаров 2013. 186). Писатель использует не только элементы комедии положений, но и включает в эпос элементы драмы, в частности, перипетию. Действие развивается очень стремительно, оно «построено на игре эффектных контрастов. Перипетии (переходы действия к противоположному) случаются в пределах глав, постоянно озадачивая читателя» (Захаров 2013. 186).

Когда основные герои представлены, на «сцену» вводится главное действующее лицо – Фома Фомич Опискин. Он «включается в действие лишь в седьмой из восемнадцати глав – в момент наивысшего напряжения, когда томительное ожидание Фомы домочадцами за чаем передается и читателю, и продолжать роман без Фомы уже никак нельзя» (Захаров 2013. 186). Достоевский создает эффект ожидания и позволяет другим героям нарисовать субъективные портреты-фантомы Фомы, создавая загадку образа.

Сосед-помещик господин Бахчеев видит ситуацию так: «Матушка Егора-то Ильича <...> из ума совсем выжила: не надышит на Фомку треклятого. Всему она и причиной: она-то и завела его в доме <...> Ведь он, Фомка-то, у покойного генерала Крахоткина в шутах проживал! <...> А теперь полковник-то, дядюшка-то, отставного шута заместо отца родного почитает, в рамку вставил его, подлеца, в ножки ему кланяется, своему-то приживальщику, – тьфу!» (3; 24).

С точки зрения стороннего наблюдателя Сережи, воплощающего свежий взгляд со стороны, «проклятый Фома» – «источник всякого здешнего зла» (3; 12).

В более откровенной и развернутой форме та же мысль публично выражена дочерью Ростанева Сашей: «Гадкий, гадкий Фома Фомич, прямо скажу,

никого не боюсь! Он глуп, капризен, замарашка, неблагодарный, жестокосердый, тиран, сплетник, лгунишка ... Ах, я бы непременно, непременно, сейчас же прогнала его со двора, а папочка его обожает. <...> Я папочку защищаю, потому что он сам себя защитить не умеет. <...> У папочки хлеб ест да папочку же унижает, неблагодарный!» (3; 58). Ирония писателя обусловлена тем, что инфантильного полковника защищает его собственный ребенок – девочка с мужским именем (ср. значение имени Александр – защитник).

Еще раз публичное возмущение самоуправством Фомы высказывает крепостной Гаврила. Протестуя против бессмысленности просвещения крестьян в виде заучивания фраз на французском языке, он называет Опискина «злющий» фурий» (3; 75). В древнеримской мифологии фуриями назывались три богини мщения (аналог древнегреческих Эриний). Они были наделены отвратительной внешностью: старухи с налитыми кровью глазами, оскаленными зубами, высунутыми языками и змеями на голове вместо волос. В русском языке начала XIX в. это слово также означало ярость, гнев. Пародийная смена родовой принадлежности фурия – фурий в словах старого крепостного акцентирует неэстетичность внешности Фомы, его по-женски скандальный, характер и беспричинную ярость. Крепостной отважно напоминает о том, что «всяк человек образ божий на себе носит, образ его и подобие» (3; 75), а обучение птичьему языку – «такой срам», какого «отродясь над собой не видывал!» (3; 75). «Фома мог жестоко наказать его за эту дерзость. Мать Ростанева требует, чтобы Гаврилу заковали в кандалы, сдали в солдаты, но Фома предпочитает «убедить» его и постепенно достигает своей цели. Прослушав бессмысленные и темные «наставления» Фомы своему барину, Гаврила восклицает: «сладкогласый человек»» (3; 80) (Лотман 87. 160).

Фома владеет более эффективным «оружием» – «даром слова», которое в конце концов очаровывает даже помещика Бахчеева и Гаврилу – крепостного с именем архангела. Иронический подтекст необходим писателю, чтобы подчеркнуть, насколько большими возможностями манипулирования наделен Фома Фомич.

Через имя Гаврилы – крепостного с именем архангела, дающего верную и однозначную оценку приживальщику, Достоевский вводит библейский контекст, который позволяет рассмотреть ситуацию как универсальную. Библейский мифологический пласт придает эпический размах и психологическую глубину. Однако саркастическое снижение высокой библейской образности и несоответствие между видимостью и сущностью создают комический эффект. Хрестоматийный сюжет книги Бытия о змее, обольстившего Еву лестью с целью грехопадения людей, пародийно вывернут наизнанку. В повести авторская оценка Фомы с большой долей самоиронии выражена в следующих словах: *«но змея литературного самолюбия жалит иногда глубоко и неизлечимо»* (3; 12). Несостоявшийся литератор действительно лишает всех райской обители, превращая дом в ад.

Топос рая в произведении сатирически переворачивается, иронически снижаются мотивы искушения, грехопадения, искупления, нарративы проповеди и смирения. Такая мотивная парадигма и нарративная организация текста, построенная на ситуациях «потерянного» и «возвращенного» рая», характерна для усадебной повести или романа (Доманский 2006. 58).

Рай несколько раз упоминается в тексте. Первоначально Егор Ильич под давлением Фомы и матери готов отказаться от любви и жениться на деньгах Татьяны Ивановны. Он предлагает и племяннику Сереже вступить в брак с Настенькой: *«Она и осталась бы тогда с нами в тишине, в покое, и как бы мы тогда были счастливы! Вы оба дети мои, почти оба сиротки, оба на моем попечении выросли... я бы вас так любил, так любил! жизнь бы вам отдал, не*

расстался бы с вами; всюду за вами! Ах, как бы мы могли быть счастливы! И зачем это люди все злятся, все сердятся, ненавидят друг друга?» (3; 110). Любовь мужчины к женщине герой готов заменить братской и отеческой заботой. Позднее, желая избавиться от Фомы, полковник предлагает ему переехать в соседний город с пожизненным содержанием: «Поселись-ка там, подле нас. Занимайся литературой, науками: приобретешь славу... Чиновники там, все до одного, благородные, радушные, бескорыстные; протопоп ученый. К нам будешь приезжать гостить по праздникам – и мы заживем, как в *раю!*» (3; 83).

Но если в устах Ростанева библейская метафорика звучит органично, вызывая у читателя легкую улыбку над наивностью полковника, то ответ Фомы звучит саркастически за счет снижения библейских фразеологизмов и профанации христианских ценностей: «Помилуйте, полковник! <...> «На, дескать, *возлюбленный брат* мой, я обязан тебе: ты даже спасал мне жизнь: на тебе несколько *иудиных сребреников*, но только убирайся от меня с глаз долой!» <...> как грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда как я питал одни *райские чувства* составить ваше благополучие» (3; 85).

Христианские добродетели в риторике Фомы легко сочетаются с романтическими мотивами коварного обмана, разбитого сердца, несправедливости, попорченного добра, утраченной веры в человека. Увлекаясь ролью обольстителя, стремясь поразить полковника своей эрудицией Фома использует также античные метафоры аркадской идиллии, золотого века, детства человечества: «Где, где она, моя невинность? – подхватил Фома, как будто был в жару и в бреду, – где *золотые дни* мои? где ты, мое *золотое детство*, когда я, *невинный и прекрасный*, бегал по полям за весенней бабочкой? <...> Где, где они, те дни, когда я еще *веровал в любовь* и любил человека?» (3; 145).

Кульминация усадебной повести или романа, как правило, была связана с объяснением в любви героев в саду, на фоне природы. В повести «Село Степанчиково» Достоевский использует эту нарративную схему, но добавляет традиционный для своей поэтики мотив подглядывания и подслушивания. Вследствие этого сцена объяснения в любви теряет интимность и получает преступную интерпретацию в глазах Фомы Фомича. Он публично обвиняет своего гостеприимного хозяина: «Да, знайте все, все, что вчера, ночью, я застал его с этой девицей, имеющей наивиннейший вид, в саду, под кустами!.. <...> ибо из наивиннейшей доселе девицы вы успели сделать развратнейшую из девиц!» (3; 139).

В этом фрагменте Достоевский акцентирует иную мифологическую ипостась Фомы Фомича: не змей-искуситель, а лжец и предатель. Так образ врага человеческого обретает семантическую емкость и глубину. И только в этой кризисной ситуации оскорбления невинной возлюбленной Егор Ильич проявляет себя как мужчина, используя физическую силу для наказания обидчика: «дядя схватил его за плечи, повернул, как соломинку, и с силою бросил его на стеклянную дверь, ведущую из кабинета во двор дома. Удар был так силен, что притворенные двери растворились настежь, и Фома, слетев кубарем по семи каменным ступенькам, растянулся на дворе» (3; 139).

Достоевский сознательно отказывается от традиционной для усадебной повести дуэльной ситуации, предполагавшей дворянское происхождение и равенство участников. Писатель развенчивает романтический стереотип защиты чести (Ср. реплику Саши: «На дуэль бы его вызвала да тут бы и убила из двух пистолетов...» (3; 58)), заменяя его физической расправой над обидчиком. Так единственным достойным героем любовного сюжета становится полковник Ростанев. Метафорическое свержение кумира с пьедестала, оказывается и физическим падением и изгнанием из рая

дворянской усадьбы. Событие вновь получает мифологическую интерпретацию – победы Святого Георгия над змием. Напомним, что Георгий Победоносец первоначально был военным, отличался осанкой, физической силой, красотой и христианскими добродетелями. Он спас девушку от змия, поразив его в конном бою копьем. В повести Достоевского эти детали очевидны. Изгнание Фомы из усадебного рая описывается как событие Апокалипсиса – с громом, дождем и молнией, скачущим на коне всадником, но завершается не по-библейски: возвращением поверженного врага на простой крестьянской телеге, что создает комический эффект.

В этом смысле важно понимать, почему Достоевский дает этому персонажу такое имя – Фома Фомич Опискин. Имя Фома переводится с греческого как двойник, близнец.

Во-первых, он является двойником генерала и генеральши Крахоткиных, повторяя и усиливая степень тирании, чем обусловлена его маниакальная идея именованья «Ваше превосходительство»

Во-вторых, «Фома в настоящем – преуспевающий, властвующий и тиранствующий двойник Фомы в прошлом – оскорбленного мученика, шута. Фома второй берет реванш за свои унижительное в прошлом положение: навязывает свою волю, становится блюстителем нравственности, держит в руках людские судьбы, упиваясь властью» (Семькина 2008. 165).

В-третьих, он является двойником Ростанева, в доме которого становится «полным владыкою и прорицателем» (3; 12). Егор Ильич и Фома Фомич: имена и отчества героев фонетически рифмуются между собой. «Было ясно, что Фома Фомич воцарился в этом доме навеки и что тиранству его теперь уже не будет конца» (3; 158).

В-четвертых, важна антитетическая пара с комедийными фамилиями Опискин и Ежевикин. Говорящая фамилия Опискина антитетична говорящему

имени Евграф – в переводе с древнегреческого хорошо пишущий. Но несостоявшемуся литератору Опискину удалось стать владыкой Степанчикова в отличие от шута Ежевика, которого «фортуна заела».

Наконец, имя героя может быть отсылкой к образу библейского апостола Фоме неверующему, который не поверил в воскресение Христа, пока не увидел его своими глазами. Использование имени неверующего апостола, которого обличает крепостной с именем архангела, и удвоение имени в отчестве – Фома Фомич – может быть интерпретировано как прием восходящей градации. Так с помощью библейского мифологического ключа писатель обнажает сарказм по поводу глубины и истинности веры Фомы.

В мире Достоевского подлинное единение с Богом возможно не благодаря самозваному проповеднику, а вопреки ему, через приобщение к таинству настоящей любви, открывающей вечные ценности. Неслучайно, что героиня имеет имя Настенька – Анастасия – воскресение. Именно так и происходит восстановление души Егора Ильича.

Поэтика усадебной повести предполагала неизменный трагический финал: главные герои не достигли счастья, хотя оно и было «так близко, так возможно». С ностальгической тоской в финале повестей и романов воспоминания о несбывшемся счастье и прошедшей молодости завершают повествование (Доманский 2006. 58). Достоевский решил изменить эту привычную схему – герои достигают безмятежного райского счастья и спокойствия, не могут «надышаться друг на друга» (3; 160). Полковник Ростанев и Настенька воплощают идеальный союз, возвращение в райскую обитель до грехопадения. Они видят друг в друге совершенное существо, замысел Бога: «Полными любовью глазами смотрела она на жениха своего и как будто хотела вымолвить: «Какой ты, однако ж, *прекрасный, какой добрый, какой благороднейший человек*, и как я люблю тебя!»» (3; 157); «Она ангел, а не человек!» (3;160).

Любовь к девушке и любовь к природе сливаются в душе героя. В финале его лицо сияет «неизъяснимым выражением любви и счастья» (3; 161). И тема возвращенного рая реализуется в полной мере. Сад у пруда описывается как Эдем, словно вне времени и пространства. Почитанием Бога и райским целомудрием объясняется и отсутствие у Ростаневых детей. Женская мудрость Настеньки, ее «золотое сердечко» и стремление «улучать душу», «заставить других уважать все в своем муже» (3; 164) делают чудеса: последние семь лет тираня Опискина принимает более мягкую форму.

Заключение

Таким образом, Достоевский использует жанровую форму и нарративную структуру усадебной повести, меняет ностальгический и трагический модус на иронический и саркастический. Героями усадебной повести в ее традиционном варианте является полковник Ростанев, его возлюбленная Настенька, племянник Сережа, дети Илюша и Саша. За счет введения новых, нехарактерных для усадебной повести героев, таких как Опискин, Мизинчиков, Обноскин, Крахоткины, Татьяна Ивановна возникают сплетни, интриги, скандалы, похищения, формируя черты новой романной манеры писателя. Топос усадебного рая постоянно снижается и развенчивается. С другой стороны, обязательный в усадебной повести трагический финал, воспоминания об ушедшей молодости и несостоявшемся счастье, у Достоевского заменены благополучным финалом обретения «возвращенного рая» и созданием семейной идиллии.

Литература

- 1- Доманский В.А. (2006). *Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики* // Вестник Томского государственного университета. - № 291. - С. 56-60.

- 2- Достоевский Ф.М. (1972-1990). *Полное собрание сочинений*: В 30 т. Л.; СПб.: Изд-во «Наука».
- 3- Захаров В.Н. (1985). *Система жанров Достоевского: типология и поэтика*. - Л. Изд-во Ленинградского университета.
- 4- Захаров В.Н. (2013). *Имя автора – Достоевский. Очерк творчества*. - М.: Изд-во «Индрик».
- 5- Кибальник С.А. (2013). *Проблемы интертекстуальной поэтики Достоевского*. - СПб.: Изд-во «Петрополис».
- 6- Лотман Л.М. (1987). «Село Степанчиково» Достоевского в контексте литературы второй половины XIX века // *Материалы и исследования*. Т.7. – Л. Изд-во «Наука». - С. 152-165.
- 7- Семькина Р. С.-И. (1992). *Проза Ф. М. Достоевского 1850-х годов: «Дядюшкин сон», «Село Степанчиково и его обитатели»: (Комическое: мир и характеры)*: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург.
- 8- Семькина Р.С.-И. (2008). *Село Степанчиково и его обитатели* // Достоевский: сочинения, письма, документы: словарь справочник / Сост. и науч. ред. Г.К. Щенников, Б.Н. Тихомиров. – СПб. Изд-во «Пушкинский Дом». - С. 163-167.
- 9- Туниманов В.А. (1955). *Творчество Достоевского 1854-1862 гг.* – Л.: Изд-во «Наука», 1980. -С. 23-24.

Bibliography

- 1- Domanskij V.A. (2006). *Russkaja usad'ba v hudozhestvennoj literature XIX veka: kul'turologicheskie aspekty izuchenija pojetiki* // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. - № 291. - S. 56-60.
- 2- Dostoevskij F.M. (1972-1990). *Polnoe sobranie sochinenij*: V 30 t. L.; SPb.: Izd-vo «Nauka».
- 3- Zaharov V.N. (1985). *Sistema zhanrov Dostoevskogo: tipologija i pojetika*. - L. Izd-vo Leningradskogo universiteta.
- 4- Zaharov V.N. (2013). *Imja avtora – Dostoevskij. Oчерk tvorčestva*. - M.: Izd-vo «Indrik».
- 5- Kibal'nik S.A. (2013). *Problemy intertekstual'noj pojetiki Dostoevskogo*. - SPb.: Izd-vo «Petropolis».
- 6- Lotman L.M. (1987). «Selo Stepanchikovo» Dostoevskogo v kontekste literatury vtoroj poloviny XIX veka // *Materialy i issledovanija*. Т.7. – L. Izd-vo «Nauka». - S. 152-165.

- 7- Semykina R. S.-I. (1992). *Proza F. M. Dostoevskogo 1850-h godov: «Djadjushkin son», «Selo Stepanchikovo i ego obitateli»: (Komicheskoe: mir i haraktery):* Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ekaterinburg.
- 8- Semykina R.S.-I. (2008). *Selo Stepanchikovo i ego obitateli // Dostoevskij: sochinenija, pis'ma, dokumenty: slovar' spravochnik / Sost. i nauch. red. G.K. Shhennikov, B.N. Tihomirov. – SPb. Izd-vo «Pushkinskij Dom».- S. 163-167.*
- 9- Tunimanov V.A. (1955). *Tvorchestvo Dostoevskogo 1854-1862 gg. – L.: Izd-vo «Nauka», 1980. -S. 23-24.*

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Сафронова, Е. (2019). Topos Manor Paradise in the Novel by F.M. Dostoevsky "Village Of Stepanchikovo and Its Inhabitants". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 169-186.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.169

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/86>

Comparative Analysis of Derivational Prefixes of Dari Persian and Their Russian Equivalent

Ahmadi Zahra¹

PhD, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

Mohammad Beygi Kasvaei Mahdi²

PhD, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

Haitova Shirin³

Associate Professor, Tajik National University,
Dushanbe, Tajikistan.

(date of receiving: January, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

In this article, using of the example of lexical material of the well-known literary monument "Zakhire Kharazmshahi" Seyyed Ismail Jorjani is tasked to conduct a comparative analysis of word-form consoles in Dari Persian language and their Russian equivalents. Authors of the article consider various approaches to study the prefix word formation method in the two languages under consideration. The subject especially was studied from the point of view of semantic-syntactic specifics in two languages about prefixes, which were subjected to partial consideration. When selecting the values of authors, problem of lexica-semantic features of the prefix verbs is touched upon. In the process of studying, the most common prefixes and their Russian equivalents were identified and analyzed, their semantic similarities were revealed. It is noted that some prefixes during historical development of Persian language underwent phonetic changes. Some prefixes, which previously acted as independent words, eventually turned into a derivational morpheme.

Keywords: Morpheme, Affix, Prefix, Meaning, Productive, Dari Persian, Russian Language.

---

1. E-mail: ahmadikazahra@yahoo.com

2. Email: mahdimb@yahoo.com

3. E-mail: haitova@inbox.ru

Сравнительный анализ словообразовательных префиксов персидского дари и их русские эквиваленты

Ахмади Захра¹

Канд. филологических наук, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

Мухаммадбеги Косвои Махдии²

Канд. филологических наук, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

Хаитова Ширин³

Доцент, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан.

(дата получения: январь 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

В данной статье на примере лексического материала известного памятника письменности «Захираи Хорезмшахи» («Сокровищница Хорезмшаха») Сейид Исмаила Джурджани поставлена задача провести сравнительный анализ словообразовательных приставок языка персидского дари и их русских эквивалентов. Авторами статьи рассмотрены различные подходы изучения префиксального способа словообразования в двух анализируемых языках. Предметом специального исследования с точки зрения семантико-синтаксической специфики в двух языках явились префиксы, которые были подвергнуты частичному рассмотрению. При выделении значений авторами затрагивается проблема лексико-семантических особенностей приставочных глаголов. В процессе изучения были выявлены и проанализированы наиболее употребительные префиксы и их русские эквиваленты, выявлены их семантические сходства. Отмечается, что некоторые префиксы в ходе исторического развития персидского дари претерпели фонетические изменения. Некоторые префиксы, выступавшие ранее в качестве самостоятельных слов, со временем превратились в словообразовательную морфему.

Ключевые слова: Морфема, Аффикс, Префикс, Значение, Продуктивный, Персидский Дари, Русский Язык.

---

1. E-mail: ahmadikazahra@yahoo.com

2. Email: mahdimb@yahoo.com

3. E-mail: haitova@inbox.ru

Введение

В культуре каждого народа существуют доминанты, которые закреплены в языке. Для каждого народа существует набор ценностей, который повторяется и в других культурах. В настоящее время одним из основных направлений в типологической лингвистике является сопоставительное изучение разноструктурных языков. Как известно, очень часто одним из компонентов сопоставительного анализа часто выступает русский язык.

Еще Щерба указывал на то, что «контрастивные исследования помогают проникнуть в суть языковых процессов и глубже понять законы, управляющие этими процессами, поэтому контрастивная лингвистика является той областью исследования, где пересекаются пути теории и практики» (Щерба 1974. 79–121). В ходе работы авторами был использован синхронно-описательный и сопоставительный методы исследования.

На протяжении всей истории персидский язык, в том числе и персидский дари, широко пользовался словообразовательными аффиксами, так как его формирование, сохранение и развитие зависело во многом от наличия аффиксов, так как аффиксы играют важную роль в развитии семантических возможностей и обогащении словарного запаса языка.

Ходжа Хасани Нисори так формулирует аффиксы: «Аффикс – это морфема, которая в отдельности не употребляется и не имеет смыслового значения, то есть, она не употребляется без существительного, либо без глагола...» (Нисари. 1930. 4).

Другой иранский лингвист Ханлари указывает, что аффиксы используются в составе других слов, чтобы придать им новые значения (Нательханлари 1975. 164).

Основная часть

Важную роль в формировании, сохранении и развитии языка, а также в развитии его семантических возможностей играют словообразовательные

аффиксы. Как утверждает иранский лингвист Мишкотуддини, производные морфемы имеют две особенности: а) грамматические категории, образованные путем словообразовательных способов, отличаются от первоначальных лексических единиц; б) ключевые термины одной категории не употребляются со всеми аффиксами (Мешкатуддини 2009. 16).

Префиксация, как процесс образования новых слов при помощи приставок, является наиболее продуктивным способом расширения состава глагольной лексики как в персидском дари, так и в русском языке. Под приставкой понимают одну из морфем, с помощью которой выражается словообразовательное или грамматическое значение слова.

Проблема сопоставительного изучения особенностей приставок имеет большое значение, прежде всего, потому, что оно важно для определения механизма взаимодействия и взаимосвязи словообразовательного и семантического уровней сопоставляемых языков – персидского дари и русского. Как отмечает О.В. Почтарева, «интерес к вопросам префиксации не ослабел и в наши дни, так как глагольное приставочное словообразование связано с обширным кругом общих и частных вопросов лингвистики» (Почтарева О.В. 2001).

В современных работах, посвященных виду и особенно способам глагольного действия, как правило, часто затрагивается семантика приставок, а иногда её описание занимает важное место, о чем свидетельствуют работы, посвященные изучению префиксации: «Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения» (Г.А. Волохина и З.Д. Попова 1994), «Семантический аспект русской глагольной префиксации» (Л.А. Вараксин 1996), «Приставки и глаголы в современном русском языке: Семантическая грамматика» (М.А. Кронгауз 1998); «Глагольная префиксация в русском языке» (сборник научных статей 1997) и др.

В 2001 г. под редакцией Е.Р. Добрушиной и Д. Пайара был выпущен сборник «Русские приставки: многозначность и семантическое единство»,

давший описание семантики приставочных глаголов и приставок русского языка. Большую роль при выборе той или иной приставки играют семантика и грамматические свойства бесприставочного глагола. Как указывает В.В. Морковкин, «присоединение любой приставки производящим глаголом влечет за собой изменение в их семантике» (Морковкин 1981. 45).

Как известно, каждой глагольной приставке присуще своё значение. Появление новой лексемы свидетельствуют о том, что именно приставки фактически становятся носителем семантики новых лексических единиц. Префиксальные глаголы и их словообразовательные типы характеризуются разнообразием, они отражают состояние словообразовательной системы языка. Особенности их употребления обусловлены различными значениями, которые они выражают: временными, пространственными, количественными.

Как отмечает Падучева Е.В., в русском языке «приставка меняет смысл глагола, создавая обязательную «направительную» валентность. Можно сказать, что приставка вносит определенность акцента - фиксирует акцент на одном из ориентиров, чего не было у исходного глагола» (Падучева 2002. 129).

В ходе анализа лексического материала «Захираи Хоразмшохи» было выявлено 12 префиксов: /ā-/ , /andar-/ , /bā- (ba-)/ , /bāz/ , /bar-/ , /foru-/ , /doʃ -/ , /be- (bi-)/ , /na-, ne-/ , /nā- , / (be-), ba-, (bi-)/ , /par/.

Русская грамматика дает следующие глагольные приставки: по-, с-, за-, о-, на-, про-, вы-, у-, вз-, от-, раз-, из, при-, воз-, пере-, под- (Спагис 1968. 40).

У глагольных приставок, как известно, вначале были лишь локальные (пространственные) значения, например, в современном русском языке, локальное значение приставки **в-** - «внутри» (*вселиться, вбросить*), **из-** - «наружу» (*излучать, изгнать*). Постепенно у префиксов появились и другие значения, например, пространственное значение префикса **из-** было переосмыслено до значения уничтожиться (*исписать*). В ходе исторического развития как в персидском дари, как и в современном русском у большинства приставок появилось по несколько значений.

В персидском дари начальная *ā-/a-/* некоторых глаголов, являющаяся в настоящее время частью корня, ранее употреблялась в качестве приставки, например, */āsudan/* (отдохнуть), */āmadan/* (приходить), */āvardan/* (приносить).

В русском языке существуют исконно русские слова, образованные при помощи непродуктивных архаичных приставок: **су-** (*сугроб, сумрак, сунесь, супруги, сусек, сумерки, суржик, сукровица, суглинок, сумятица, сутолока*); **ка-/ко-** (*каверза, колдобина, колупать, корыто, ковылять, ковырять*); **ку-** (*кудель, кудри, скукожить, кумекать, кувырок*); **па-** (*паводок, пагуба, падчерица, пасака, патока*; **пра-** (*прабабушка, правнук, прародина, праязык*), впоследствии перешедших в корень. «Приставка **су-** - это архаичная часть слова, перешедшая во многих словах в корень. Без неё сегодня в русском языке обойтись нельзя, потому что некоторые слова без неё не имеют место быть: супруги – пруги, суржик – ржик».

В персидском дари несколькими значениями обладает приставка */foru-/*, например: */foruburdan/* (проглотить), */forudāmadan/* (снижаться, приземлиться); иногда употребляется для усиления значения глагола: */bārān foruistād/* (дождь перестал).

Несколько значений имеет и префикс */bar-/*: */bardamidan/* (отекасть, всходить); */barangixtan/* (возбуждать), */bargaš tan/* (возвращаться), */barāvardan/* (выносить).

Префикс */bar-/* является сокращенным вариантом среднеперсидского префикса */aba-/*, */avar-/*. В языке парсии дари префикс */av-/* был заменен префиксом */bar-/*. В произведениях авторов прошлого, а иногда и в настоящее время встречается форма */var-/*: */varuštādan/*, */varš ekastan/* (упасть; обанкротиться).

Префикс */bar-/* вносит изменение в семантику некоторых глаголов, например: */zadan/* (бить) – */barzadan/* (засучить), */keš idan/* (тащить) – */barkeš idan/* (взвешивать), */xordan/* (кушать) – */barxurdan/* (сталкиваться),

/barguzār/ (проведение), */barandāz/* (расход, трата), */bargiriftan/* (получил). Иногда придает глаголу противоположное значение: *чидан* (собирать) - */barčidan/* (собрать, подобрать).

В русском языке многозначность отмечена у приставки **при-**:

– значение приближения (*приехать, прибыть, примчаться*);

– значение близости местоположения, рядом: *пришкольный, Приднепровье, пригород*;

– значение присоединения: *привинтить, прибить, пришить, привязать, пришвартоваться*;

– значение неполноты действия или действия на ограниченный срок: *прилечь, приоткрыть, приглушить звук, притихнуть, принарядиться, приспустить*;

– значение доведение действия до конца, до желательной цели: *придумать, прищуриться, пристрелить, приучить*;

– значение действия, сопутствующего другому действию: *пританцовывать, прихлопывать, присвистывать*.

Исследование префиксальных глаголов затрагивает различные уровни языка и предполагает разные аспекты лингвистического анализа. Изучению префиксальной семантики и роли глагольных приставок в формировании семантики слова издавна уделялось внимание исследователей по лексической семантике, словообразованию, синтаксису, аспектологии.

Несмотря на долгую историю изучения глагольных приставок сегодня проблема значения приставок является особенно актуальной. Русскими лингвистами признается тот факт, что «выбор приставки и набор значений соответствующего приставочного глагола обусловлен семантикой глагольной основы, наличием или отсутствием у нее определенных семантических признаков» (Кронгауз 1998. 112).

Приставочные глаголы движения можно разделить на две группы: с приставками пространственных значений и с приставками количественно-временных значений.

Глаголы с приставками пространственных значений обозначают направление движения, например: *выйти / выходить из комнаты, войти / входить в комнату*, а глаголы с приставками количественно-временных значений показывают момент начала движения (*пойти в кино*); указание на ограниченность движения во времени (*походить на тренировку*); указание на однократность движения (*сходить на почту*); движение с точки зрения охвата объектов перемещения (*обойти всю улицу*); указание на результат движения (*нагуляться за день*).

В персидском дари значение «движение вниз» передается приставкой **/foru-/** (от **forud-** (низ, вниз): */foruraftan/*, */foruʃ udan/* (падать в глубину), */foruāmadan/*(снижаться), */foruāmadan/*(спускаться вниз), */foruāvardan/* (спускать). Такое же значение имеет и префикс **/far-/**: ср.: */farāmadan/* – */foruāmadan/*(спускаться вниз), */farāvardan-forāvardan/* (снижаться, спускать вниз)».

Значение «движение вверх» в персидском дари может быть передано приставкой **/bar-/**: */barxāctan/* (подняться), */barafkandan/* (бросать вверх), */barnahādan/* (поднять вверх); */bardāʃ tan/*, */barʃ udan/* (поднимать(ся)).

Приставка **/bar-/** также может иметь значение «движение наружу»: */barāmadan/* (выйти), */xun barāmadan/* (выходить, вытекать (о крови)).

Значение «движение внутрь» передается префиксом **/andar-/** */andarʃ enāxtan/*. Иногда употребляется в значении «вводить во внутрь» */andarʃ idan/*. В пехлеви употреблась форма */andarag/*, в авестийском – */antare/*, в персидском дари – */anda/*, которая встречается в литературе периода Саманидов (Хаджари 1998. 77).

Среди русских приставочных глаголов движения наиболее употребительными являются глаголы с приставками пространственного значения. В русском языке насчитывается 21 приставка с пространственным значением. Приставки с общепонятным компонентом «пространственная направленность» (за-, вз-, на-, над-, при-, по-, пред-, под-, присоединяясь к именной основе, способны выражать пространственные значения, например: *задворки, взморье, нагорье, надстройка, приморье, побережье, предгорье, подлесок* и т.д. (Иванова Н.С. 1999. 5)

При обозначении движения (действия) с учётом исходного и конечного пунктов русские приставки вносят в глагольные основы различные значения: а) «движение вверх» (**над-, под- вз-**, (*надстроить, надклеить, подкинуть, взлететь*); «движение вниз» (**с-** (*сбежать, сойти, сползти, слезть по лестнице*); «движение внутрь» (**в-** (*войти, въехать*); «движение наружу» (**вы-** (*выйти, выехать*); «приближение» (**с-, до-, при-, под-** (*съехать(ся), доехать, приехать, подъехать*); «удаление» (**за-, от-, у-, раз-** (*заехать (за что-либо), отъехать, уехать, разъехаться*); (*уехать, уйти*); направление движения и др. Значение «направление движения» содержится в самом глаголе, оно выражается и приставками пространственного значения, например: *войти в дом*. (Засухина. 1992.3).

Описание семантики русских приставок опирается на классификацию пространственных значений (семантических оппозиций). В русских приставках, образующих семантическую оппозицию, ядерными считаются семы «движение вверх - движение вниз», «движение внутрь - движение наружу». Они сохраняются и в тех приставках, в которых преобладает сема «приближение – удаление», которая является основным и наиболее распространённым в приставочных глаголах русского языка. В приставках, образующих семантическую оппозицию «приближение – удаление», ядерными являются семы «приближение» - «удаление», которые сохраняются

и в тех приставках, которые входят в семантические оппозиции «движение вверх - движение вниз», «движение внутрь - движение наружу». (Азизова М.Э. 2004.38).

В русском языке значение «движение вверх» передается приставками **над-, под-, вз-** (*надстроить, надклеить, подкинуть, взлететь*); значение «движение сверху вниз» - приставками **с-, под-, низ- (нис-)** (*съехать с горы, низвергнуть, сбегать, прыгнуть, спускаться, сойти, сползти, слезть по лестнице*).

Значение «перемещение, совершаемое сверху вниз», имеет и русский глагол *нисходить*, в котором подчеркивается актуализация антонимических отношений префиксов **воз-** (со значением «направленность вверх») и **низ-** (со значением «направленность вниз»).

Как указывает Л.Л. Кутина, глаголы с приставкой **низ-** возникли как словообразовательный тип со значением «направленность действия сверху вниз»; синонимические отношения установились между префиксом **низ-** и общеславянским префиксом **с-** (Кутина 1990. 99).

Значение «движение внутрь» выражается приставками **в-, у-**: *войти, утискать, влететь, вселиться, вбросить, (впустить)*; а также приставкой **во-**, в сочетании с которым значение направления движения дублирует предлог **в**: *войти в дом*.

Для указания направления движения изнутри («движение наружу») используются приставки **вы-, у-, из-**: *выпустить, уходить, выбегать, выбрасывать, выйти, выкопать, вылететь, вынести, выйти, излучать*.

Чаще всего приставки соединяются с глаголами следующих семантических групп:

- а) движения и перемещения в пространстве (*добежать*);
- б) действия (*внести*);
- в) физиологических действий и процессов (*выспаться*);
- г) приобщения или отчуждения (*забрать*);

Необходимо отметить и то, что приставки с пространственным значением также обозначают:

- а) части человеческого тела (*надбровье, надгортанник, надкостница*);
- б) пространство земной поверхности (*побережье, поречье, Поволжье, Подонье, нагорье*);
- в) конкретные предметы, имеющие объём; положение на поверхности предмета: *нагрудник, наконечник, наплечник, нарукавник, наручник, наушник*.

В ходе анализа также были выявлены префиксы /**na-**/, /**ne-**/, /**nā-**/ со значением отрицания, указывающие на отсутствие качества, например, /*narafte*/, /*naxurd*/ (неушедший, не есть), /*nasuz*/ (несгораемый), /*nāamn*/ (небезопасный), /*naxurdan*/ (не принимать пищу), /*mehmāne nāxānde*/ (незванный гость).

«Некоторые глагольные префиксы (**na-**, **me-**, **bi-**), присоединяясь к глагольным основам, образуют грамматические формы, выражающие новые оттенки значений (отрицание, время, эмоциональную окрашенность и т.п.). Префикс /**na-**/, присоединяясь к глаголу, образует отрицательную форму и выражает значение невозможности или нежелательности выполнения действия, например: /*naru*/ (не ходи), /*nagirad*/ (чтобы не брал), /*nadid*/ (не увидел), /*namejunbad*/ (не двигается), /*mulāghāt najuyad*/ (не ищите встречи).

Префикс / **ne-**/ пишется в начале слова перед префиксом / **me-**/, в других случаях – префикс /**na-**/, ср.: /*nemiravam*/ (не поеду) – /*naravam*/ (если мне не идти) (Хаджари 1998. 228–229).

Значение отрицания также несет префикс /**be-**/: /*bighuvvat*/ (бессильный, слабый), /*bixuʃ*/ (без сознания), /*bigumān*/ (без сомнения), /*bikār*/ (безработный), /*biaghl*/ (тупой, без ума), /*ljāye bixatar*/ (безопасное место), /*ādam-e bi taraf*/ (нейтральный человек), /*bigharāri*/ (беспокойство), /*bieyb*/ (без недостатков, без дефектов). В среднеперсидском языке вместо префикса /**be-**/ использовалась форма /**abi-**/, в пехлеви – /**wi-**/, в авесте и санскрите – /**vay-**/.

Префикс /nā-/ в отличие от префиксов /be-, bā-, bi -, na-/ в основном употребляется с именами прилагательными (Хаджари 1998. 230–231): /bimāri nāumid/ (безнадежный больной); /vojud-e nāpāk/ (нечистая совесть); /jāhāye nāf enās/ (незнакомые места); /bačaye nāf ud/ (негодный ребенок), /aspe nāāz mud/ (неезженная лошадь). С его помощью образуются семантические пары с отрицательным значением: /binā/ (зрячий) – /nābinā/ (незрячий, слепой), /ma'lum/ (явный, известный) – /nāma'lum/ (неявный, неизвестный).

В русском языке для образования слов с противоположным значением используется префикс **не-** (*быль - небылица*), (*сильный - несильный*), (*трудный - нетрудный*).

Префикс **не-** образует существительные, называющие предмет или лицо, не совершающее, не способное совершить действие или подвергнуться действию: *незнайка, непроливайка*; отсутствие действия: *неполадка, нехватка* (*хватать – иметься в достаточном количестве*), *неувязка*; *непоседа* (от *посидеть*), *недотрога* (от *дотронуться*), *неумоя* (разг.) (от *умыться, умоются*), *неулыба* (от *улыбаться*) Данные типы слов встречаются в разговорной речи, окказионализмах: *несработка* (от *сработаться*).

Префикс **не-** можно встретить в некоторых отглагольных существительных: *неимение, непротивление, неверие; неразбериха* (разг.); *неумеха* (прост.); *невидадь и невидальщина*.

«Во многих случаях можно легко найти однокоренное слово без приставки **не-**, относящееся к другому грамматическому классу, но простое отсечение приставки создает несуществующее в языке слово: *негаданный - гадать, гадание; нелепый – лепота; нестерпёж - терпеть, терпение*».

Некоторые слова с приставкой **не-** в русском языке потеряли исходные формы, например: *нельзя, немножко, неумоготу, непролазный, неожиданный* и др.

Как отмечает В.В. Баранов, «русский язык не обладает собственным префиксом, выражающим процесс лишения предмета его признака или качества» (Баранов 1996. 18).

По этой причине в русскую словообразовательную систему вошли заимствованные приставки, указывающие на отсутствие у предмета определенного качества, признака или свойства (**а-**, **дис-**, **лже-**, **псевдо-**, **анти-**, **контр-** и др).

Префикс **а-** называет явление, характеризующееся отсутствием того, что названо мотивирующим словом (*ритм – аритмия, тон – атония*), употребляется в медицинских терминах.

Приставка **дис-** отличается от приставки **не-** (отрицающей качество или признак предмета, ср.: *негармония — дисгармония, непропорция — диспропорция*) тем, что указывает на отсутствие у предмета определенных качеств или свойств путем указания на несоответствие, расхождение с теми или иными качествами и свойствами, например, в слове гармония помимо отсутствия качества гармонии, приставка **дис-** также указывает на несходство, расхождение с данным качеством.

Заимствование приставки **дис-** способствовало обогащению словарной системы русской языка единицей, обладающей семантикой, не присущей русской приставке, хотя и не явилась словообразовательным средством. В современном русском языке слова с приставкой **дис-** используются лишь в терминологии (*диспропорция, дисбаланс, диссимметрия*).

В словообразовании персидского дари также *используются* префиксы **/ba-**, **/be-**, образующие новые формы глагола с оттенком необходимости: */benef inad/* (пусть сядет), */bemānad/* (пусть останется) и */berizand/* (пусть выльют), */nehādan/* (положить) – */banahādan/* (пусть положит), */bebāyad dānest/* (необходимо знать).

Модальное слово /bāyad/ (должен, следует, необходимо) употребляется перед глаголом. Данное явление наблюдается и в русском языке, ср.: /bāyad barxāst/ – необходимо подняться, /bāyad bardāf t/ – должен поднять.

Префикс /ba-/ образует причастие и прилагательные от абстрактных существительных (Хаджари 1998. 86-89): /bazudi/ (вскоре), /baāhistagi/ (медленно), /baqāyat/ (весьма, очень), /batadrij/ = /tadrijan/ (постепенно).

Причастия, образованные с помощью префикса /be-/ , не следует путать с повелительной формой глагола: /besāz/ (от /sāzgār/ (подходящий) – /besāz/ (строй), /bezan/ (тот, кто хорошо бьет).

Префикс /bā-/ образует от абстрактных существительных имена прилагательные и наречия: например, /bāsalāmat/ (здоровый), /bālazzat/ (вкусный), /bāxatar/ (опасно), /bātalāf / (старательно), /bāustoxān/ (костлявый), /bāma'zarat/ (вредный) (Бахар 1994. 91-92).

Префиксы /bā-/ и /ba-/ могут взаимно заменять друг друга, например, /bačaye bāadab;baadab/ (воспитанный мальчик), /ādame bāandif e;baandif e/ (рассудительный человек).

Префикс /bā-/ образует качественные прилагательные, обозначающие признак предмета: /fekre bāma'ni/ (разумная мысль), /dānae bābarakat/ (плодородное семя).

Префикс /bār-/ имеет значение обладания предметом или лицом каким-либо признаком или качеством, например: /suxanhaye bardoruq/ (ложные слова), /taf viqe barziyād/ (излишняя пропаганда), /aqle barkamāl/ (развитый ум).

Префикс /bāz-/ является продуктивным аффиксом, указывает на повторное выполнение действия (Фаршидвард 2009. 94–95). В пехлеви употребилась форма /āpāč/, в авестийском – /āpāk/, в среднеперсидском - /ābāz/ (сначала, заново, опять).

Префикс /bāz-/ реализует значение «периодически повторяющееся действие, указанное в корне», например: /bāzguftan/ (повторить), /bāzāvandan/

(вернуть), /bāzgereftan/ (забрать), /bāzdidkardan/ (встречаться), /bāzxāstan/(отозвать), /bāzpas/(обратно), /bāzāmadan/ (возвращаться/ вернуться), /bāz f enāxtan/ (сознавать). В русском языке данное значение передается с помощью приставок **на-, пере-** (наводит, навозит, начесать; пересказать).

Как отмечает М. Бахар в книге /*sabk f enāsi*/, префикс /bāz-/ в древности имел несколько значений: «назад», «наоборот», «повторное действие». Как и некоторые другие префиксы, он изменяет значение глагола: ср.: /xāstan/ (хотеть, просить) - /bāzxāst/ (отзыв) (Бахар 1994. 341–343].

Префикс /bāz-/ усиливает значение глагола, который принимает новый смысловый оттенок, ср.: /ga f tan/ (ходить) – /bāzga f tan/(вернуться), /istādan-bāzistādan/(останавливаться); /bārad/(имеет, держит) – /bāzbārad;kardan/(делать, совершать действие) – /bāzkardan(az f ir)/ (отлучить (от груди), /āmadan/ (идти) – /bāzāmadan/(возвращаться).

Префикс /bāz-/ присоединяясь к глагольной основе, образует новый глагол со значением «повторного действия», например, /āmadan/ (приходить, прийти) – /bāzāmadan/(вернуться), /dā f tan/(владеть, иметь) – /bāzdā f tan/ (препятствовать, удерживать), /istādan/(стоять) – /bāzistādan/ (остановиться).

Иногда префикс /bāz-/ используется для усиления значения (бозпасоварандан). Также префикс /bāz-/ может выступать в качестве синонима префикса /bar-/ , например: /bāzga f tan – bargaf tan/ (вернуться, возвращаться).

Префикс /par- /, в древнеперсидском использовалась форма /pari/, в авестийском -/piri/ (окружение): /parākanda f udan/ (рассеиваться, рассыпаться).

Префикс /do f /, в пехлеви – /du f /, в авесте – /du f -, duzh-/ , в санскрите – /dur-, dus-, du f /, имеет следующие значения: /duru f ti/ (жесткость), /duru f / (правильно, хорошо). Например, слово /du f man/ (du f (плохо) + man (от

«*manif*» (природа, характер) употребляется в значении «плохая натура», «плохой характер».

В современном персидском языке вместо слова /*duʃ xār*/ употребляется форма /*duʃ vār*/ (трудный), состоящий из /*duʃ*/ (грубый, некрасивый) и /*vār*/ (трудный). В словаре Муина встречается форма /*duzhvār*/.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод, что с древних времен по настоящее время одним из способов словообразования является использование аффиксов. В разные исторические периоды отмечается лишь разница в степени употребления аффиксов и изменение их значений.

Как показывает анализ персидских дари и русских глаголов, префиксальный способ – является продуктивным при образовании как существительных и прилагательных, так и при образовании глаголов. В обоих рассматриваемых языках приставки выполняют две функции: грамматическую и лексическую. Как нам кажется, изучение семантики приставок необходимо проводить в тесной взаимосвязи между глагольными основами и приставками. Проведенный анализ позволяет предположить, что описание приставочных глаголов позволит найти в будущем оптимальный способ семантизации как персидских дари, так и русских приставочных глаголов для персоязычных учащихся.

Литература

- 1- Азизова М.Э. (2004). *Способы передачи русских глаголов с приставкой за- на таджикский язык*. дис. канд.филол.наук. Душанбе. ТГПУ .
- 2- Баранов, В.В. (1996). *История словообразования префиксальных существительных в русском языке XVIII-XX вв. (на материале производных с приставками анти-, контр-, против-, де-/дез-, дис-, а-, лже-, псевдо-, квази)*. дис. канд.филол.наук. Москва. Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

- 3- Бахар, Мохаммадтаги (1994). *Сабкшенаси* [Стилистика], том 1, Тегеран. Изд-во «Амир Кабир». 467 с.
- 4- Волохина Г.А., Попова З.Д. (1994). *Русские приставочные глаголы и их значения: Учебное пособие для практ. Занятий*. Воронеж:1. Изд-во «ВГУ».
- 5- Джурджани Сейид Исмаил. (1987). *Захираи Хорезмшахи* (Сокровищница Хорезмшаха). Тегеран. Изд-во «Анджоман Асари милли».
- 6- Засухина Т.П. (1992). *Пространственная семантика предлогов, приставок и падежей в современном русском языке*. дис. канд.филол.наук. Екатеринбург. Уральский государственный университет им. А.М. Горького.
- 7- Иванова Н.С. (1999). *Семантика русских глагольных приставок в префиксальном словообразовании: На материале ЛСГ глаголов трудовой деятельности*. Дис. ... канд. филол. наук. Москва. Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина.
- 8- Кронгауз М.А. (1998). *Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика*. Москва. Изд-во «Школа Языки русской культуры».
- 9- Кутина Л.Л. (1990). К вопросу о неославянизмах с приставкой низ- в русском языке XVIII века // *Развитие словарного состава русского языка XVIII века. : вопросы словообразования*. Ленинград. «Наука». - С. 99-113.
- 10- Мешкато-Дини, Мехди (2009). *дастур-э забан-е-фарси; важиган ва пейвандхае сахти* [Персидская грамматика; лексические категории и слияния], 4-е издание, Тегеран. Изд-во «Организация по изучению и составлению гуманитарных книг вузов – САМТ». 247 с.
- 11- Морковкин В.В. (1981). Лексическая многозначность и некоторые вопросы лексикографической интерпретации // *Русский язык: Проблемы художественной речи, Лексикология и лексикография*. Москва, Изд-во «Наука», С.45-67.
- 12- Нател Ханлари Парвиз (1975). *тарих-е забан-е фарси* [История персидского языка]. Тегеран. Изд-во «Боняд-е фарханг-е Иран».
- 13- Нисори Ходжа Хасан (1998). *Четыре цветника /Нисари Ходжа Хасан [Чохор гулзор]*. –Душанбе. Изд-во «Шарқи Озод». -119 с.
- 14- Падучева Е.В. (2002). Дейктические компоненты в семантике глаголов движения // *Логический анализ языка. Семантика начала и конца*. Москва, Изд-во «Индрик», - С. 121-136
- 15- Почтарева О.В. (2001). *Производные со значением аннулирования в современном русском языке*, автореферат дис. канд. филол. наук. Тюмень. ТюмГУ.
- 16- Спагис, А.А. (1969). *Парные и непарные глаголы в русском языке*. Москва. Изд-во «Просвещение».

- 17- Фаршидвард Хосро (2009). *Дастури мухтасар эмуруз бар паяи забаниеноси джадид* [Современная краткая грамматика на основе новой лингвистики], Тегеран. Изд-во «Сохан». 414 с.
- 18- Хаджари Зийеддин (1998). *Фарханг-э вандхайе забан-е-фарси* [Словарь приставки и суффиксы в персидском языке], Тегеран. Изд-во «Авайе Нур». 326 с.
- 19- Щерба Л.В. (1974). О частях речи // *Языковая система и речевая деятельность*. Ленинград. Изд-во «Наука» - С.79-121.

Bibliography

- 1- Azizova M.E. (2004). *Sposoby peredachi russkih glagolov s pristavkoy za- na tadzhikskiy yazyk*. dis. kand.filol.nauk. Dushanbe. TGPU .
- 2- Baranov, V.V. (1996). *Istoriya slovoobrazovaniya prefiks'al'nyh suschestvitel'nyh v russkom yazyke XVIII-XX vv. (na materiale proizvodnyh s pristavkami anti-, kontr-, protivno-, de-/dez-, dis-, a-, lzhe-, psevdo-, kvazi-)*. dis. kand.filol.nauk. Moskva. Institut russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova RAN.
- 3- Bahar, Mohammadtagi (1994). *Sabkshenasi* [Stilistika], tom 1, Tegeran. Izd-vo "Amir Kabir". 467 s.
- 4- Volohina G.A., Popova Z.D. (1994). *Russkie pristavochnye glagoly i ih znacheniya: Uchebnoe posobie dlya prakt. Zanyatiy*. Voronezh:1. Izd-vo "VGU".
- 5- Dzhurdzhani Seyid Ismail. (1987). *Zahirai Horezmshahi* (Sokrovischnica Horezmshaha). Tegeran. Izd-vo "Andzhoman Asari milli".
- 6- Zasukhina T.P. (1992). *Prostranstvennaya semantika predlogov, pristavok i padezhey v sovremennom russkom yazyke*. dis. kand.filol.nauk. Ekaterinburg. Ural'skiy gosudarstvennyy universitet im. A.M. Gor'kogo.
- 7- Ivanova N.S. (1999). *Semantika russkih glagol'nyh pristavok v prefiks'al'nom slovoobrazovanii: Na materiale LSG glagolov trudovoy deyatel'nosti*. Dis. ... kand. filol. nauk. Moskva. Gosudarstvennyy institut russkogo yazyka im. A.S. Pushkina.
- 8- Krongauz M.A. (1998). *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika*. Moskva. Izd-vo "Shkola Yazyki russkoy kul'tury".
- 9- Kutina L.L. (1990). К вопросу о neoslavnyanizmah s pristavkoy niz- v russkom yazyke XVIII veka // *Razvitie slovarnogo sostava russkogo yazyka XVIII veka. : voprosy slovoobrazovaniya*. Leningrad. Izd-vo "Nauka". - S. 99-113.
- 10- Meshkato-Dini, Mehdi (2009). *dastur-e zaban-e-farsi; vazhigan va peyvandhae sahti* [Persidskaya grammatika; leksicheskie kategorii i sliyaniya], 4-e izdanie, Tegeran. Izd-vo "Organizaciya po izucheniyu i sostavleniyu gumanitarnykh knig vuzov – SAMT". 247 с.

- 11- Morkovkin V.V. (1981). Leksicheskaya mnogoznachnost' i nekotorye voprosy leksikograficheskoy interpretacii // *Russkiy yazyk: Problemy hudozhestvennoy rechi, Leksikologiya i leksikografiya*. - Moskva, - S.45-67.
- 12- Natel'hanlari Parviz (1975). *tarih-i zaban-e farsi*, tom 1; Iran, Tegeran.
- 13- Nisari Hodzha Hasan (1930). *Chetyre cvetnika* / Hodzha Hasan Nisari; per. Grishin M. Bektasha V. – Tashkent. - 20 c. (na tadzh. yaz.).
- 14- Paducheva E.V. (2002). Deykticheskie komponenty v semantike glagolov dvizheniya // *Logicheskij analiz yazyka. Semantika nachala i konca*. Moskva, - S.
- 15- Pochtareva O.V. (2001). *Proizvodnye so znacheniem annullirovaniya v sovremennom russkom yazyke*, avtoreferat diss. kand. filol. nauk.
- 16- Spagis A.A. *Parnye i neparnye glagoly v russkom yazyke*. M.: "Prosveschenie", 1968.
- 17- Farshidvard Hosro (2009). *Dasturi muhtasar emruz bar payai zabanshinosi chadid, 'sohan Izdatel'stvo'*, Tegeran 414 s.
- 18- Hadzhari Ziyeddin (1998). *Farhang-e vandhaye zaban-e-farsi*, entesharat "Avaye Nur", Tegeran. 326 s.
- 19- Scherba L.V. (1974). O chastyah rechi // *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'*. L., - S.79-121.

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Ахмади, З., Мухаммадбеги Косвои, М., & Хаитова, Ш. (2019). Comparative Analysis of Derivational Prefixes of Dari Persian and Their Russian Equivalent. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 187-205.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.187

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/87>

The Problem of Translation of Persian-Tajik Philosophical Lyric Poetry into Russian Language

Sultonov Alisher Hisainovich¹

student of Rybinsk State Aviation Technical University named after P.A.Solovyov,
Rybinsk, Russia.

Rebrova Nataliya Evgenyevna²

старший преподаватель кафедры иностранных языков РГАТУ им. П.А.
СОЛОВЬЕВА
Rybinsk, Russia.

(date of receiving: February, 2019; date of acceptance: May, 2019)

Abstract

The article examines problems of translating of Persian-Tajik philosophical lyricism into Russian language as far as linguocultural aspect is concerned. The reason why this process can be complicated is explained by the necessity to express properly the cultural information which personal names, toponyms, ethnographic and social realities as well as metaphors and symbols. It is the interpretation of this information that is of primary importance for the proper understanding of the whole poem. The examples given show that there are different ways of translation such words into Russian language. Transcription, usage of the Russian synonym or equivalent, the method of the description are the most important of them. The comparison of different ways of translation let's make a conclusion about the most suitable ones. Thus, while translating Persian-Tajik poetry into Russian one should make not only lexical, grammatical or syntactical transformations but also the translation of cultural, historical and ethical information must be taken into consideration.

Keywords: Linguoculturological Aspect of Translation, Transformation, Non-Equivalent Vocabulary, Reality, Anthroponym, Persian-Tajik Lyric.

---

1. E-mail: alisultan1601@gmail.com

2. E-mail: natasharebrova@rambler.ru

Проблема перевода персидско-таджикской философской лирики на русский язык

Султонов Алишер Хисайнович¹

Студент, РГАТУ им. П.А. Соловьева,
Рыбинск, Россия.

Реброва Наталия Евгеньевна²

Старший преподаватель кафедры иностранных языков РГАТУ им. П.А.
Соловьева,
Рыбинск, Россия.

(дата получения: февраль 2019 г.; дата принятия: май 2019 г.)

Аннотация

В настоящей работе рассматриваются проблемы перевода персидско-таджикской философской лирики на русский язык, прежде всего, их лингвокультурологический аспект. Одной из причин, по которой перевод персидско-таджикской поэзии на русский язык представляет значительные трудности, является необходимость адекватной передачи культурно-этнических смыслов, содержащихся в антропонимах, географических, этнографических и общественно-политических реалиях, метафорах и символах, адекватное восприятие которых важно для правильного понимания смысла всего произведения. В статье приводятся примеры различных способов перевода таких единиц на русский язык – транскрипция, использование русскоязычного эквивалента, использование атрибутивных конструкций с уточняющими словами. В результате сопоставления различных вариантов перевода на русский язык делается вывод об оптимальных способах передачи заложенного в лирике смысла. Таким образом, при переводе персидско-таджикской поэзии необходимо осуществлять не только лексико-семантические, грамматические и синтаксические трансформации, но и реализовать передачу лингвоэтнической и лингвокультурологической информации. Иными словами, необходим не только подбор точных языковых средств, но и трансляция культурных, исторических и морально-этических сведений, содержащихся в исходном языке.

Ключевые слова: Лингвокультурологический Аспект Перевода, Трансформации, Безэквивалентная Лексика, Реалии, Антропоним, Персидско-Таджикская Лирика.

---

1. E-mail: alisultan1601@gmail.com

2. E-mail: natasharebrova@rambler.ru

Введение

Классическая персидско-таджикская философская лирика достаточно широко представлена в русской переводческой практике. Русскоязычному читателю известны имена персидских и таджикских поэтов классического периода: Рудаки, Фирдоуси, Саади, Хафиза, Джами и др.

Однако наибольшим интересом и востребованностью как среди читателей, так и среди переводчиков пользуется творчество персидского философа, математика и поэта Омара Хайяма. Стоит отметить, что его философские рубаи переводились на русский язык более чем пятьюдесятью литераторами, что свидетельствует о сложной смысловой нагрузке и стилистическом своеобразии этой поэтической формы. Множественные варианты перевода рубаи обусловлены необходимостью как можно точнее передать не только семантику, но и культурные коннотации лирических произведений.

Целью настоящей работы является анализ основных проблем, с которыми сталкиваются переводчики философских рубаи О. Хайяма, а также исследование путей их решения.

Основная часть

Полагаем, что данные проблемы обусловлены целой совокупностью факторов, среди которых можно выделить собственно лингвистические, экстралингвистические и лингвокультурологические.

К **собственно лингвистическим** факторам стоит отнести, прежде всего, своеобразное построение стиха с точки зрения ритма и рифмы: так, рубаи представляют собой афористичные четверостишия, в которых рифмуются первая, вторая и четвертая строки, реже все четыре строки. Не случайно один из первых переводчиков рубаи Л. Некора отмечал, что на русский язык нельзя «адекватно передать внешнюю форму рубаи, метрический размер Хайяма» (Хайям 2015. 9). Часто поэты-переводчики жертвовали стихотворным ритмом оригинала, отдавая предпочтение смысловой точности рубаи. Так, первый

переводчик рубаи на русский язык В.Л. Величко передавал смысл исходных четверостиший, используя «разные по количеству строк и способу рифмовки стихотворения» (Хайям 2015. 9).

Кроме того, к собственно лингвистическим трудностям перевода целесообразно отнести несоответствие между грамматическими категориями исходного языка и языка перевода: так, в таджикском языке отсутствует эксплицированная категория рода имен существительных, что необходимо компенсировать при переводе на русский язык.

К **экстралингвистическим** факторам, затрудняющим перевод рубаи, относится, во-первых, факт наличия большого количества источников, с которых осуществляется перевод, что неизбежно приводит к разночтениям и искажениям текста. И. Голубев подчеркивает, что «разночтения охватывают широкий спектр искажений текста: от замен слов синонимами – до перестановки пар строк; от ошибок, порожденных неразборчивостью переписываемого текста, – до сознательных переделок, смягчающих резкость оригинала» (Хайям 2008. 10).

Во-вторых, несмотря на большое количество переводчиков философской поэзии О. Хайяма, лишь малая их часть работали непосредственно с языком оригинала, остальные же пользовались русскоязычными подстрочниками (В. Державин, Г. Плисецкий и пр.). В результате игнорировались мелкие детали и речевые нюансы и, как следствие, это приводило к понятийной неточности перевода и утрате глубокого философского смысла рубаи.

Наконец, перевод персидско-таджикской поэзии осложнен **лингвокультурологическими** факторами, под которыми мы понимаем те различия и противоречия в системе моральных ценностей, нравственных установок, религиозных убеждений, которые имеют место в персидской и русской лингвокультурах. К лингвокультурологическим факторам стоит также отнести бытовые, географические, этнографические и социальные

особенности нации. Все это приводит к необходимости адекватной передачи культурно-этнических смыслов, содержащихся в антропонимах, географических, этнографических и общественно-политических реалиях (экзотизмах). Исследователь перевода таджикской прозы на русский язык З.А. Муллоджанова отмечает, что «выражая одну из важных черт национальной специфики художественного произведения, реалии представляют собой определенную трудность для переводчика, потому что они конкретны и их надо переводить конкретно, не заменяя их иноязычными реалиями; в противном случае произведение утрачивает существенную часть своего национального своеобразия, своей познавательной ценности» (Муллоджанова 2014. 170).

В настоящей работе рассматривается именно лингвокультурологический аспект перевода на русский язык рубаи О. Хайяма. Прежде всего, мы остановимся на таких вопросах как специфика перевода на русский язык лексем концептосферы «алкоголь», передача антропонимов, символов и безэквивалентной лексики (экзотизмов).

Одним из факторов успешного художественного перевода несомненно является верное представление литератора о том, какое место в языке перевода имеет тот или иной концепт.

Так, известно, что понятие «вино» в персидской и русской лингвокультурах занимает неодинаковое место на аксиологической шкале ценностей. П.Г. Логинова отмечает, что в русском обществе «винопитие было и остается по сей день неразрывно связанным с такими понятиями, как «загул», отсутствие меры и самоконтроля, грубость, незнание норм этикета и самоконтроля, и, как следствие, правил потребления вина» (Логинова 2017. 144).

Напротив, в персидской и таджикской лингвокультурах в целом и в поэзии О. Хайяма в частности, «вино означает и истинные ценности Бытия, и поток

живых страстей, и течение времени, замертво валящего абсолютно всех» (Аникина 2017).

Результатом дословного перевода лексемы *вино*, означающей несоответствующее по своим коннотациям понятие, является искажение смысла рубаи, нарушение его основной идеи.

Рассмотрим следующее рубаи:

*Бо бода нишин, ки мулки Маҳмуд ин аст,
В-аз чанг шунав, ки лаҳни Дову ин аст.
Аз омадаву рафта дигар ёд макун,
Ҳолӣ хуш бош з-он, ки мақсуд ин аст.*

В переводе Г. Плисецкого данное рубаи выглядит следующим образом:

*Пей вино, ибо радость телесная в нем.
Слушай чанг, ибо сладость небесная в нем.
Променяй свою вечную скорбь на веселье.
Ибо цель, никому не известная в нем.*

Прежде всего, обращает на себя внимание тот факт, что в русском переводе не упоминаются имена мусульманских пророков Мухаммеда (Махмуд) и Довуса (Дов), что не представляется корректным, поскольку и Мухаммед и Довус являются центральными фигурами в исламе. Полагаем, что в результате этого опущения искажается философско-религиозный смысл этого рубаи.

Г. Плисецкий рассматривает вино как напиток, одну из традиционных земных радостей, однако дословный перевод первой строчки рубаи звучит как *Пей вино, ибо народ Мухаммеда его пьет*. Иными словами, вино – это то, что характерно для всех мусульман. Маловероятно, что автор подразумевал именно алкогольный напиток, поскольку в исламе вино запрещено и не может считаться привычкой *народа Мухаммеда* (т.е. людей, почитающих ислам).

Логично предположить, что в лексему *вино* О.Хайям вкладывает более глубокий смысл, подразумевая под ним то, что может сделать человека истинным мусульманином – молитва, любовь к Аллаху.

Аналогичная подмена понятий наблюдается и при переводе второй строки. Г. Плисецкий упоминает лишь музыкальный инструмент чанг, однако использование в оригинале имени пророка Довуса носит аллюзивный характер и напоминает нам о необыкновенном голосе этого пророка, способном исцелять болезни. Таким образом, под призывом слушать чанг также предполагается обращение к исламу. Иными словами, автор воспевает именно любовь к Аллаху, а не к земным радостям, как следует из русского перевода.

Не вполне корректным представляется русскоязычная интерпретация следующего рубаи:

*Имрӯ з, ки Одина мар ӯ ро ном аст,
Май нӯш кун аз қадаҳ, чӣ чои ҷом аст?
Ҳар рӯ з агар як қадаҳи май хӯ рдӣ,
Имрӯ з ду хӯр, ки сайидулайём аст.*

В данном рубаи неслучайно упоминается пятница, поскольку это самый почитаемый день в исламе, день, когда молитва имеет особое значение. Слово *пятница* (*Одина*) несет в себе важную культурную коннотацию, которую легко могут воспринять представители персидской лингвокультуры, однако которая может оказаться недоступна для русскоязычного читателя.

Рассмотрим перевод данного рубаи О. Румером:

*Сегодня пятница: поэтому смени
На чашу кубок твой, а ежели все дни
И так из чаши пьешь, удвой ее сегодня:
Священный этот день особо помяни.*

С одной стороны, переводчик делает попытку восполнить недостаток лингвокультурной информации, используя перифраз *священный день* для характеристики пятницы. С другой стороны, у читателя может сложиться неверное впечатление, что О. Хайям призывает всех верующих пить алкоголь именно в пятницу, что в корне противоречит философии ислама. Логично предположить, что в оригинале лексемы *чаша*, *кубок*, *пить* используются в метафорическом, переносном значении и символизируют молитву, которую по пятницам необходимо читать особенно усердно. Еще раз отметим, что в силу различного отношения к алкоголю в русской и персидской лингвокультурах, а также в связи с незнанием многих традиций мусульманской религии, смысл перевода данного рубаи может неверно восприниматься русскоязычными читателями.

В продолжение темы о различной трактовке концепта *вино* в рассматриваемых лингвокультурах интересен будет анализ перевода следующего рубаи:

*Як даст ба Мусхафему як даст ба ч ом,
Гаҳ назди ҳалолему гаҳе назди ҳаром.
Моем дар ин гунбади фирӯ зарухом,
Не кофари мутлак, на мусалмони тамом.*

Сравним его с интерпретацией Н. Стрижкова:

*Держит чашу рука, а другая – Коран:
То молюсь до упаду, то до смерти пьян.
Как лишь терпит нас мраморный свод бирюзовый –
Не кафиры совсем, не совсем мусульман.*

В целом, стоит отметить, что переводчику удалось передать основную философскую идею рубаи – ни один человек не может считаться абсолютно безгрешным и благочестивым и рано или поздно совершает неугодные Аллаху

поступки. Обращает на себя внимание семантическая трансформация, сделанная переводчиком – вместо гиперонимов *благодетель* (*халолем*) и *грех* (*харом*) используются соответственно более конкретизированные выражения *молюсь до упаду* и *до смерти пьян*. Употребление данных гиперболизированных идиом хотя и передает содержание оригинала в несколько искаженном виде, но в тоже время делает его более понятным именно для русского читателя. Как отмечают многие лингвокультурологи, русской этнической ментальности свойственно стремление во всем доходить до крайности, до предела возможного (Хроленко 2009. 53), что вполне объясняет использование выражение *до смерти, до упаду*, которых нет в языке оригинала.

Таким образом, становится очевидно, что адекватный перевод и восприятие рубаи невозможно без учета ментальных и культурных особенностей носителей языка оригинала. В то же время, нередко переводчик ориентируется прежде всего на менталитет той нации, на язык которой будет осуществлен перевод.

Следующим аспектом, затрудняющим перевод и правильную интерпретацию философского смысла рубаи является передача реалий, (безэквивалентной лексики или экзотизмов). К ним относятся «бытовые и производственные, географические и этнографические, общественные и исторические реалии и т.д.» (Муллоджанова 2014. 170).

Широко представленная в исходном языке рубаи безэквивалентная лексика по-разному интерпретируется при переводе на русский язык. З.А. Муллоджанова справедливо подчеркивает, что «перевод подобных реалий на русский язык невозможен в силу того, что они сугубо национальны и не имеют соответствующих эквивалентов в русском языке, в быту русского народа» (Муллоджанова 2014. 171).

Традиционно основным способом передачи экзотизмов служит транскрипция. Как отмечает И.С. Алексеева, транскрипция является способом «создания в тексте национального колорита, так как она позволяет ввести в

текст звуковые подоби́я иностранной речи» (Алексеева 2004. 182). В тоже время, исследователь признает, что «слово-экзотизм обладает полностью затемненной формой, и его семантика может выявиться только через контекст» (Алексеева 2004. 182).

Рассмотрим, каким образом интерпретируется встречающаяся в рубаи безэквивалентная лексика при переводе на русский язык.

Широко распространенная в рубаи О. Хайяма лексема *саки* (*виночертий, кравчий*) чаще всего остается при переводе в своей исходной форме (см. переводы В. Державина, Н. Тенигина, Х. Манувахова, Н. Стрижкова); семантика незнакомого для русского читателя слова чаще всего при этом разъясняется в специальных комментариях в конце книги или ссылок. Однако в этом случае теряется значительная доля лингвокультурологической информации, содержащейся в данной единице. Так, «суфийская трактовка призывает видеть в виночерпии то религиозного наставника, то самого Аллаха» (Хайям 2016. 74).

Как отмечают исследователи творчества О. Хайяма, образ саки является одним из ключевых в рубаи и воплощает в себе значительный философский смысл – это не просто слуга, подносящий вино, скорее это «образ Времени, доливающего кубок поэта до роковой черты» (Хайям 2016. 75).

Интересным в этом отношении представляется перевод данной лексемы посредством русскоязычного эквивалента *виночертий, кравчий* в виде атрибутивных конструкций, отчасти сохраняющих аллегорическую составляющую данного образа, например *бессмертный кравчий* (пер. О. Румера), *виночертий жизни* (пер. И. Тхоржевского).

Большую часть экзотизмов в рассматриваемых рубаи составляет безэквивалентная лексика, обозначающая реалии, связанные со спецификой исламской религии, например:

Гар гул набувад насиби мо, хор бас аст

В-ар нур ба мо намерасад, нор бас аст.

В-ар сабҳаву саҷ ч одаву шайхӣ набувад,

Ноқусу калисиёву зуннор, бас аст.

В этом рубаи можно выделить следующую безэквивалентную лексику, обозначающую отсутствующие в русской культуре понятия: *зуннор* (грубый волосяной пояс, который в средние века носили иноверцы), *шайхӣ* (почетный титул мусульманских религиозных лиц), *сабҳа* (субха, применяемые в исламе четки), *саҷ ч ода* (молитвенный коврик).

Рубаи строится на стилистическом приеме антитезы – цветок (*гул*) противопоставлены шипу (*хор*), божественный свет (*нур*) – адскому огню (*нор*), понятия, свойственные исламской религии (*шейх*, *молельный коврик*, *субха*) противопоставлены понятиям иной, немусульманской веры (*пояс иноверцев*, *православная церковь с колокольным звоном*).

Рассмотрим данное рубаи в переводе В. Микрюкова:

Коль роз не будет, хватит и шипов,

Свет не прольется – хватит и костров,

Коль ханаки нет, рубища и шейха –

Зуннара хватит и колоколов.

Обращает на себя внимание тот факт, что заложенный автором смысл передан не вполне корректно, вследствие чего в русском варианте рубаи прием антитезы уже не прослеживается так четко. Так, во второй строке отсутствует противопоставление божественного света и адских костров – слова *свет* и *костер* не воспринимаются в русском языке как антонимы. Вероятно, это связано с тем, что *нур* является понятием, присущим исключительно исламской религии и не имеет эквивалентов в русском языке.

При передаче лексем, обозначающих реалии мусульманской религии и культуры, переводчик делает ряд трансформаций. Так, вместо слов *субха* и *молельный коврик* используются лексемы *ханака* (обитель дервиша) и *рубище* (одеяние дервиша). Подобные изменения не представляются целесообразными

– вряд ли русскоязычный читатель сможет интерпретировать данные лексемы как реалии одного из основных направлений ислама, суфизма; внутренняя форма слова *ханака* является затемненной, а лексема *рубшице*, используемая в русском языке для обозначения ветхого, убогого одеяния не вызовет у представителя русской лингвокультуры ассоциаций с исламом. При переводе четвертой строки В. Микрюков неоправданно, на наш взгляд, опускает слово *калиси (церковь)*, но оставляет слово *зуннар*, вряд ли знакомое русскоязычному читателю. Таким образом, содержащиеся в третьей и четвертой строках соответственно слова *рубшице* и *зуннар* не позволяют создать впечатление противопоставления понятий двух культур. Оптимальным было бы сохранение лексемы *молельный коврик* и *церковь*, а также опущение лексемы *зуннар* или замена ее словом, обозначающим реалии христианской культуры.

В некоторых случаях перевод общеупотребительной лексики оказывается затруднительным в силу той лингвокультурологической информации, которая в ней содержится. Рассмотрим следующий пример:

Хафтоду ду миллатанд дар дин каму беи,

Аз миллатҳо шиқи Ту дорам дар пеи.

Чи куфру чи ислом, чи тоат, чи гуноҳ,

Мақсуд Туӣ баҳона бардор аз пеи.

Использованное в первой строке числительное *хафтоду ду* неслучайно и аккумулирует в себе определенную лингвокультурологическую информацию, связанную с исламской религией. Считается, что в исламе есть семьдесят три течения, но лишь одно является истинным и спасется от ада. Логично предположить, что в данном рубаи идет речь об остальных семидесяти двух направлениях. В русском переводе Г. Плисецкого данное число пропущено и строка звучит как *Много сект насчитал я в исламе*. Очевидно, что данная трансформация осуществлена по нескольким причинам. Во-первых, число *семьдесят два* без каких-либо пояснений вызвало бы недоумение у русскоязычного читателя и нарушило бы эстетическое восприятие рубаи. Во-

вторых использование числительного, состоящего из двух слов, затруднило бы соблюдение стихотворного ритма и размера рубаи, поэтому в данном случае считаем данную трансформацию абсолютно оправданной.

Определенный национально-специфический компонент, который несомненно должен быть учтен при переводе, содержится в наименованиях животных, птиц, растений и прочих лексемах, служащих для аллегорической передачи абстрактных понятий добра и зла, радости и грусти и пр. Доказательством этого факта служит выбор оптимальных языковых средств при переводе на русский язык следующего рубаи:

Он қаср, ки бар чарх ҳамезанад паҳлу,

Бар дарғаҳи ӯ шаҳон ниҳодандӣ ру.

Дидам, ки бар кунграаш фоҳтае,

Овоз ҳамедод, ки ку-ку, ку-ку.

П. Порфи́ров при переводе третьей строки использует дословный перевод орнитонима *фоҳтае* (*горлица*) «*Горлица нахохлившись сидела*», в то время как в переводе Ц.Бану используется наименование другой птицы – кукушка: «*В развалинах кукушка куковала*». Рассмотрим, по каким причинам могла иметь место подобная трансформация.

Использованный в рубаи орнитоним не имеет никаких отрицательных культурных коннотаций в персидской лингвокультуре; в русской лингвокультуре, напротив, горлица расценивается как символ любви и дружбы. В связи с этим логично предположить, что использование оригинального орнитонима, по мнению Ц.Бану, противоречит смыслу всего рубаи – сожаление о бренности бытия, о скором течении жизни. В этом отношении весьма уместным представляется использование орнитонима *кукушка*, являющегося в русской лингвокультуре символом грусти, одиночества и вдовства; также, согласно славянским поверьям, кукушка предсказывает сколько лет осталось человеку жить.

Еще одной разновидностью лингвоэтнических реалий, представляющих сложности при переводе рубаи, являются имена собственные, прежде всего, антропонимы, в большинстве своем связанные с традициями мусульманской религии.

Традиционно их передача на язык перевода не представляет труда, поскольку, как отмечает И.А. Алексеева, чаще всего имена собственные «передаются с помощью однозначных, закрепленных в языке соответствий или с помощью транскрипций» (Алексеева 2004. 186).

Однако в случае с рубаи подавляющее число имен собственных носят аллюзивный характер, т.е. способны вызвать у носителей языка ассоциации с определенными чертами характера, событиями и пр. Так, весьма характерным для творчества О. Хайяма является упоминание имени древнеиранского царя Джемшида (*Ч амшед*), являющегося символом власти и величия в персидско-таджикской культуре в целом и в мусульманской философской поэзии в частности.

Иными словами, подобные имена собственные характеризуются определенными культурными коннотациями, правильная интерпретация которых необходима для понимания всего рубаи. Ниже рассматриваются типичные способы передачи таких антропонимов на русский язык.

В одном из рубаи упоминаются имена Ильяса и Хизра:

Гар шӯ ҳра шавӣ ба шаҳри шарунносӣ ,

Гар гӯ шанишин шавӣ ҳама васвосӣ .

Бех з-он набувад гар Хизиру Илёсӣ ,

Кас наиносад туро ту кас наиносӣ .

Очевидно, что для представителей персидской лингвокультуры данные антропонимы характеризуются исключительно положительными коннотациями, - так, Хизр является одним из героев иранского религиозного эпоса, носителем нравственного начала, направляющего людей на путь

добродетели, в то время как Ильяс является одним из главных исламских пророков. Именно использование этих антропонимов позволяет понять основную идею всего рубаи – как бы благочестив ни был человек, его всегда будут сопровождать сплетни и зависть.

У представителей русской лингвокультуры дословный перевод данных антропонимов (*Будь ты Хызр или Ильяс*) скорее всего не вызовет никаких ассоциаций. Следовательно, перед переводчиком стоит задача донести содержащиеся в данных наименованиях лингвокультурологические сведения другими средствами, а именно путем ввода в перевод рубаи дополнительных слов, по возможности поясняющих смысл данных антропонимов. Так, Н. Стрижков, стремясь подчеркнуть исключительную важность этих персонажей для мусульманской культуры вводит в перевод слово *талант* (*Будь ты талантом Хызр или Ильяс*), отсутствующее в оригинале. Наиболее удачным в этом отношении представляется перевод В. Державина, который вводит в текст перевода лексемы, максимально точно объясняющие о ком идет речь: *Будь ты даже пророк Ильяс, будь ты даже бессмертный Хызр*. Прием компенсации посредством добавления уточняющих атрибутивных элементов (*пророк, бессмертный, талант*) в текст рубаи позволяет носителям русской лингвокультуры правильно интерпретировать данные антропонимы, не прибегая к помощи комментариев.

Как уже отмечалось выше, О.Хайям нередко упоминает имя древнеиранского царя Джамшида, обладавшего чашей, на дне которой отражались происходящие в мире события. Словосочетание *чаша Джамшида* в этом случае аккумулирует в себе определенную лингвокультурологическую информацию, выступая символом мудрости, величия и власти в персидско-таджикской культуре. В. Державин при переводе данного рубаи сохраняет исходную форму данной лексемы - *Джамшида чаши лик твой краше*, однако очевидно, что содержащая в ней культурная коннотация оказывается недоступна для восприятия русским читателем.

Попытка восполнить данную коннотацию при переводе на русский язык предпринимается Г. Плисецким, в интерпретации которого данная строка выглядит как *прекрасней Иосифа ты*. Замена антропонима *Джамшид* на *Иосиф*, хотя и является искажением фактической информации, направлена на возникновение в сознании русского читателя ассоциаций с библейским Иосифом, символизирующем красоту и мудрость.

Стоит отметить, что в ряде случаев переводчики опускают имеющиеся в оригинале антропонимы.

Рассмотрим следующее рубаи:

*Ин чарх, ки бо касе намегӯ яд роз,
Кушта ба ситам ҳазор Маҳмуду Аёз.
Май хӯ р, ки ба кас умри дубора надиханд,
Ҳар касб ки шуд аз ҷ аҳон, намеояд боз.*

Н. Стрижков переводит первые две строки данного рубаи как *Тайн своих небосвод никому не открыл, Он коварно сто тысяч героев убил*. Как можно заметить в переводе отсутствуют имена Махмуда и Аяза (очевидно, речь идет о могущественном правителе Махмуде Газневиде и его рабе Аязе), вместо этого используется гипероним *герои*. Можно предположить, что данные антропонимы по мнению переводчика являются малознакомыми для русскоязычного читателя и их объяснение не возможно в рамках стихотворного размера рубаи, что и заставило Н.Стрижкова ограничиться лишь лексемой *герои*.

Заключение

Итак, успешный перевод персидско-таджикской поэзии, в частности рубаи О. Хайама, невозможен без тщательного анализа лексики, содержащей разнообразную лингвокультурологическую информацию. Это могут быть как общеупотребительные лексемы, значение которых необходимо

интерпретировать исходя из места обозначаемого ими концепта в той или иной лингвокультуре, так и безэквивалентная лексика, антропонимы, а также лексика, выступающая в качестве символов абстрактных понятий.

Анализ переводов рубаи, выполненных различными литераторами, демонстрирует отсутствие единых способов передачи вышеназванной лексики на русский язык. Среди наиболее оптимальных стоит выделить приемы компенсации, транскрипции, а также описательный перевод.

Таким образом, при переводе персидско-таджикской поэзии необходимо осуществлять не только лексико-семантические, грамматические и синтаксические трансформации, но реализовать передачу лингвоэтнической и лингвокультурологической информации. Иными словами, важен не только подбор точных языковых средств, но и трансляция культурных, исторических и морально-этических сведений, содержащихся в исходном языке.

Литература

- 1- Алексеева И.С. (2004), *Введение в переводоведение*, Москва, Издательский центр «Академия».
- 2- Аникина О. *Омар Хайям вино не воспевал*, Режим доступа: <https://www.pravda.ru/culture/literature/forliterature/13-03-2007/216175-omar-0/> (Дата последнего обращения: 9.02.2018).
- 3- Логинова П.Г. (2017), *Языковая манифестация лингвокультурного концепта «Вино»: фразеологический аспект (на материале французского, итальянского, испанского, английского и русского языков)*, Дисс. ... канд. филол.наук, Москва, РУДН.
- 4- Муллоджанова З.А. (2014), *Стиль оригинала и перевод*, Душанбе, Изд-во «ТНУ».
- 5- Хайём У. (2009), *Рубоиёти*, Душанбе, Изд-во «Сарредаксияи илмии Энциклопедияи Миллии Тоҷик».
- 6- Хайям О. (2008), *Рубаи. Полное собрание*, Москва, Изд-во «РИПОЛ классик».
- 7- Хайям О. (2015), *Рубайат*, Москва, Изд-во «Славянский Дом Книги».
- 8- Хайям О. (2016), *Сердце, дух и прах. Рубаи. Полное собрание*, Москва, Изд-во «РИПОЛ классик».

- 9- Хроленко А.Т. (2009) *Основы лингвокультурологии*, Москва, Изд-во «Флинта», Изд-во «Наука».
- 10- Электронный ресурс <http://www.khayyam.nev.ru/index.shtml> (Дата последнего обращения 11.02.2018).

Bibliography

- 1- Alekseeva I.S. (2004), *Vvedenie v perevodovedenie*, Moskva, Izdatel'skiy centr «Akademija».
- 2- Anikina O. *Omar Hajjam vino ne vospeval*, Rezhim dostupa: <https://www.pravda.ru/culture/literature/forliterature/13-03-2007/216175-omar-0/> (Data poslednego obrashhenija: 9.02.2018).
- 3- Loginova P.G. (2017), *Jazykovaja manifestacija lingvokul'turnogo koncepta «Vino»: frazeologicheskij aspekt (na materiale francuzskogo, ital'janskogo, ispanskogo, anglijskogo i russkogo jazykov*, Diss. ... kand. filol.nauk, Moskva, RUDN.
- 4- Mullodzhanova Z.A. (2014), *Stil' originala i perevod*, Dushanbe, Izd-vo «TNU».
- 5- Hajjom U. (2009), Rubojoti, *Dushanbe*, Izd-vo «Sarredaksijai ilmii Jensiklopedijai Millii Toç ik».
- 6- Hajjam O. (2008), *Rubai. Polnoe sobranie*, Moskva, Izd-vo «RIPOL klassik».
- 7- Hajjam O. (2015), *Rubajat*, Moskva, Izd-vo «Slavjanskij Dom Knigi».
- 8- Hajjam O. (2016), *Serdce, duh i prah. Rubai. Polnoe sobranie*, Moskva, Izd-vo «RIPOL klassik».
- 9- Hrolenko A.T. (2009) *Osnovy lingvokul'turologii*, Moskva, Izd-vo «Flinta», Izd-vo «Nauka».
- 10- Jelektronnyj resurs <http://www.khayyam.nev.ru/index.shtml> (Data poslednego obrashhenija 11.02.2018).

HOW TO CITE THIS ARTICLE

Султонов, А., & Реброва, Н. (2019). The Problem of Translation of Persian-Tajik Philosophical Lyric Poetry into Russian Language. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury*, 7(2), 207-224.

DOI: 10.29252/iarll.13.2.207

URL: <http://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/88>

مشکلات ترجمه شعر فلسفی تاجیکی-فارسی به زبان روسی

علی شیر حیسینوویچ سلطانوف^۱

دانشجوی دانشگاه دولتی فنی هوا و فضای پ.آ. سالوویف ریپینسک،
ریپینسک، روسیه.

ناتالیا یوگنیونا ریبرووا^۲

استاد گروه زبان‌های خارجی دانشگاه دولتی فنی هوا و فضای پ.آ. سالوویف ریپینسک،
ریپینسک، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

در مقاله حاضر، مسائل و مشکلات مربوط به ترجمه شعر فلسفی فارسی و تاجیک به زبان روسی به ویژه از جنبه زبانی-فرهنگی بررسی و مطالعه می‌شود. یکی از دلایلی که ترجمه اشعار تاجیکی-فارسی به زبان روسی را با مشکلاتی مواجه کرده است ضرورت برگرداندن دقیق و درست مفاهیم فرهنگی و قومی از اسامی جغرافیایی، پدیده‌های قوم‌نگاری، سیاسی اجتماعی، استعاره‌ها و نمادهای ملی است که فهم و درک کامل کافی از آنها برای فهم کل اثر ادبی بسیار ضروری است. در مقاله به شیوه‌ها و روش‌های مختلف ترجمه به زبان روسی همچون: رونویسی، استفاده از واژه معادل در زبان روسی، به کاربردن عبارات‌ها و ساختارهای زبانی با استفاده از واژگان توصیفی اشاره می‌گردد. نتایج حاصل از مطالعه تطبیقی مثال‌های مختلف ترجمه به زبان روسی بهترین و مناسب‌ترین شیوه‌های برگرداندن مفاهیم متون منظوم را به دست می‌دهد. نتایج پژوهش حاضر نشان می‌دهد که در ترجمه اشعار فارسی-تاجیکی علاوه بر برگرداندن درست واژگان و ساختارهای دستوری و نحوی زبان، لازم است که تصویر درست مضامین فرهنگی، قومی و ملی نهفته در متن اثر نیز به درستی به زبان مقصد برگردانده شود. به عبارت دیگر در ترجمه اشعار فارسی-تاجیکی به زبان روسی علاوه بر ترجمه درست و دقیق ابزارهای زبانی باید اطلاعات فرهنگی و تاجیکی و قومی موجود در زبان مبدأ نیز به درستی و دقیق برگردانده شوند.

واژگان کلیدی: بعد زبانی-فرهنگی ترجمه، برگرداندن، واژگان بدون معادل، پدیده‌ها، اسامی اشخاص، شعر فارسی-تاجیکی.

1. E-mail: alisultan1601@gmail.com

2. E-mail: natasharebrova@rambler.ru

مقایسه تحلیلی پیشوندهای اشتقاقی در زبان‌های فارسی دری و روسی

زهرا احمدی^۱

دکترای زبان‌شناسی دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه تاجیکستان

مهدی محمدیگی کاسوائی^۲

دکترای زبان‌شناسی دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه تاجیکستان

شیرین حایتووا^۳

دانشیار، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه تاجیکستان.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

در این مقاله، نویسندگان به تجزیه و تحلیل مقایسه‌ای پیشوندهای اشتقاقی در زبان‌های فارسی دری و روسی می‌پردازند، شواهد مثال از کتاب معروف «ذخیره خوارزمشاهی» اثر سید اسماعیل جرجانی گرفته شده است. نویسندگان با رویکردهای گوناگون روش‌های ساخت کلمه با استفاده از پیشوند را در هر دو زبان بررسی و مطالعه کرده‌اند. در بررسی‌ها به‌طور خاص پیشوندهای هر دو زبان از نظر ویژگی‌های معنایی - نحوی مطالعه و بررسی می‌شوند. هنگام انتخاب مثال‌ها نویسندگان با مسائل مربوط به ویژگی‌های واژگانی - معنایی افعال پیشوندی روبه‌رو می‌شوند. در تجزیه و تحلیل و بررسی‌ها مشخص شد که پیشوندهای معروف فارسی و معادل روسی آنها، شباهت معنایی دارند. گفتنی است که برخی از پیشوندهای زبان فارسی در طول تاریخ دستخوش تغییرات آوایی شده‌اند و برخی پیشوندها، که قبلاً به عنوان کلمات جداگانه استفاده می‌شدند در طول زمان، به یک تک‌واژ اشتقاقی تبدیل شده‌اند.

واژگان کلیدی: تک‌واژ، وند، پیشوند، معنی، زایا، غیرزایا، زبان فارسی، زبان روسی.

---

1. E-mail: ahmadikazahra@yahoo.com

2. Email: mahdimb@yahoo.com

3. E-mail: haitova@inbox.ru

توپوس بهشت در رمان ف.م. داستایفسکی «روستای استپانچیکووا و ساکنان آن»^۱

یلنا یوریونا سافرونووا^۲
دانشیار دانشگاه دولتی آلتایسک،
بارنائول، روسیه.

(تاریخ دریافت: دسامبر ۲۰۱۸؛ تاریخ پذیرش: مارس ۲۰۱۹)

در نگاه اول مفهوم توپوس در رمان در قالب ادیلبایی نمایان می‌گردد و شامل منظره‌ای از باغ بهشت می‌شود. اشعار باغ بهشت مضامینی چون ایدلیای خانوادگی در دامن طبیعت، احساسی بودن روابط، احساسات و گرایش‌های والا، مفهوم روشنگرایی، پرستش ظرافت و روشنگری زیباشناختی جهان هستی را در بر می‌گیرد. قهرمان اصلی اثر، سرهنگ روستائف است که «شخصیت پاک کودکانه‌ای دارد که همه انسان‌ها را فرشته می‌بیند»، «شخصیتی ذاتاً پاک و فوق‌العاده»، «با ذکاوت»؛ معشوق او ناستینکا - «فرشته» است. اما ادیلبای روستایی، مکان «بهشتی» عمارت درباری بسیار زیبایی است که در ابتدا به عنوان «کشتی نوح»، «دارالمجانین»، «تیمارستان» به‌شمار می‌آید، سپس به دلیل فرد مستبد ساکن آنجا به نام فوما آپیسکین به جهنم تبدیل می‌گردد. این «فوما ملعون» که «جادوگر، ادیب ناموفق و دچار خودخواهی ادبی شده بود» به منبع هرگونه شرارت تبدیل شده بود. توپوس بهشت در رمان دائماً به صورت هجوگونه‌ای تغییر می‌کند، به صورت طنزآمیزی هوا و هوس و آلوده شدن به گناهان، رستگار شدن و موعظه و تواضع و فروتنی به تصویر کشیده می‌شوند. حتی آن حس خوشبختی «بهشت برگشته» زمانی که فوما فومیچ به سرهنگ اجازه ازدواج با ناستینکا را می‌دهد تحت تأثیر مستی ناشی از الکل به وجود می‌آید و آن شخص با بخشندگی خود به «خدای خوبی‌ها» تبدیل می‌شود.

واژگان کلیدی: ف.م. داستایفسکی، «روستای استپانچیکووا و ساکنان آن»، متن محلی، نشانه‌شناسی مکانی، کرونتوپ.

۱. پژوهش حاضر با حمایت بنیاد پژوهش‌های بنیادی روسیه و وزارت آموزش و علوم ناحیه التای در چارچوب طرح پژوهشی به شماره ۲۲۰۰۳-۱۴-۱۷ تحت عنوان: «سبیری ف.م. داستایفسکی: نشانه‌شناسی مکانی و راهبردهای توصیفی» انجام شده است.

2. E-mail: esafir@mail.ru

علم و دانش آکادمیک روسیه در سده نوزدهم در حوزه تاریخ‌نگاری رنسانس بلغارستان

میلا دمیترووا کریستیوا^۱

دانشیار، دانشگاه پائیزی خیلندارسکی پلوودیو،

پلوودیو، بلغارستان.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۹)

در سال ۱۷۶۲م. هرمونک پائیزی خیلندارسکی کتاب دست‌نویس خود یعنی «تاریخ اسلونیایی-بلغاری» را به پایان رساند. کتابی که او در صومعه زاگرافسک نوشتن آن را آغاز کرد، در صومعه خیلندارسک واقع در کوه مقدس آتوس به پایان رسید. در دوره رنسانس بلغاری، بین سال‌های ۱۷۶۵ و ۱۸۸۲، کتاب «تاریخ اسلونیایی-بلغاری» در بلغارستان بیش از ۷۰ بار تصحیح و ویراستاری شد. روسیه در دهه ۴۰ سده نوزدهم به نسخه‌های دست‌نویس و تصحیح شده کتاب پائیزی علاقه‌مندی زیادی نشان داد و حتی تا پس از آزادسازی بلغارستان از یوغ عثمانی آن را حفظ کرد. مقاله حاضر به احیای- به تعبیر ما- «تأثیرگذاری روسیه» در تاریخ‌نگاری بلغارستان سده‌های هجدهم و نوزدهم می‌پردازد. در مقاله حاضر به بررسی روابط میان واسیل آپریلوف (مهاجر بلغاری در اودسا) و برخی از دانشمندان روسیه در آن دوره (همچون یوری ونلین، ویکتور گریگوریویچ، نیکولای مورزاکویچ و دیگران) پرداخته می‌شود. این افراد نسخه‌های دست‌نویس تصحیح شده کتاب «تاریخ اسلونیایی-بلغاری» را که در آن زمان در روسیه وجود داشتند مطالعه کرده و به نوشتن نسخه‌های جدیدی از آنها در دهه‌های ۴۰ و ۵۰ سده نوزدهم در روسیه بسیار علاقه‌مند بودند.

واژگان کلیدی: پائیزی خیلندارسکی، «تاریخ اسلونیایی-بلغاری»، نسخه خطی، تصحیح نسخه خطی و دست‌نویس، ویراستاری، روسیه.

بُعد شاعرانه و هنرمندانه: ارتباط مقوله‌ها در آثار ن.و. گوگول

آکسانا آناتالیونا کراوچنکو^۱

دانشیار دانشگاه ملی دونتسک،

دونتسک، اوکراین.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۹)

این مقاله به بررسی موضوع توصیف به عنوان یک ویژگی مشخص در آثار ادبی گوگول می‌پردازد. لازم است گفته شود که زیبایی سبک گوگول با گرایش‌ها و ارزش‌های والایی چون: پاتوس و گرایش به ارزش‌های عالی و بزرگ پیوند می‌خورد. از طرفی، زیبایی وصف گوگول فراتر از سنت‌ها و شیوه‌های توصیفی ادبی است. مقوله‌هایی چون وصف هنرمندانه و شاعرانه در زیبایی‌شناسی گوگول، معانی خود را گسترش می‌دهند، در حالی که با هیپوتایپس و رنگیستی به عنوان نشانه‌هایی از سبک وی، همزمان در هم می‌آمیختند و نیز از آن‌ها فراتر می‌گذاشتند. بُعد توصیف هنری گوگول با بعد شاعرانه وی در تضاد نیست، اما به طور اساسی مسیر خود را از احساسات خارجی به سوی احساسات داخلی تغییر می‌دهد. توصیف گوگول از نقاشی‌های بریولوف و تفسیر او از تابلو نقاشی ایوانف به این دلیل مشابه هم هستند که رویدادهای تاریخی نشان داده شده توسط گوگول مفهوم و معنای مقدسی پیدا می‌کنند. شیوه توصیف در آثار گوگول بسیار فوق‌العاده و شگفت‌انگیز است به گونه‌ای که گوگول در قالب کلمات، مفاهیم نامرئی و وصف‌نشدنی را به زیبایی و هنرمندانه توصیف می‌کند و بنابراین، هر دو بُعد کلامی و توصیفی در آثار او در حد توانایی‌های زیبایی‌شناختی خود قرار می‌گیرند.

واژگان کلیدی: زیبایی، شیوه‌های توصیف، گرایش‌های عالی، پاتوس، نگاه درونی.

انتخاب ساختار نحوی: نوع موقعیت گفتاری و عوامل دیگر

لنا لئونیدوونا گریگوریان^۱

دانشیار، دانشگاه فدرال جنوبی راستوف-نا-دانو،

راستوف-نا-دانو، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

نحو را می‌توان در جایگاه یک نظام از شیوه‌های بیان موقعیت‌های گفتاری و مجموعه‌ای از موقعیت‌های گفتاری معمول تحلیل و مطالعه کرد؛ از جهت دیگر از نظر یکپارچگی ساختار و معنائشناسی، محتوای زبان ناهمگن و اغلب این نوع ارتباط در آن به صورت غیرمستقیم است و معانی و مفاهیم مختلفی را در بر می‌گیرد. شیوه بیان یک موقعیت گفتاری نه تنها به ویژگی‌های عینی و شرایط و عوامل ادراکی بستگی دارد، بلکه به عوامل خاصی از قبیل ساختار شکل‌گیری ارتباط گفتاری و غیره نیز وابسته است. این مقاله رابطه بین عوامل معنایی و کاربردی در انتخاب ساختار نحوی گفتار در رابطه با بعضی از ساختارهای زبان روسی را بررسی می‌کند. برای بسیاری از موقعیت‌های گفتاری مشخص، ممکن است بیش از یک ساختار نحوی با ترتیب کامل یا تقریباً کامل ترکیب واژگانی وجود داشته باشد که امکان‌پذیر شدن معنای خاص یک ساختار نحوی مشخص را به‌ویژه در متون با مفهوم متضاد فراهم می‌آورد؛ علاوه‌براین، ویژگی‌های ساختار نحوی در کاربردهای غیر استاندارد بیشتر به چشم می‌آید (به عبارتی در ترکیب با افعالی که در این ساختار نحوی مشخص کمتر استفاده می‌شوند).

واژگان کلیدی: نحو، معنای نحوی، بیان موقعیت گفتاری با ساختار نحوی، کاربردشناسی، ساختارهای نحوی بدون شخص، ساختارهای نحوی مجهول.

توصیف احساسات و عواطف در مجموعه داستان پوشکین «داستان مرحوم ایوان پتروویچ بلکین، چاپ آ.پ.» از دریچه جنسیت شخصیت‌های داستان

ویرائیکا ایگاریونا آبرامووا^۱

دانشیار، دانشگاه دولتی تربیت‌معلم لف تالستوی تولا،

تولا، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۹)

در مقاله حاضر احساسات و عواطفی چون شادی، اندوه، شگفتی، خشم، کنجکاوی، شرمساری، حس گناه و ترس در شخصیت‌ها و قهرمان‌های اصلی مجموعه داستان پوشکین «داستان مرحوم ایوان پتروویچ بلکین، چاپ آ.پ.» بررسی می‌شود. داستان دو تصویر عاطفی از جهان را نشان می‌دهد که مکمل هم هستند: یکی از زاویه دید نویسنده (که کاملاً مردانه است) و دیگری تصویری کلی است (شبه‌مردانه). در مجموعه «داستان‌های بلکین» دو صدا را می‌توان از هم تشخیص داد: یکی شخصیت «آ.پ.» که خود نویسنده است و دیگری صدای راوی داستان به نام بلکین که روایت‌کننده ماجراها و داستان‌هایی است که از دیگران درباره شخصیت‌های اصلی داستان شنیده است. (مشاور عالی آ.گ.ن، سرهنگ دوم ای.ل.پ.، دستیار ب.و.، دختر خانم ک.ای.ت.) می‌توان نتیجه گرفت که «صدای» بلکین صدای تمام اهالی شهر است که تصویر کلی از جهان را تشکیل می‌دهد. در متن «داستان‌های بلکین» هیچ نامی از عواطف و احساسات وجود ندارد و نویسنده تنها به بیان و توصیف آنها می‌پردازد. احساسات و عواطف مردانه بیشتر از عواطف زنانه به چشم می‌خورد. بیشترین احساسات و عواطف مردانه که در داستان به تصویر کشیده می‌شود حس خشم است و از مهم‌ترین عواطف زنانه داستان می‌توان حس ترس را نام برد. این امر برگرفته از فرهنگ جنسیتی اروپایی است.

واژگان کلیدی: احساسات و عواطف، نام، توصیف، بیان، توصیف جنسیتی.

تصویر ایران در آثار مثنوی مستند روسیه سده نوزدهم
(«سفر به ایران» آ.د. سالتیکوف)

تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا^۱

استاد دانشگاه دولتی آ.س. پوشکین لنینگراد،

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: آوریل ۲۰۱۹)

با اینکه روابط بین روسیه و ایران تاریخچه‌ای طولانی دارد، اما موضوع درک درست فرهنگ‌های گوناگون هنوز بسیار کم بررسی شده است. مدارک و اسناد موجود درباره روابط اجتماعی، سیاسی و فرهنگی روسیه و ایران اهمیت ویژه‌ای دارند. از مهم‌ترین منابع در این حوزه، یادداشت‌ها، نامه‌ها و مجلات سفر گردشگران روسیه است که از سده هفدهم تا نوزدهم میلادی از ایران دیدن کرده بودند. یکی از مهم‌ترین منابعی که ما را به فضای شرق «رؤیایی» و «فوق‌العاده» می‌برد، یادداشت‌های شاهزاده «آلکسی دمتریویچ سالتیکوف» با نام «سفر به ایران» است. این کتاب در جریان سفر نویسنده به ایران در سال‌های ۱۸۳۹-۱۸۳۸م. نوشته می‌شود و در سال ۱۸۴۹م. به چاپ می‌رسد. یکی از ویژگی‌های بسیار مهم و جالب این کتاب و کتاب‌های مشابه ذکر «جزئیات عینی» از ملاقات‌ها و مشاهدات شخصی نویسنده در سفر است. این نوع جزئیات و خاطرات شخصی، پایه و اساس متون ادبی روسیه در حوزه شرق را تشکیل می‌دهند.

واژگان کلیدی: آ.د. سالتیکوف، «سفر به ایران»، روابط روسیه و ایران، متون شرقی، ژانرهای مستند.

ویژگی‌های عصر طلایی ادبیات روسیه از دریچهٔ عصر نقره‌ای

تاتیانا آلکساندروونا کاشمچوک^۱

استاد گروه زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی کشاورزی سن پترزبورگ،

سن پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

مقاله حاضر به تحلیل دیدگاه عصر نقره‌ای دربارهٔ پدیدهٔ ادبیات کلاسیک روسیه در مقایسه با ارزیابی دیدگاه‌های انتقادی پیشین، عشق به مردم، ارزش‌های والای اجتماعی و واقع‌گرایی به عنوان ارزش اصلی می‌پردازد. در مقاله نشان داده شده است که ویژگی‌های ادبیات کلاسیک روسیه به عنوان یک مرحلهٔ کامل از فرهنگ روسیه، محل اختلاف نمایندگان دو دیدگاه مقابل هم نیست. مهم‌ترین ویژگی‌های مشترک عبارتند از: تأثیر ادبیات روسیه بر ادبیات اروپا؛ گرایش ادبیات فراتر از چارچوب خود (گرایش به زندگی، اخلاق و معنویات)؛ ادبیات به عنوان بازتاب روح مردم؛ ارتباط با آرمان‌های مسیحی مردم؛ نمایش مشکلات و سختی‌های نویسنده روسی؛ توجه کم به زیبایی‌شناسی. در مقاله حاضر نشان داده شده است که چگونه این موضوعات در آموزه‌ها و اندیشه‌های نویسندگان مختلف مفاهیم و معانی گوناگونی پیدا می‌کنند. (به عنوان مثال در بحث‌های د.س. مرژکووسکی و ن.م. میخایلکوسکی، یا د.س. مرژکووسکی و آ.م. سکایچوسکی). مشخص می‌گردد که تضاد و تقابل ریشه‌ای دیدگاه‌های آتیستی و مذهبی به ادبیات عصر طلایی تعیین‌کننده این نوع تفاوت‌هاست.

واژگان کلیدی: عصر طلایی، عصر نقره‌ای، دین و مذهب، مادی‌گرایی، عشق به مردم، موعظهٔ اخلاقی، روح و روان مردمی، ویژگی زمان.

خطبه‌های اسلامی به زبان روسی: بُعد ارتباطی و کاربردی

تاتیانا ویکتوروونا ایتسکاوویچ^۱
استاد، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

آیجمال توگالبای کیزی^۲
کارشناس ارشد زبان و ادبیات روسی، دانشگاه فدرال ب.ن. یلتسین اورال،
یکاترینبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: فوریه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئن ۲۰۱۹)

هدف پژوهش حاضر بررسی ژانر خطبه اسلامی به زبان روسی است. بیشتر مطالعات روسیه در حوزه ارتباطات مذهبی به مسیحیت اختصاص داده شده است؛ سنت‌های مذهبی دیگر به‌ندرت مورد توجه زبان‌شناسان بوده‌اند. در اسلام، خطبه به معنای سخنرانی اخلاقی و معنوی امام جماعت و خطیب است که به مسائل دینی یا اخلاقی مذهبی اختصاص دارد. واعظ در فرهنگ اسلامی خطیب نام دارد که باید از اصول اولیه اسلام مطلع و عالم بوده و مسلط به متون و مفاهیم قرآنی باشد. به‌علاوه واعظ به موضوعات معاصر، داستان‌های زندگی و مسائل اجتماعی می‌پردازد. مخاطب خطبه دارای یک سری ویژگی‌هایی است: خطبه در مسجد ایراد می‌گردد و برای مردان مؤمن امری واجب و یک عنصر ضروری از زندگی مذهبی است. زن‌ها در اسلام از موقعیت خاصی برخوردارند؛ رفتن به مسجد برای زنان ممنوع نیست اما با این حال به آنها توصیه شده فرایض دینی و عبادی را در خانه ادا کنند. در اسلام، خطبه‌ای به نام «خطبه در خانه» وجود دارد که می‌تواند هم توسط امام خطیب و هم یک زن مذهبی برای زنان ایراد گردد.

واژگان کلیدی: سبک گفتاری دینی و مذهبی، دین اسلام، خطبه، بُعد ارتباطی و کاربردی، خطیب، مخاطب موعظه.

---

1. E-mail: Tatiana.Itchkovich@urfu.ru
2. E-mail: aijamal_1808@mail.ru

پارادایس تزاری و درباری در شعر روسیه سده هجدهم و سی سال نخست سده نوزدهم: سیر تکاملی موضوع و مفهوم آن

آکساندر ایلیچ ایوانیتسکی^۱

استاد انستیتو پژوهش‌های عالی علوم انسانی، دانشگاه دولتی علوم انسانی روسیه،

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: آوریل ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۹)

در شعر روسیه عصر مطلق‌گرایی و روشنفکری نیمه دوم سده هجدهم، «پارادایس» حومه‌ای تزاری و درباری به عنوان مصداقی از طبیعت «جدید» پدیدار گشت که توسط پادشاه به «بهشت» بهار ابدی تبدیل شده است. اجزای اصلی این توپوس با پایان حکومت دوران کاترین معانی جدیدی در شعر سده‌های ۱۸ و ۱۹ پیدا کردند. طبیعت به حالت طبیعی یک کل باز می‌گردد و یک تاریخ برگشت‌ناپذیر را اداره می‌کند. برای شاعر، «بهشت خاکی» ویران شده، زمینه‌ای برای تأمل و درک زندگی خود به عنوان بخشی از یک زندگی برگشت‌ناپذیر است. دنیای الهی که در اصل در «پارادایس» انسان ساخته شده است، برای ابتدا به عنوان آنتی‌تزی طبیعت خاکی و سپس سنتز معنوی تلقی می‌گردد.

واژگان کلیدی: کاخ خارج از شهر، ستایش، بهار ابدی، سوگواره، تاریخ، خاطرات.

چکیده‌های فارسی

برخی از جنبه‌های تألیف واژه‌نامه‌های معنایی آموزشی دوزبانه

ژانیل نیگیزبایونا ژونوسووا^۱

استاد، گروه زبان‌شناسی نظری و کاربردی، دانشگاه ملی ل.ن. گومیلیوف اوراسیا،
آستانه، قزاقستان.

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۱۹؛ تاریخ پذیرش: مه ۲۰۱۹)

در دو دهه گذشته زندگی اجتماعی در کشور قزاقستان دستخوش تغییر و تحولاتی شده است: مهم‌ترین آنها عضویت در جامعه جهانی، همگرایی اقتصادی و سیاست سه‌زبانه است که این امر به تغییر رویکردها در آموزش و پرورش و ترقی و تعالی کل نظام آموزشی این کشور کمک کرده است. در راستای ارتقای سطح آموزش اجتماعی و آموزش گروه خاصی از دانشجویان مهاجر که به سرزمین مادری و تاریخی خود بازگشته‌اند، در تدریس زبان غیرمادری (روسی) به آنها از انواع لغت‌نامه‌ها و کتاب‌های مرجع به‌صورت گسترده استفاده می‌شود. برای این گروه از دانشجویان در دانشگاه‌های قزاقستان کلاس‌های تکمیلی در همه دانشکده‌ها برگزار و مواد و برنامه‌های آموزشی و کتاب‌های کمک آموزشی تهیه می‌شود. به‌منظور رشد و تقویت ذخایر واژگان، توسعه و نظام‌مند کردن دانش واژگان زبان روسی برای این گروه از دانشجویان، یک نوع خاص از فرهنگ لغت معنایی (ایدئوگرافیک) تدوین شده که برای فراگیری مستقل زبان به عنوان یک ابزار تکمیلی کمک آموزشی در دوره اصلی مفید است. در مراکز آموزش زبان به مهاجران برای برگزاری دوره‌های آموزشی زبان روسی، کتاب‌های درسی بسیار مفیدی تألیف و سمینارهای متعددی در حوزه روش‌های آموزش زبان برگزار می‌شود.

واژگان کلیدی: فرهنگ لغت آموزشی، آموزش، دانشجویان مهاجر، سیاست‌های زبانی، فرهنگ لغت معنایی (ایدئوگرافیک)، فرهنگ‌نگاری دوزبانه.

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ۴۰۰۰۰ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:
myahya@ut.ac.ir

✂-----

 <p>انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی The Iranian Association of Russian Language and Literature</p>	<h3>برگ درخواست اشتراک</h3> <p>نام و نام خانوادگی / مؤسسه: .....</p> <p>شغل / نوع فعالیت: ..... میزان تحصیلات: .....</p> <p>نشانی: .....</p> <p>تلفن: .....</p> <p>کد پستی: ..... صندوق پستی: .....</p> <p>شماره‌های درخواستی از شماره ..... تا شماره ..... تعداد</p> <p>درخواستی از هر شماره: ..... تاریخ: .....</p> <p>امضاء</p>
---	--

بر اساس نامه شماره ۱۳۹۲/۶/۱۶ مورخ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴ / مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسه مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شماره یک اعتبار علمی - پژوهشی اعطا شده است.

*****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۱۶/۲۰۱۶ - ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجله دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱۴۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ۴۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبه علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان (،)، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳، ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ۱۴ با فاصله ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحه نشریه به آدرس <http://www.journaliarll.ir> مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرنا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن پترزبورگ
(سن پترزبورگ، روسیه)

والری ولادیمیرویچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم
بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری
نیژنی نوگروود (نیژنی نوگروود، روسیه)

ایرین یگورونو مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا
روستاوولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایران‌شناسی
دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه،
تاجیکستان)

میشل نیک یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدماروویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی (دوفصلنامه علمی)

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او)، روسیه
میرلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن پترزبورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانه پوشکین»
آکادمی علوم روسیه، سن پترزبورگ، روسیه.
محمد رضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر

سردبیر: مرضیه یحیی‌پور

مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده

ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا

ویراستار فارسی: مهیود فاضلی

صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵

تلفن: ۰۲۱-۶۱۱۱۹۱۲۰؛ فاکس: ۰۲۱-۲۲۱۴۳۸۵۹

شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵

شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان

تهران - ایران

وبسایت: <http://www.journaliarll.ir>

فهرست

- ۱۱ برخی از جنبه‌های تألیف واژه‌نامه‌های معنایی آموزشی دوزبانه ژانیل نیگیزبایونا ژونوسوا
- پارادایس تزاری و درباری در شعر روسیه سده هجدهم و سی سال نخست سده نوزدهم: سیر تکاملی موضوع و مفهوم آن
- ۲۹ آکساندر ایلچ ایوانیتسکی
- خطبه‌های اسلامی به زبان روسی: بُعد ارتباطی و کاربردی
- ۴۷ تاتیانا ویکتورونای ایتسکاویچ / آیجمال توگالبای کیزی
- ۶۳ ویژگی‌های عصر طلایی ادبیات روسیه از دریچه عصر نقره‌ای تاتیانا آکساندروونا کاشمچوک
- تصویر ایران در آثار مشهور مستند روسیه سده نوزدهم («سفر به ایران» آ.د. سالتیکوف)
- ۸۱ تاتیانا ولادیمیروونا مالتسوا
- توصیف احساسات و عواطف در مجموعه داستان پوشکین «داستان مرحوم ایوان پتروویچ بلکین، چاپ آ.پ.» از دریچه جنسیت شخصیت‌های داستان
- ۹۹ ویرانیکا ایگاریونا آبراموا
- انتخاب ساختار نحوی: نوع موقعیت گفتاری و عوامل دیگر
- ۱۱۷ لئا لئونیدوونا گریگوریان
- بُعد شاعرانه و هنرمندانه: ارتباط مقوله‌ها در آثار ن.و. گوگول
- ۱۳۸ آکسانا آنا تالیونا کراوچنکو
- علم و دانش آکادمیک روسیه در سده نوزدهم در حوزه تاریخ‌نگاری رنسانس بلغارستان
- ۱۵۱ میلا دمیترووا کریستیوا
- توپوس بهشت در رمان ف.م. داستایفسکی «روستای استپانچیکووا و ساکنان آن»
- ۱۶۹ یلنا یوریونا سافرونووا
- مقایسه تحلیلی پیشوندهای اشتقاقی در زبان‌های فارسی دری و روسی
- ۱۸۷ زهرا احمدی / مهدی محمدبیگی کاسوائی/ شیرین حاییتووا
- مشکلات ترجمه شعر فلسفی تاجیکی-فارسی به زبان روسی
- ۲۰۷ علی‌شر حیساینوویچ سلطانوف / ناتالیا یوگنیونا ریبرووا